

Глава 19

КОНЕЧНАЯ ИСТИНА

Правая рука мужчины коснулась зеркала, и кровь, стекая по рукаву, закапала на пол. Возлюбленный белый зверь в его объятиях лежал, смежив веки, запрокинув голову, слегка приоткрыв лиловые губы. Промозглый ветер чуть растревожил озеро; две лодки покачивались на волнах.

Увидев, каков оказался в итоге выбор мужчины, Котаро спросил:

– Ты уверен? Не будешь жалеть?

– Я хочу... – бросив измученный взгляд на Такаю, Наоэ зажмурился на секунду, а потом твёрдым голосом сказал: – Я хочу его освободить.

Ответ оказался прямо противоположным ожидаемому, и Котаро распахнул глаза, не в силах удержать на лице свою обычную бесстрастную маску.

– Хочу выпустить его из зеркала.

– Наоэ, ты...

– Не хочу его смерти... хочу, чтобы он жил...

– Ты понимаешь, что ты говоришь?

Устало глядя на водную поверхность, Наоэ прижал Зеркало Самки, вместе с телом Такаи, к своей груди.

– Выпустите его, – хрипло пробормотал он, не понятно к кому обращаясь, – спасите его от этого сумасшедшего... – Котаро увидел, как по обветренным щекам мужчины покатались слёзы. – Я не хочу его смерти... Пожалуйста...

– Наоэ...

Таково было победившее в нём желание. Самовлюблённость, любовь к другим, стремление избавиться от первого и от второго – перестали иметь значение. Он не мог сделать ничего иного, кроме как отставить всё в сторону, и эта последняя истина, оформившись в его пустой голове, не принесла с собой даже скорби – только немую покорность.

Возможно, всё дело в похоти. Он ухватился за шанс оживить Кагэтору, поддавшись бездумному велению плоти, – так, возможно, осудят его люди, и будут правы; Наоэ это было глубоко безразлично. Но ему некуда было деваться от истины – его собственной правды, с которой он сейчас оказался лицом к лицу.

«Я хочу, чтобы ты жил...»

...Таков мой последний ответ – ответ человека, которого ты связал и удерживал – и даже я сам не в силах изменить его...

Наоэ крепче сжал зеркало и направил его вверх, к Зеркалу Самца в лапах огромного дракона. Дракон – отец Кагэторы, Ходзэ Удзиясу – неторопливо покачивался в воздухе. Наоэ держал зеркало твёрдой, больше не колеблющейся рукой.

– Пожалуйста, поверни зеркало сюда, – взмолился Наоэ, бесстрашно глядя в золотые глаза, взирающие на него сверху вниз.

Пусть это чувство не приносит ничего, кроме боли, но оно – истина, единственная, которую удалось обрести за четыреста бесконечных лет. Которая произносится мучительно, сдавленным голосом, тяжёлым от слишком сильных переживаний – не клятва, но исповедь... Эта истина – *я тебя люблю*.

Он закрыл глаза, и слёзы потекли по его щекам – теперь в знак искреннего осознания вины. Наоэ снова повторил сквозь зубы:

– Пожалуйста, спасите...

Зеркало Самки засветилось красным и погорячело, чувствуя близкое присутствие Самца. Зеркало в лапах дракона откликнулось похожим светом, и разнёсшийся над туманным озером удивительный звук был точь-в-точь как вой цуцуг, породивших некогда зеркала.

– Если душа и освободится, это ещё не будет значить, что человек в твоих руках оживёт, – справедливо заметил Фума Котаро. – Тебя устраивает такой исход? Душа будет свободна, но в тело не вернётся... Не пожалеешь потом?

Наоэ отчаянно замотал головой, словно стряхивая с себя сомнения.

Он поворачивался спиной к воротам в рай, сулящий вечное счастье завершения, и выбрасывал ключ – который больше, возможно, никогда не попадёт в руки.

«Я хочу жить вместе с этим человеком».

Почему последнее желание его сердца оказалось именно таким? Он уже не мог объяснить. Он хорошо знал, что жизнь не несёт с собой ничего, кроме боли – почему же он выбирал её?

«Я просто не могу...»

...Умереть. Он не мог, и даже не хотел знать, почему – потому ли, что не желал смерти Кагэторе, или ему дорога была своя собственная жизнь... Поиск ответа на вопрос, почему он выбирает так, а не иначе, грозился вскрыть неизведанные доселе глубины его ничтожности; Наоэ чувствовал это, и даже не хотел ни о чём размышлять.

– Освободите его, скорее! – почти выкрикнул он голосом крайне измученного человека. – Прошу...

Дракон-Удзиясу, взиравший на всю сцену с высоты, кажется, решил внять мольбам мужчины, в чьих руках покоилось тело его сына. Он направил Зеркало Самца вниз; Наоэ поднял вверх Зеркало Самки. Две цуцуги завыли, перекликаясь, и этот таинственный и прекрасный клич понёсся над озером Асиноко, словно песня чистых духов, живущих в его глубине.

Бьющие из волшебных зеркал красные лучи медленно накладывались друг на друга. Вот они полностью совместились, превратившись в одну линию, и когда каждое из зеркал отразило другое, во все стороны брызнул ослепительный свет.

Колоссальная энергия полилась наружу из Зеркала Самки. Наоэ невольно вскрикнул. Взметнулся вихрь, по поверхности озера с шумом заплясали волны, и какая-то огромная

сила начала рвать зеркало у Наоэ из руки. Он вцепился в него, но тянущая сила была слишком велика...

– А-а!..

Вдруг из зеркала словно что-то вышло, и оно сразу стало легче. Наоэ распахнул глаза. В ту же секунду Фума Котаро вскинул руку... Грянул выстрел.

Пуля оцарапала правую кисть Наоэ, и он, вскрикнув от резкой боли, уронил зеркало. Сразу же из воды за кормой выскочило какое-то создание и беззвучно приземлилось на дно лодки.

– Что?..

Создание оказалось никем иным, как цуцугой. Прежде, чем Наоэ смог стряхнуть с себя оцепенение, она схватила зеркало в зубы – и уже снова была в воде.

– Эй!.. А ну стой!.. – он ударил силой вдогонку, но Котаро закрывал цуцугу ментальным щитом до тех пор, пока та, прыгая по волнам, не очутилась у его ног.

– Ублюдок!

– Зеркало тебе одолжили, как и было обещано! – звонко крикнул Котаро, целясь в Наоэ из пистолета. – Теперь – прощайся с жизнью!

Котаро спустил курок, несколько раз подряд. Наоэ, не теряя ни секунды, закрылся ментальным куполом. Звучали один за другим выстрелы, пули, отскакивая от невидимой стены, падали в воду – одна, вторая, третья... А потом воздух загудел, и вместе с сильным порывом ветра по воде кругами пошли большие волны, заваливая лодку на бок.

Наоэ прижал тело Такаи к себе, защищая его от обрушившихся на них брызг. Мельком через плечо он увидел, как на поверхности озера закручивается, вспучиваясь по краям, водоворот, в который дракон уже готовится нырнуть.

– Князь Удзиясу!

Потом всё скрылось за стеной брызг и плотного тумана. Волны взметнулись вверх и с шумом опали, когда дракон исчез в озёрной глубине, оставив за собой лишь белоснежный шлейф из воды. Вцепившись изо всех сил в край лодки, которую бросало, как щепку на волнах, Наоэ просто ждал, когда это светопреставление закончится.

Наконец воронка рассосалась, озеро постепенно успокоилось, а ещё минут через десять туман рассеялся ровно настолько, чтобы можно было оглядеться вокруг. Наоэ нашёл взглядом то место, где недавно был дракон: водоворот исчез почти без следа, только большие концентрические круги всё ещё расходились по поверхности. Лодки Котаро тоже нигде не было видно. Может, его затянуло в воронку? Нет, такой оплошности безупречный синоби ни за что бы не допустил.

Наоэ промок с головы до ног – вода, стекая с его волос и одежды, капала на дно лодки, где и так скопилась большая лужа. Он бросил взгляд на Такаю, в чьём состоянии не было заметно никаких изменений.

– Такая-сан, – сказал Наоэ, нахмурившись, и похлопал его по лицу. – Такая-сан!..

Холодное лицо не шелохнулось. Наоэ, вне себя от волнения, встряхнул Такаю что было силы, и ударил по щеке.

– Очнитесь, Такая-сан!..

...Бесполезно. Тело умерло, и на возрождение нет никаких шансов. Надежда на помощь Будды – бесплодна, и даже если душа Такаи освободилась из Зеркала Цуцуги, вероятность того, что он откроет глаза, стремится к нулю.

Понимая всё это, Наоэ продолжал звать Такаю по имени, отчаянно пытался выкликать его с того света. А Такая всё не поднимал и не поднимал плотно сомкнутые веки, и его кожа оставалась такой же бледной.

...Всё-таки бесполезно. Он не оживёт. Время упущено, и не остаётся ничего иного, кроме как смириться... Неужели не остаётся?!

– Откройте глаза! – крикнул Наоэ неистово. – Сделайте вдох! Вернитесь!.. – и с силой сжал руками его плечи. – Такая-сан!..

Брови Такаи едва заметно дёрнулись. Наоэ распахнул налитые кровью глаза. Приоткрытые губы юноши шевельнулись – и он сделал первый хриплый вдох, после чего задышал часто и неровно, торопясь наполнить лёгкие кислородом.

– Такая-сан...

Тот дышал, – сдвинув брови, словно преодолевая боль, – пока на его лицо не начала возвращаться краска. Наконец, опущенные веки дрогнули, и Такая медленно открыл глаза.

Когда расплывчатый поначалу мир постепенно приобрёл очертания, Такая остановил взгляд на склонившемся над ним лице.

– ...Наоэ...

Взгляд был живым, не потускневшим. Прекрасные тигриные глаза сияли ярче любых драгоценностей; в их чистом свете сердце грешника сжалось, и вновь по его щекам потекли слёзы.

Такая медленно поднял руку и зачарованно потянулся к мокрой щеке Наоэ, когда почувствовал у себя во рту посторонний предмет; рука, изменив направление, извлекла изо рта маленький шарик – блестящую бусину с изображением Будды Дайнити. Не было никаких сомнений в том, чьё покровительство сохранило тело Такаи в состоянии клинической смерти.

– Наоэ... – позвал он, но тот не ответил. Даже не мог поднять глаз, из которых всё ещё катились слёзы. Знал ли Такая, что недавно без его участия решалось нечто большее, нежели его жизнь и смерть? Или притворялся незнающим? Судя по его виду, он всё ещё был немного не в себе.

Сейчас Наоэ даже не мог выговорить его имени. Он прижал Такаю к груди, и крепко обнял. Мокрое холодное тело, с которого больше чем наполовину сползло кимоно, было тёплым внутри, Наоэ слышал биение сердца... Он аккуратно уложил Такаю на пол.

– Как я думал, так оно и вышло, – тихо проговорил Такая, не отворачиваясь от приблизившегося к нему лица. – Я верил, что стоит мне очнуться, и я увижу рядом тебя...

Наоэ приставил мокрый палец к его губам, будто запечатывая слова внутри, и склонился к основанию его шеи. Белый зверь поморщился и закрыл глаза, приготовившись терпеть. Мужчина, приложив руку зверя к своей щеке, коснулся губами его горла... Раздался чуть слышный стон.

– Наоэ... – сказал Такая тихо, – ...спасибо.

Впитывая в себя слова, которых не заслуживал, плачущий мужчина припал холодными губами к его губам. Такая принял этот горестный поцелуй, поймав лицом обжигающе-горячие слёзы.

Тем временем озеро полностью успокоилось, и туман вновь сомкнулся над его тёмно-синей водой.

***

Не прошло и часа, как плотный туман над озером Асиноко полностью рассеялся, – и вот уже зеркальная гладь воды отражает безоблачное небо и изящные силуэты гор.

Припекало. На таком солнце промокшая одежда высохнет быстро.

Их катер причалил к небольшому пирсу неподалёку от святилища Кудзурю – по приказу Такаи, который Наоэ беспрекословно выполнил. Пока они плыли к берегу, он заметил, что раны его почти зажили, а ведь ранен Наоэ был серьёзно. Он думал, что вообще не сможет ходить, однако же, каким-то чудом теперь был почти здоров.

«В чём же дело?» – мысленно изумился Наоэ, и тут Такая, сидевший рядом и молча глядевший перед собой, заговорил:

– Слёзы дракона с озера Асиноко считались у людей святой водой, исцеляющей болезни и раны... И само озеро, в котором растворены эти слёзы, стало священным, – так рассказывал мне двоюродный дедушка...

От изумления Наоэ даже не нашёл, что ответить – просто смотрел на повёрнутое к нему в профиль лицо. Твёрдый взгляд тигриных глаз был устремлён прямо вперёд... Вдруг Такая моргнул, будто просыпаясь ото сна:

– Что я сейчас...

Повернув голову, он встретил настороженный взгляд Наоэ. О чём тот думает в подобные моменты, когда Такая неосознанно превращается в Кагэтору? Такая не знал, но холодное спокойствие Наоэ заставляло его вновь ощутить уже ставшую привычной неуверенность.

Такая отвернулся и больше не раскрывал рта.

Высидевшись на старом дощатом причале рядом с парком Хаконэ, они поднялись по каменным ступеням к святилищу Кудзурю и остановились перед трупом мужчины, никем пока не обнаруженным.

При виде тела в луже крови Такая не проявил никакого волнения. Он некоторое время разглядывал его с серьёзным выражением лица, как полицейский, изучающий картину

преступления, а потом повернулся и пошёл по той же дорожке обратно к озеру, пока не оказался у кромки воды. Там на мелководье примерно в метре от берега что-то ярко блестело. Такая ступил босиком в воду и подобрал сверкающий предмет.

Это было ручное зеркало, которое он велел Тояме носить с собой – зеркало треснуло, когда в него вошла цуцуга, но не развалилось. Такая крепко сжал его в ладони.

Наоэ стоял сзади и разглядывал его облачённую в белое кимоно спину. Такая, не оборачиваясь, спросил:

– Ты пришёл, чтобы спасти Кагэтору?

Наоэ резко сдвинул брови. Такая подождал, уставившись в одну точку на поверхности воды, а потом повторил вопрос. Когда ответа снова не последовало, он первым не выдержал затянувшегося молчания:

– Ты хотел спасти Кагэтору! Ты спасал его, а не меня!

– Я спасал вас, – сказал Наоэ спокойно.

– Не меня, а Кагэтору!

– Вас.

– Кому ты это сейчас говоришь?! – Такая обернулся с выражением неподдельной ярости на лице. – Ему?!

Сомнения, терзавшие его с тех пор, как они расстались в Тояме, – а на самом деле зародившиеся гораздо раньше, – эти сомнения вернулись, стоило Такае увидеть Наоэ вновь.

– Ты защищаешь меня не потому, что я – это я. Обо мне, Оги Такае, ты ничего не знаешь! Мне не нужна такая доброта!

Боль пробежала по телу Наоэ, как трещина по стенке сосуда, но никак не отразилась на лице. Верный вассал выслушал слова Такаи, облачившись в панцирь непроницаемого спокойствия, а потом опустил веки и повторил:

– Вы – это вы.

Такая тоже закрыл глаза и мотнул головой:

– Не я...

– Вы...

– Хватит! Хватит вешать на меня свои страдания, в которых виноват Кагэтора!

В глазах Наоэ зажёгся жестокий огонёк. Гнев, вот что это было...

– Таким образом вы снова решили от меня убежать?

– Это не я убегаю. Это ты видишь во мне замену. Может, ты надеешься получить от Оги Такаи то, в чём отказывал тебе Кагэтора? Так или нет?!

– Трус, – сказал Такая после секундной паузы. – Хитрый и расчётливый трус. Решил, что Оги Такая, не помнящий прошлого, здорово для этого подходит? И ты подмазывался ко мне, и делал вид, что заботишься обо мне – когда на самом деле я для тебя ничегошеньки не значу!

Его голос сорвался, и он замолчал, зажмурившись, пытаясь отдышаться. С озера подул ветер, взъерошил его волосы, набежавшая волна коснулась ног Наоэ. Наконец, Такая поднял голову, посмотрел на него и спокойно спросил:

– Ты любил Кагэтору?

В повисшем ледяном молчании Наоэ встретил его взгляд, не меняясь в лице. Такая не дрогнул и не отвернулся, когда блестящие зрачки остановились на нём.

– ...А вы знали об этом. Вы знали, что я к вам испытывал, и какова была сила моих чувств. Как я трепетал перед вами, как завидовал вам, как ненавидел вас – вы знали всё ещё до того, как я изнасиловал Минако.

Такая нервно сглотнул. Минако... Его испугало это имя, – то самое, которое он выкрикивал несколько раз во сне, – но он так и не смог понять, в чём тут дело.

– Кто она, Минако?.. Что там было, в этом твоём прошлом?..

– Вы знаете, что. Ведь вы сами всё спланировали – чтобы я взял её, отнял у вас, всё... всё это был капкан, построенный вашими изобретательными руками.

Такая испугался этих жестоких слов, но собрал волю в кулак и решил дать отпор:

– Ну а я-то здесь причём? Даже если Кагэтора и был таким, как ты говоришь... Я, Оги Такая, ничего не могу с этим поделать!

Наоэ смерил его взглядом:

– Что значит «не можете»? Мои чувства не изменятся, как бы вы себя ни называли – Уэсуги Кагэтора, Оги Такая, или как-то ещё... Ваш дух властвует надо мной. Ужасает меня, глубоко ранит меня... Вы прекрасно знаете, в чём ваша вина, и ищете, как бы уйти от ответа. Пора бы уже перестать это делать...

– Я... Я всё-таки не понимаю... Почему Кагэтора тебя ужасает? Разве ты враг ему? Нет. Ты ему товарищ... Самый преданный вассал, самый способный подчинённый... Так или нет?

– Так. Я верный вассал, и ваш подчинённый, но, прежде всего... – Наоэ помолчал. – Прежде всего, я человек. И мужчина.

Такая слегка напрягся, а Наоэ безжалостно продолжал:

– Я мужчина, и мне не нравится, когда меня подавляют. Мне хочется победить того, кто меня превосходит, превзойти самому – я всего лишь мужчина, который не может отбросить амбиции.

– Я ваш надёжнейший союзник, и в то же время – жесточайший ваш критик. Само совершенство, практически идеал человека, – вы как плевок мне в лицо. Вы тыкаете меня носом в мои недостатки, и поэтому я боюсь вас. Но всё равно хочу превзойти.

– Наоэ...

– Да, вы мне нравитесь, – бесцветный голос, безучастное лицо. – Да, я вас люблю.

Слова Наоэ, сказанные механически, словно речь шла вовсе не о нём, привели Такаю в глубокое замешательство.

– Ну и что... мне с этим делать?

– Ничего не делать.

– Интересно...

Такая не понимал, как можно признаваться в любви таким неживым голосом. Произнесённые Наоэ слова казались фальшивкой, притворством... Принять их за чистую монету, или искать скрытый смысл? Такая больше не знал, где правда, а где ложь.

– За кого ты меня принимаешь? – он почувствовал отвращение к себе – за то, что позволяет Наоэ так легко морочить себе голову. От досады на глазах выступили слезы. Снова...

– Ты думаешь, я ни на что не годен. Не способен облегчить твои страдания... Ты с самого начала решил, что я ничем не смогу тебе помочь!

– А вы можете? – спросил Наоэ тихо. – Тогда согласны ли вы со мной переспать?

Такая поперхнулся.

– Впустить меня в себя, как женщина...

– Ты...

– Это позволит мне какое-то время не чувствовать боли – вот и всё, что вы можете для меня сделать. Согласны ли вы стать инструментом? Раздеться и лечь под меня, и принять на всю длину, и кричать от радости, пока я буду иметь вас?

Ужас отразился на лице Такаи. Он распахнул глаза и замер, чувствуя, как липкий пот стекает по спине.

– Ты... хочешь... меня...

Наоэ смерил побледневшего Такаю безразличным взглядом.

– Не можете, – припечатал он и сощурился. – Куда уж вам... Спасти? Избавить от страданий? Вы даже не в состоянии дать мне обезболивающее – лучше уж молчите, если не можете ответить за свои слова. Вот он, ваш недостаток: вы слишком много на себя берёте.

– Неправда...

– Я ничего от вас не жду. Я знаю, вы ради меня под пули не броситесь. Я никогда не увижу от вас ни самопожертвования, ни самоотдачи, – потому что вы всю жизнь любили только себя, и будете любить до конца дней.

Такая затряс головой. Он не находил нужных слов, но не желал соглашаться, поэтому молча мотал головой.

– Не согласны? Тогда сделайте, что я сказал.

Повисла пауза.

– Вот видите – ничего вы не можете.

Такая дрожал от злости и бессилия. Он хотел найти какой-нибудь достойный ответ и бросить в лицо этому бесчестному человеку, лишившему его самой возможности возражать. Хотел уязвить этого труса, спокойно обличающего его беспомощность, придумать что-нибудь в отместку ему. Но что бы он ни сказал сейчас, на Наоэ это вряд ли подействует. Потому что Наоэ больше чем наполовину прав. Отдаться мужчине? Настолько ужасно, что и речи быть не может. Как бы близок тебе он ни был... Нет, чем ближе, тем хуже. Для Такаи это было совершенно невыносимо. Он попросту испугался, осознав, какими глазами смотрит

на него тот, кому он бесхитростно доверял. Нечистыми, жаждущими глазами... Эта истина повергла его в шок.

Но Наоэ – Наоэ всё понимал. Он знал, что Такая его отвергнет. «Ничего не поделаешь» – как тяжело было слышать это из его уст. Человек, который его защищает... Человек, чью боль он так хочет прогнать – и не может... Слышать от него этот вердикт, видеть это бесстрастное лицо, лишённое какой бы то ни было надежды, было так обидно... настолько обидно, что...

– Почему вы плачете? – тихо спросил Наоэ, и Такая только сейчас заметил, что его лицо мокро от слёз.

– Вам меня жалко?

– ...нет...

– Тогда, быть может, вам жалко себя?

Такая дрожал. Такая кусал губы. Потом он пригвоздил Наоэ взглядом и сквозь зубы пробормотал:

– Ты хочешь не меня.

– Такая-сан...

– Ты хочешь Кагэтору!

Выкрикнув последние слова ему в лицо, Такая, не оборачиваясь, зашагал в сторону пирса. Наоэ смотрел, как он уходит, обхватив себя руками за плечи, словно защищаясь от холода. Он больше ни разу не обернулся.

Глава 20

ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ХАКОНЭ

В окрестностях святилища Хаконэ носились машины скорой помощи, полиции, и прочий срочный транспорт, множество людей куда-то бежали и что-то делали. Наоэ и Такая, снова сев в моторную лодку, причалили к каменной площадке под Воротами Мира.

Их глазам открылась страшная картина разрушений. Хотя главное здание храма, похоже, уцелело, хуже всего было у входа на территорию святилища: ступени храмовой дороги искрошились, каменные ворота-тории лежали в руинах, среди разломанного асфальта и поваленных деревьев было, кажется, много погибших и раненых. Шумели зеваки, суетились репортёры.

Проводив взглядом очередные носилки, скрывшиеся во чреве скорой помощи, Такая, наблюдавший за происходящим из тени деревьев, впервые за всё это время сказал:

– Твоих рук дело?

Наоэ промолчал. Такая не обернулся в его сторону. Его суровый, лишённый эмоций взгляд по-прежнему был направлен вперёд, когда он повторил утвердительно:

– Это ты.

– Моё осознанное решение. Я выбрал самый лучший, самый действенный способ.

– Ты перестарался, – на лице Такаи не дрогнул ни один мускул. – Почти все жертвы – люди, тела которых занимали духи Ходзё... и их слишком много. Ты считаешь, что это лучший способ? Я категорически не согласен.

– Согласны вы, или не согласны – вы сейчас здесь только благодаря этому. Иначе вам никогда бы не выбраться из Зеркала Цуцуги.

– Всё равно, можно было сделать по-другому, – Такая не собирался оправдывать средства целью, пусть даже целью было его собственное спасение. – Наша первоочередная задача – не допускать жертв среди живущих в этом мире, даже если это ставит нас самих под удар. Нет ничего важнее безопасности людей. Больше такого быть не должно. Ты понял, Наоэ?

Тот не стал спорить. Ещё один труп положили на носилки и понесли мимо, и Наоэ обратил внимание, что тело это до недавнего времени принадлежало Ходзё Удзитэру. На хмуром лице Такаи, который тоже должен был это видеть, не отразилось ничего. Он обвёл взглядом большую кучу поваленных деревьев и сказал:

– Они посадили души в стволы...

Его взгляд устремился к небесам.

– Духи-генералы Ходзё хотели провести тройной обряд Единения с Огнём.

Духи-генералы... Такая называл так людей, которые были когда-то его кровными родственниками, и Наоэ в очередной раз поразился его способности проводить черту. Да, конечно, он ничего не помнил, но чтобы оставаться настолько хладнокровным?.. Сейчас его спокойствие показалась Наоэ обыкновенной жестокостью.

– И Дерево Стрелы должно было стать средоточием силы... Хороший выбор, но мы больше не можем позволить им делать здесь, что заблагорассудится.

В этот момент с верхнего пролёта каменной лестницы раздался знакомый голос:

– Кагэтора! Наоэ!

С радостным возгласом, больше похожим на вопль, Аяко побежала к ним, полу-плача, полу-смеясь, расталкивая санитаров и полицейских.

– И ты здесь, Харуизэ?

– Ах, слава богу, вы оба живы! – она чуть не сшибла их с ног от радости, как большой щенок. Примчавшись сюда на мотоцикле всего несколько минут назад и увидев, что творится в святилище, Аяко подумала, что Наоэ и Кагэтора где-то там, подо всеми этими обломками. Она металась между санитарями и полицейскими в попытках узнать, нет ли их среди жертв.

– Я уже думала – ну всё. На этот раз – точно всё. Тояма попался Фуме и погиб, я приезжаю из Одавара, и что вижу? От святилища Хаконэ почти ничего не осталось! Я уже мысленно вас похоронила.

– Тояма?.. Одавара?.. О чём ты говоришь?

– Это я её позвал.

Наоэ, вздрогнув, обернулся к Такае, который встретил его взгляд в упор.

– Я заставил Тояму Ясухидэ из клана Ходзё переметнуться на нашу сторону. Теперь я знаю о них всё. Чиаки я отправил за Юзуру, но что-то там пошло не так.

– Тояма Ясухидэ?.. Чиаки отправился за Юзуру?.. Я не понимаю.

– Точно! – воскликнула Аяко. – С Нагахидэ нет связи! Возможно, у них ничего не получилось, Кагэтора.

– Мы едем в Никко, немедленно, – сказал Такая, бросив в сторону Наоэ решительный взгляд. – Но сначала раскинем барьер над святилищем, поставим Ходзё палки в колёса. Пока души привязаны к стволам, здесь всё ещё опасная зона. Мы сделаем так, чтобы Ходзё не смогли с лёгкостью провести здесь Обряд Единения с Огнём. Если энергия не сможет сконцентрироваться в Хаконэ, все их манипуляции потеряют смысл. Для этого надо взять духовный центр Хаконэ – это святилище – под наш контроль.

– Я создам защитное поле, – продолжил Такая. – Ходзё хотят связать между собой два энергетических центра Канто – Никко и Хаконэ, – чтобы получить в своё распоряжение огромную силу. Если отнять у них хотя бы один из этих центров, они не смогут завершить ритуал. Я накрою святилище Хаконэ защитным полем и наложу печать на огонь, чтобы ничего нельзя было поджечь – тогда Ходзё не смогут сплавить воедино энергию элементов... Барьер вокруг святилища я передам под прямую защиту Четырёх Небесных Королей.

– Печать на огонь? – переспросил Наоэ. – Но один из богов святилища, Хикоходэми-но микото, как раз, я слышал, повелевает огнём. Не воспримет ли он это как посягательство на свою власть? Нам может сильно достаться...

– Не достанется. Главные божества храма Хаконэ – это три бодхисаттвы: Мондзю, Каннон и Мироку. Или их синтоистские воплощения – Ниниги-но микото, Конохана Сакуяхимэ и Хикоходэми-но микото. Неважно, как воплощаются бодхисаттвы; задача Четырёх Небесных Королей – их охранять. Речь идёт не об ограничении божества в его силе, а о защите божества от плохих людей, которые хотят ему при помощи той же силы навредить. Я позабочусь о том, чтобы боги не прогневались.

– Это нужно сделать, – попытожил Такая. – Приступим.

И, повернувшись спиной к толпе, он зашагал вглубь раскинувшегося по берегу леса. Скорость, с которой он принял решение, повергла Наоэ и Аяко в минутный шок, и Наоэ почудилось в удаляющейся спине Такаи лично ему адресованное презрение.

«И всё равно мне ничего не остаётся, кроме как следовать за ним».

Наоэ шёл за своим господином, который никогда, никогда не оборачивался, и думал: «Если я не пойду за ним, продолжит ли он идти вперёд?»

***

– Это место подойдёт, – сказал Такая, остановившись там, откуда всю территорию святилища можно было окинуть взглядом. – Мне понадобится защита от мелких духов на время обряда.

Он шагнул вперёд, уселся на землю, завернул рукава и начал по очереди выполнять мудры Четырёх Небесных Королей. Наоэ и Аяко встали по обе стороны от него и, приложив ко лбу сложенные в меч-мудру пальцы, очертили вокруг Такаи круг.

– Да не коснётся его злая сила! – разнеслись по округе их звонкие голоса.

– О Небесные Короли, – начал Такая, – взываю к вам! Дабы покарать нечестивцев, что хотят утопить священные земли храма Хаконэ в дьявольском пламени, прошу вашей божественной защиты. Четырёхсторонний барьер!

Он раскрыл ладони, и между ними появился голубоватый светящийся шар. Такая медленно развёл руки в стороны. Шар разделился сперва на два, потом на четыре; внутри каждого виднелся символ одного из Небесных Королей. Такая сделал круговое движение, и шары вспыхнули ярким, гудящим пламенем.

– Печать на огонь по четырём направлениям! На восток! – быстро встав на одно колено, Такая подбросил в воздух шар с символом Дзикоку-тэна, защитника восточного направления. Шар вытянулся в огненную стрелу, которая устремилась к горам на востоке.

– На юг! – шар с символом Дзотё-тэна, оставляя позади огненный хвост, полетел в сторону Мото-Хаконэ.

– На запад! – шар с символом Комоку-тэна оправился к озеру Асиноко.

– На север! – наконец, в воздух взмыл последний шар с символом Тамон-тэна, которого также называют Бисямонтэн. Дождавшись, пока все шары приземлятся, Такая сложил руки ладонями вместе на уровне груди.

– Явитесь, Небесные Короли!

Пространство задрожало, и из глубин леса по четырём сторонам света начало подниматься светящееся марево, в котором вскоре стали различимы одетые в доспехи фигуры, каждая размером с гору. Разумеется, глазу обычного человека боги-защитники буддизма были не видны. Чтобы увидеть их, нужно было обладать недюжинной спиритической силой.

– Сомкнуть барьер!

Такая широко раскинул руки, энергия брызнула во все стороны. В воздухе разлилась свежесть, и мерцающая завеса, подсветив фигуры Небесных Королей, накрыла территорию храма гигантским куполом.

Разбуженные странными явлениями мелкие духи, которые слетались к Такае, чтобы ему помешать, исчезали, едва коснувшись расставленного Наоэ и Аяко защитного круга. Казалось, всё шло хорошо. Обряд должен был вот-вот завершиться.

Вдруг Аяко уловила шестым чувством ещё чьё-то могущественное присутствие.

– Наоэ! – предупреждая окликнула она, но тот и сам уже заметил, что их окружают со всех сторон. Наоэ приготовился увидеть цуцуг, но ошибся: из леса, подволакивая ноги, выползли с десятков мерзко выглядящих голодных духов.

– Это ещё что такое?! – воскликнула Аяко.

Голодные духи, с разинутыми слюнявыми ртами, продолжали лезть из-под земли. Наоэ почувствовал чьи-то руки на своей лодыжке. Потом Аяко закричала: на неё навалились сразу несколько, лишая возможности пошевелиться.

– Наоэ!..

– Не дай им приблизиться к господину Кагэторе! Если он сейчас прервётся, то потеряет фокус, и это может плохо для него закончиться!

Аяко выкрикнула что-то нечленораздельное из-под груды призрачных тел. Голодные духи, между тем, подбирались к Такае. Один пробил защитный занавес и чуть было не коснулся его, но Наоэ оттащил дьявольское создание голыми руками, после того, как силовые удары не подействовали.

– Харуизэ, защита ослабла!

– Это не просто духи, Наоэ! Их кто-то сотворил из негативной энергии, они опасны!

– Откуда они здесь?..

Голодные духи между тем отрастили щупальца. Силовые удары на них не действовали совершенно. Аяко спеленали первой; из-под копошащейся массы послышались её сдавленные крики. Наоэ держал защитный занавес изо всех сил. Щупальца поползли по его телу, пытаясь пробраться внутрь, и быстро залезли в рот и в ноздри, перекрывая кислород.

Остальные духи пытались пробить защиту вокруг Такаи. Наоэ и Аяко не могли ему помочь: толстые щупальца в горле полностью лишили их возможности дышать. Зрение уже начало отказывать им, как вдруг в воздухе раздался характерный свист силовых ударов, и голодные духи с визгом повалились на землю. Отрезанные щупальца попадали рядом, всё ещё шевелясь.

Такая завершил обряд и стоял теперь, спокойно разглядывая оставшихся тварей, чьё внимание полностью сосредоточилось на нём. Когда, брызгая мутной слюной, они бросились в атаку, Такая присел, коснулся правой рукой земли, и, сверкнув глазами, выкрикнул:

– Священные молнии!

Серебристые потоки плазмы заструились по земле, превращая голодных духов в дым; вся округа наполнилась их криками. Плазменные молнии бесчисленно ветвились, не

упуская никого, и вскоре от стаи призраков не осталось и следа. Такая коротко перевёл дух и выпрямился. Наоэ и Аяко, откашливаясь, поднялись с земли.

– Что это было, чёрт возьми? – спросила Аяко.

– Искусственные создания, в которых перемешана энергия человека и энергия животных. Вроде глиняных болванчиков. Наверняка их ещё много осталось в земле.

– Кто их создал?

– Фума, – уверенно ответил Такая, уже поворачиваясь, чтобы идти обратно. – Для синоби, освоивших техники горных аскетов Хаконэ, это проще простого, и ещё неизвестно, что нас ждёт впереди. Пока за пределы Хаконэ не выедем – не расслабляйтесь.

– Куда теперь, в Никко? – подал голос Наоэ. – Зеркало Цуцуги всё ещё в руках Ходзё...

– Можешь считать, что оно уже в наших руках.

– Что?

– Я заманил одну цуцугу в зеркало, которое носил с собой Тояма, сонастроился с ней и вплавил её в Зеркало Самки. Теперь где бы Зеркало Самки ни находилось, я всегда смогу его почувствовать. Возможно, даже смогу управлять остальными цуцугами через него.

Наоэ молча восхитился способностью Кагэторы просчитывать ходы наперёд. Не было сомнений в том, кому именно она принадлежала: Такая не обладал этой изворотливостью, позволявшей извлекать выгоду из самых неблагоприятных ситуаций.

– Небесные Короли защитят Хаконэ на какое-то время, нам же надо поторопиться в Никко. Ходзё будут сплавлять силу в трёхствольном дереве святилища Футарасан. Оба боковых ствола уже заняты двумя довольно сильными душами.

Одна душа принадлежала, разумеется, Асаоке Синье, а другая – мужчине, ставшему жертвой цуцуги у водопада Кэгон. И тот, и другой обладали особыми способностями, уровень их духовной энергии в десятки раз превышал уровень обычного человека – потому-то Ходзё и положили на них глаз.

– Кто же предназначен для главного ствола?

– Юзуру, – сказал Такая, и его взгляд потяжелел. – Ходзё хотят посадить душу Юзуру в главный ствол. Они не понимают, насколько это опасно. Их надо во что бы то ни стало остановить.

– Вы знаете!.. – вскинулся Наоэ. – Вы знаете, кто он, и в чём...

Такая прервал его резким движением головы.

– Юзуру – это как ядерная бомба. Если его силу неправильно использовать, она может стереть с лица земли целую страну. Я должен проследить, чтобы этого не произошло. Таков приказ отца моего, господина Кэнсина.

– Господин Кэнсин вам приказал? Что, ради всего святого...

– Едем, – отрезал Такая с хмурым видом. – Наоэ, у тебя здесь где-то должна быть машина, подгони её. Выбраться за пределы Хаконэ – наша первоочередная задача. Харуиэ,

сонастройся со мной и поезжай следом. Я проведу нас через ловушки синоби – слушайте только мой голос, больше ни на что не обращайтесь внимания.

Дождавшись утвердительного ответа, Такая взмахнул рукавами кимоно и направился было обратно сквозь лес, но на втором же шаге пошатнулся и упал. Ноги плохо держали его – и неудивительно: ещё недавно его тело было фактически мертво, а силы обряд потребовал немало.

Наоэ тут же оказался рядом, чтобы помочь Такае подняться, но тот, лишь только почувствовав прикосновение к плечу, всем телом вздрогнул и рефлекторно оттолкнул его.

– Такая-сан... – пробормотал не ожидавший этого Наоэ.

– Не трогай меня своими руками.

Суровое лицо, враждебность в голосе... Взгляд Наоэ подёрнулся инеем, натолкнувшись на столь откровенную неприязнь. Такая, рассерженный тем, что его реакцию заметили и правильно оценили, насупился ещё больше.

– Вам нельзя сейчас двигаться. Это безрассудство, Кагэтора-сама.

– Твоя помощь мне не нужна.

– Но...

Не обращая на Наоэ внимания, Такая сам поднялся на ноги и зашагал вперёд нетвёрдой походкой.

– Что между вами произошло? – спросила Аяко подозрительно, но Наоэ с лишённым выражения лицом просто смотрел Такае вслед. Его спокойствие встревожило Аяко ещё больше.

Белый силуэт Такаи маячил впереди, отвергая сейчас всё – даже поддержку и защиту.

***

«Виндом» Наоэ, припаркованный позади святилища Хаконэ, по счастью, избежал разрушения. Не мешкая, они сели в машину и оставили Мото-Хаконэ позади. Мотоцикл Аяко следовал за ними на некотором расстоянии, не приближаясь, но и не удаляясь.

Бросив быстрый взгляд в зеркало заднего вида, Наоэ сильнее нажал на газ. Такая на соседнем сидении в глаза ему уже давно не смотрел и не разговаривал с ним кроме как по делу. Большую часть времени юноша сидел отвернувшись, разглядывая проплывающий за окном пейзаж.

Наоэ перешёл в рабочий режим, оставив в сторону личные переживания, и никакого особого внимания на поведение Такаи не обращал, но в воздухе висело осязаемое напряжение.

– Странно, – сказал Наоэ какое-то время спустя, когда их взбирающаяся вверх по склону машина заложила на серпантине очередной вираж. – Что-то не так с этим туманом.

Туман опустился вскоре после того, как они въехали в горы, и был довольно плотным – белая завеса почти скрывала от глаз FZR Аяко, который держался у них в хвосте. Погода в горах, конечно, непредсказуема, но не до такой степени. И от противотуманных фар не было никакого толку.

Такая разглядывал белую завесу с невозмутимым видом.

– Держи руль, сосредоточься на управлении, – сказал он. – Это не просто туман, это чары Фума.

– Иллюзия?

– Они пытаются исказить наши ощущения. Не дай их голосам сбить себя с толку. Слушай только меня.

Дорога в этом месте петляла так сильно, что по ней и при ясном небе было бы сложно ехать. Сейчас же видимость сократилась до нескольких метров.

– Харуиэ в опасности.

– Ничего страшного, я её веду. Просто положишься на меня и...

Даже звук, казалось, начал теряться в тумане, а перед глазами всё полностью заволочло белой пеленой.

– Так ехать нельзя...

– Не сбавляй скорость! Чем медленней мы будем тащиться, тем дольше их чары будут действовать на нас, и нам же будет хуже. Надо прорываться.

Что ни делай, а в Хаконэ они всё равно что у Фума на ладони. Изобретательные ловушки здесь на каждом шагу, и не похоже, чтобы синоби готовы были отпустить пришельцев так просто. Иллюзии – их козырь. При помощи иллюзий можно заставить врага погубить самого себя. Поэтому, единственный выход – как можно скорее выбраться за пределы этих гор.

Наоэ, чувствуя, что скатывается в объятия морока, изо всех сил вслушивался в голос Такаи.

– Я ничего не вижу!..

– Я буду видеть за тебя! Поворачивай, куда я скажу! Направо!

И тут же Наоэ в ухо будто зашептал кто-то: «Налево...», подсказывая прямо противоположное.

«Иллюзия...»

Велев себе сосредоточиться на голосе Такаи, Наоэ вывернул руль вправо, и они благополучно преодолели поворот, но он знал, что дорога впереди очень сложная, повороты почти на сто восемьдесят градусов – ехать по ней при нулевой видимости, не сбавляя скорости, казалось чистым безрассудством.

– Наоэ, налево!

И тут же в голове зазвучало, тоже голосом Такаи: «Направо». С каждым следующим поворотом этот убийственный голос становился всё более отчётливым, напоминал голос Такаи всё сильнее, начиная звучать с той же громкостью, практически в тот же момент. Кто-то хотел, чтобы они разбились. Направо... Налево... Наоэ отчаянно вслушивался, пытаясь отличить явь от наваждения, но это становилось всё труднее.

– Не дай сбить себя с толку! Слушай мой голос, только мой!

Приближался новый поворот. Налево... Направо...

«Куда же?..»

Наоэ крепко зажмурился. Не может он спутать голос Такаи ни с чьим другим, просто не может... Но голоса были совершенно одинаковыми!

– Кагэтора-сама! – воскликнул Наоэ с отчаянием.

– Наоэ, налево!

Нажимая одновременно на тормоз и на газ¹, Наоэ бросил машину влево. Перед глазами мелькнуло ограждение, и «виндом», скользя задними колёсами, всё-таки вписался в поворот. С облегчением вздохнув, Наоэ мельком взглянул на Такаю – тот быстро убрал руку с его левой руки.

– Призову гохододзи, пусть показывает дорогу.

– Всё, что нужно – в бардачке... Скорее...

Порывшись в бардачке, Такаю нашёл там маленький кинжал, лист бумаги и ручку. Проговаривая вслух мантру Бисямонтэна, он записал её на бумаге санскритом, обернул бумагой лезвие кинжала и начертил сверху пальцем символ божества.

– Он бэйсирамандая совака... О, защитник с мечами, явись и покажи мне путь!

Сложив указательный и средний пальцы вместе, Такаю коснулся ими лба, а затем – обёрнутого бумагой кинжала. Импровизированный амулет вспыхнул огнём, и из этого пламени возник златокожий Кэн-но гохододзи верхом на колесе дхармы, с тысячей мечей, раскинувшихся вокруг тела, как павлиний хвост. Он вылетел наружу и заскользил перед машиной, рассекая туман.

– Отлично! – сказал Такаю.

Гохододзи мчался вперёд, указывая путь. Его мечи, его колесо дхармы – обладали силой рассеивать колдовство, и в свете тянущейся за ним золотой ауры и машина Наоэ, и мотоцикл Аяко были под защитой.

– Не расслабляйся, – предостерег Такаю, – Фума у нас на хвосте.

Они выехали на магистраль Хаконэ Синдо, где дорога становилась почти прямой. Это был кратчайший путь ко въезду на шоссе в Одаваре, но, как оказалось, неприятности на этом не закончились.

---

¹ Специальная техника вождения, используется в основном при поворотах в гонках.

– Наоэ! – внезапно воскликнул Такая, и тот, повинувшись предупреждающему окрику, ударил по тормозам. Именно в этот момент мчавшийся по встречной грузовик пересёк разделитель и въехал на их полосу, вклинившись между гохододзи и следующей за ним машиной. Наоэ вывернул руль вправо, чудом избежав столкновения.

– Харуизэ!

Аяко, завалив мотоцикл в поворот, тоже уклонилась от бешеного грузовика, и закричала возмущённо:

– Что это было?!

– Гипноз! Осторожно, этим дело не закончится!

И действительно, приближающийся по встречной «соарер» вдруг ни с того ни с сего помчался на них. Водитель, разумеется, здесь был ни при чём – ему затуманили рассудок, пытаясь столкнуть машины в лоб. Наоэ уклонился, отчаянно крутя рулём, и вслед за ним – Аяко, при помощи каких-то нечеловеческих рефлексов. Если бы они могли хотя бы видеть своего врага...

– Так может продолжаться до бесконечности, Кагэтора!

– И что?! Летать по небу я не умею!

– Смотрите, следующий!

Теперь это была большая фура с той же стороны дороги, которую кто-то пытался столкнуть с ними на огромной скорости. Машина, очевидно, потеряла управление – искажённое страхом лицо водителя мелькнуло совсем близко...

– Держи руль прямо, – крикнул Такая, – я его разверну! – и по пояс высунулся в открытое окно. В его левой руке возникли два голубовато светящихся силовых кольца, которые он швырнул в приближающуюся фуру, когда до столкновения, казалось, оставались считанные секунды.

Силовые кольца обхватили передние колёса машины и, не тормозя её, развернули огромный тяжёлый нос вправо. Фура со скрежетом перевернулась. «Виндом» и FZR избежали третьей по счёту смертельной опасности – и тут же Наоэ воскликнул: – Смотрите, снова!

– Теперь сзади?..

На этот раз им угрожали не машины, а призрачные головы погибших воинов Ходзё – их клубилось в воздухе великое множество. Одновременно откуда-то сверху донёсся грохот камнепада: враг решил обрушить на них склон горы.

Такая издал гневный возглас и, свешиваясь из окна, начал один за другим обращать в пыль сыплющиеся с высоты камни.

– Гохододзи, – повелительно воскликнул он, – готовь мечи, будешь стрелять по призракам!

Их летучий проводник востепенулся, веером стоявшие вокруг него мечи повернулись остриями назад.

– Давай! – крикнул Такая, и мечи устремились к целям, поражая призрачные головы одну за другой.

Гохододзи стрелял в призраков, Такая разбивал и разворачивал предметы, летящие отовсюду по мановению невидимых рук Фума, Наоэ и Аяко старались не сбавлять скорость. Им во что бы то ни стало нужно было выбраться из этих гор, продержаться, пока они не окажутся за пределами барьера – там, снаружи, удача будет на их стороне.

«Сдохнуть в таком месте? Ну уж нет!» – повторял про себя Наоэ, рефлекторно уворачиваясь от препятствий на дороге. – «Ни за что на свете!»

Изнуряющие атаки невидимого врага всё не прекращались и не прекращались. Мир троих беглецов сузился до мысли: продержаться, выжить, выбраться из Хаконэ. Чтобы спасти Юзуру и преодолеть все прочие напасти – нужно было вырваться из смертельных объятий этих обрывистых гор.

«Мы выберемся», – мысленно твердил Такая, яростно вглядываясь вперёд. «Мы выберемся, я клянусь!»

Глава 21

КОМУ БЫТЬ ПОБЕДИТЕЛЕМ

Капля воды упала Чиаки на шею, приведя его в чувство – он со стоном открыл глаза и обнаружил себя лежащим на холодном земляном полу. Чиаки понятия не имел, сколько он пробыл без сознания.

– Очнулись, Ясуда-доно? – спросил Катакура Кодзюро Кагэцуна.

Они сидели в какой-то мрачной холодной пещере. С голого каменного потолка капала вода, и пламя свечи колебалось по ту сторону железной решётки.

– Где мы... – промычал Чиаки, пытаясь подняться, но резкая боль в груди заставила его со стоном откинуться назад. – Ч-чёрт...

– С вами всё в порядке?

– Чёрт! Наверное, рёбра треснули. Недоглядел, зараза...

Руки у обоих мужчин были скованы за спиной крепкими наручниками. Последнее, что помнил Чиаки – это внезапный выброс колоссальной энергии, который он попытался отразить всей доступной ему силой. Должно быть, подручные Ходзэ вытащили его потом из-под какого-нибудь ствола и приволокли сюда. Окинув неверящим взглядом свою одежду, от которой после схватки с цуцугами остались одни лохмотья, Чиаки злобно пробормотал: – Испортили рубашку от Версаче – возвращайте деньги, мать вашу так...

– Похоже, мы в подземелье под особняком. Простите, у меня не получилось вызволить Нариту-доно...

– Непредвиденные обстоятельства, не извиняйся. Но что это было вообще? Почему мне никто не сказал, что среди Ходзё есть человек такой силы?

– Он не из Ходзё, Ясуда-доно...

Чиаки вскинул голову:

– Нарита?

Катакура кивнул:

– Скорее всего. Нарита-доно там был, в этом я ручаюсь. По всей видимости, людям Оды удалось пробудить его могучую силу.

– Ну и где же он теперь?

– Этого я не знаю. Меня самого сразил тот удар, я очнулся совсем недавно. Я думаю, что ритуал, который наделит душой главный ствол в святилище Футарасан, начнётся с минуты на минуту.

– Тьфу ты!.. Ну посадят они эту бешеную силу в ствол, и что? От Никко камня на камне не останется!

– Я пробовал освободиться, но способность воздействовать на предметы здесь не работает совершенно, а без неё наручники не снять.

– Не везёт так не везёт. А вон там вон – это что такое? – Чиаки мотнул головой, указывая на красный сгусток в углу пещеры.

– Детёныш цуцуги. – Катакура нахмурился. – Похоже, он намеревается нас съесть.

Зверь внимательно наблюдал за ними, лёжа на брюхе. Судя по всему, его хозяева решили без лишних хлопот избавиться от пленников, посадив их в одну клетку.

– А не жирно ему будет? Пусть собачий корм ест – домашнее, блин, животное.

– Рано или поздно он нас сожрёт, и мы ничего не сможем поделаться. Каков ваш план?

– План? Выбираться отсюда, что же ещё.

– Но каким образом?

– Ну-у... – бодро начал Чиаки – и замолчал, не придумав ничего путного.

– С внешним миром связи нет? – спросил он после паузы.

– Я пробовал, но...

– Нет ответа, понятно. Чёрт, остался бы у меня хоть один коппасин!..

Значит, помощи извне можно не ждать – да и вряд ли она подоспеет прежде, чем цуцуга проголодается.

– Не подкоп же рыть, в самом деле...

– По поводу этого дела с Наритой-доно... – Катакура внезапно сменил тему. – Без участия господина Кодзио всё же не обошлось.

– Да? – Чиаки повернулся к нему. – Вы встретились?

– Мельком. Я пробовал убедить его вернуться, но, похоже, есть какая-то причина, по которой он не может этого сделать, даже если бы хотел. В прошлом Датэ и Ходзэ собирались заключить союз против Тоётоми – Союз Восточных Земель. Мы думали объединить весь восток под властью двух наших кланов, создать большое государство, которое противостояло бы западу. Однако течение эпохи не позволило этому случиться. Как вы знаете, Датэ в итоге подчинились Тоётоми, Ходзэ решили сражаться до последнего – чем и подписали себе смертный приговор.

– Выходит, слухи о восточном союзе были правдивы?

– Да. За наш выбор присоединиться к Тоётоми Ходзэ упрекали нас в трусости и отсутствии принципов, но тот, кто не умеет вовремя распознать ветер перемен, оказывается потом сметён ураганом. Датэ предпочли жизнь благородной, но неминуемой смерти.

Катакура поднял на Чиаки твёрдый взгляд.

– После возрождения мы также получили от Удзимасы-доно предложение о союзе, но поскольку Датэ сейчас находятся в союзных отношениях с Такэда, с которыми у Ходзэ противостояние – мы отвергли его. Однако нынешнее дело может смешать все карты...

– Что?..

– Если Ходзэ возьмут под свой контроль Никко, то расстановка сил в Канто существенно изменится. С позиций влияния в регионе – Ходзэ и Такэда поменяются местами, но за этим могут последовать куда более серьёзные перемены...

– В смысле?

– Представьте себе, что за Кодзиро-доно стоит клан Ода.

Чиаки распахнул глаза.

– Я больше чем уверен, что они пользуются его статусом человека Датэ как маскировкой, чтобы скрыть своё присутствие. В таком случае, Ходзэ вообще ничего не подозревают о том, что Ода замешаны в деле. Наверняка план состоит в том, чтобы позволить Ходзэ захватить Никко, а потом, улучив момент, отнять у них эту территорию.

– То есть, что получается... Речь может идти о продвижении Оды на восток?

– Речь уже идёт именно об этом, а значит, нам, – Катакура распрямил спину и устремил взгляд сквозь прутья железной решётки, – надо очень хорошо понимать, кто наш истинный противник, и сражаться именно с ним.

– Чтобы расчистить Датэ дорогу к власти?

Всегда спокойный интеллигентный Катакура ответил ему многозначительным взглядом и улыбнулся – мимолётной улыбкой честолюбивого стратега. Чиаки с недовольным видом отвернулся.

– Вот, значит, почему вы ввязались в это дело. Одноглазый Дракон повоевал немного и вошёл во вкус.

Скрупулёзное внимание Датэ к чужим делам не стоило принимать за простую добросердечность. Чиаки внутренне содрогнулся, осознав, как близок он был к совершению роковой ошибки. Возможно, вовсе не Оду им нужно было бояться, и не Такэду – а Одноглазого Дракона, опоздавшего родиться.

– Как бы то ни было, если мы не выберемся отсюда, то не сможем помешать Ходзэ в осуществлении их планов. Что вы предлагаете?

– Что я предлагаю... Эх.

Между тем лежавший в углу детёныш цуцуги поднялся и начал ходить по пещере, явно намереваясь в скором времени с ними расправиться.

– Делать нечего. Последнее средство: дрессировка.

– Дрессировка? О чём вы говорите?

– У меня хорошие способности к гипнозу.

– А, марионеточная техника? Вы что, собираетесь цуцугой управлять?

– Управляться с тиграми и прочими бешеными зверями я давно привык. Положись на меня.

– Ясуда-доно, это опасно! Вы взглянете цуцуге в глаза – она сожрёт вашу душу!

Не слушая возражений, Чиаки шагнул навстречу зверю и начал подзывать его, прищёлкивая языком.

– Ну, малыш, будь паинькой. Давай, слушайся дядю.

– Ясуда-доно!

– Помолчи, не отвлекай.

Чиаки начал осторожно приближаться к зверю, стараясь не глядеть ему в глаза. Тот был, похоже, ещё совсем щенком – куда меньше цуцуг, с которыми Чиаки пришлось недавно сражаться. То ли от недостатка тренировки, то ли от возбуждения, зверь ходил взад-вперёд, не сводя с Чиаки настороженного взгляда, время от времени скаля клыки и загребая по полу передними лапами.

Что бы Чиаки ни говорил, но при обычных обстоятельствах ему и в голову не пришло бы гипнотизировать волшебного зверя. Он понятия не имел, получится у него или нет, но...

«Придётся попробовать, никуда не денешься».

Полностью сосредоточившись, он сделал ещё шаг вперёд, его лоб заблестел от пота. Через какое-то время детёныш цуцуги перестал ходить по камере и замер, глядя на Чиаки.

– Отлично... Хорошая цуцуга...

Дикие звериные глаза по-прежнему горели жёлтым огнём. Поддаётся ли гипнозу волшебный зверь, Чиаки не знал, но Ходзэ как-то с ними управлялись – значит, это должно было быть возможно. Велев себе надеяться на лучшее, он начал плести деликатную сеть внушения и осторожно посылать её в звериный ум. Время от времени детёныш цуцуги мысленно взбрыкивал, и сердце Чиаки уходило в пятки.

Под молчаливым взглядом Катакуры Чиаки творил внушение, и холодный пот струился по его напряжённому лицу.

***

– Ну что ж, похоже в священных горах Никко наконец-то набралось достаточно душ, – сказал, обращаясь к Удзимасе, одетый в тёмно-синее кимоно мужчина постарше. Они сидели друг напротив друга в креслах одной из комнат особняка, в котором, готовясь к началу Обряда Единения с Огнём, сутились вассалы Ходзё. Шум приготовлений, впрочем, не достигал этой искусно обставленной комнаты с видом на ущелье. Кроме двоих мужчин, в ней не было никого.

– Начиная с сегодняшнего утра вся область Никко целиком под нашим контролем. Как только приготовления будут закончены, начнётся ритуал у главного дерева – Обряд Единения с Огнём. Мы отправляемся совсем скоро. Рассчитываю на вашу помощь, дедушка.

Удзимаса поправил пальцем сидящие на носу очки. Мужчине, которого он назвал дедушкой, было уже за сорок, на висках его блестела благородная седина, а весь облик излучал джентельменское достоинство. Человека этого звали Ходзё Гэнан, он доводился младшим братом деду Удзимасы, Удзицуне, и во времена Удзимасы голос Гэнана по праву старейшины имел среди сородичей наибольший вес. Однажды он хотел усыновить Кагэтору и сделать своим наследником, но затея провалилась, когда решено было, что Кагэтора отправится в Этиго. Гэнан также был какое-то время настоятелем святилища Хаконэ, но потом вернулся обратно в семью, где стал выполнять роль советника. Ещё его считали самым просвещённым человеком в Канто.

– А что в Хаконэ? Всё ли продвигается по плану у Удзитэру?

– Это же Удзитэру – я уверен, он нас не подведёт. Наверняка Обряд Единения с Огнём в Хаконэ уже закончен, и Котаро вот-вот явится доложить, со старшим детёнышем цуцуги и двумя зеркалами в придачу, – Удзитэру поднёс к губам чашку с эспрессо. – Ведь сильную душу способна поглотить только взрослая цуцуга. Для подселения жертвы в главный ствол никто, кроме большого зверя, не сгодится.

– Потому ты и отправил взрослую цуцугу в Хаконэ? Чтобы подселить в дерево Сабуро?

– Сабуро сильнее, чем мы можем себе представить, дедушка. Даже после единения с Деревом Стрелы этой силы сполна хватит на то, чтобы скрепить священную энергию Хаконэ и принять колоссальную энергию Никко.

Гэнан, глубоко откинувшись в кресле, слушал полные уверенности слова Удзимасы, и лучи морщинок собирались в уголках его умных глаз.

– Иногда твоя изобретательность восхищает меня, Удзимаса. Превратить силу священных мест в оружие и использовать его для завоевания Канто – это надо же было придумать!

– Всё это возможно лишь потому, что мы – Ходзё. Наше оружие – крепость кровных уз. Много, много было кланов в эпоху Усобиц, но ни один не мог похвастать большим доверием между родичами, нежели мы. Никто из нас братьев не опасался ни измен, ни переворотов. Нам не нужно было бояться предательства со стороны ближнего, поэтому все силы мы могли бросить на борьбу с внешним врагом. Многие дома пали из-за семейных неурядиц, а между тем сила семьи в воюющем мире – это не только брачный союз с выгодным соседом. Истинная сила кровных уз намного глубже, и только тот, кто постиг её, выйдет победителем в эпоху смут и обмана. Доверие между братьями, доверие между родичами – вот самое мощное, самое главное оружие Ходзё, – Удзимаса мечтательно посмотрел в окно, – ...и подаривший нам его отец был, всё-таки, великим человеком. Моё восхищение им не знает границ.

– Да, Удзиясу был выдающимся деятелем. Такому как он, возможно, и удалось бы положить конец войнам – не становясь победителем, а просто возвысившись надо всем и приняв всех людей под своё крыло...

– А вот тут вы ошибаетесь! – воскликнул Удзимаса, переменившись в лице. – Батюшке обязательно надо быть победителем!

Гэнан вскинул на двоюродного внука удивлённый взгляд.

– Кто как не он достоин восторжествовать в этой схватке над остальными? Я хочу, чтобы это был именно он. Под его владычеством простые люди станут жить в мире и спокойствии, доверяя и бескорыстно заботясь друг о друге – отец всё это сумеет создать! ...Меня, конечно, всегда будут помнить, как человека, погубившего клан Ходзё, но я не жалею о том, что сопротивлялся Регенту до последнего, не считаю это ошибкой. Я верил, что Японией нужно править согласно идеалам отца, и ждал того дня, когда его мечты можно будет воплотить в реальность. Так я представлял себе справедливость. Если приложить отцовские принципы к управлению страной, думал я, то рано или поздно все станут братьями, будут делать всё сообща, друг в друге не сомневаясь, и настанут мирные времена.

«Доверие между людьми...», – пробормотал Гэнан, а Удзимаса между тем продолжал:

– Регент утверждал своё царство денег и власти – это было так примитивно, так незрело по сравнению с тем, что пытался утвердить отец. Как я мог с этим примириться? Как мог пойти на компромисс, зная, что существует лучший путь? – Удзимаса по-ястребиному сверкнул глазами. – Поэтому я, приведший клан Ходзё к гибели, поставил себе задачу: построить мир, в котором мой отец будет всем людям отцом. Это то, ради чего я сражаюсь, дедушка.

– Твои братья сражаются ради того же? – Гэнан обвёл Удзимасу напряжённым взглядом и прищурился. – Как насчёт Сабуро?

– Сабуро – умный человек, он должен понимать... Когда его отправляли в Этиго, он и словом дурным не обмолвился. Могу представить, как ему было тяжело, но он знал, в чём

его долг, в чём долг каждого из нас. Он должен был быть готов пожертвовать собой, а я, – Удзимаса поставил чашку на блюдце, – согласен быть объектом его ненависти.

– Удзимаса...

– Нужно же ему хоть кого-нибудь ненавидеть.

Гэнан смотрел, как на губах Удзимасы, растерявшего свою обычную холодность, появляется крохотная улыбка, и во взгляде его читалась жалость.

В следующее мгновение раздался стук в дверь, и в комнату вошёл слуга.

– Что случилось?

– Фума Котаро-доно только что прибыл из Хаконэ.

– Отлично, проводи его в комнату Сэнгоку, я приму его сейчас же.

– Слушаюсь, – коротко ответил слуга и удалился. На лицо Удзимасы вернулось отстранённое выражение человека, просчитывающего ходы.

– Первый шаг – это покорение Канто. Вот увидите, братья Ходзэ завоюют Канто и преподнесут своему отцу в дар.

С этими словами Удзимаса поднялся и вышел из комнаты. Проводив его взглядом, Гэнан осушил чашку с остывшим кофе.

***

Когда Фума-но Котаро прибыл в особняк Удзимасы в Никко, солнце уже клонилось к западу. Его провели в просторную, около двадцати татами, комнату Сэнгоку, где он и встретился с Удзимасой.

– Возвращаю Зеркало Самки, – Котаро протянул ему коробку из павловниевоего дерева, и Удзимаса, скользнув взглядом по красивой изнанке лежащего там зеркала, удовлетворённо кивнул.

– Удзитэру ещё не докладывался, но, полагаю, душу Сабуро благополучно подселили в дерево. Как всё прошло? Как думаешь, хорошо он справится с задачей?

Синоби молча посмотрел Удзимасе в глаза. На его лице не было ни тени улыбки. Потом его тонкий словно линия рот шевельнулся, и Котаро сказал:

– Душу Сабуро-доно подселить в дерево не удалось.

– Что? – не поверил своим ушам Удзимаса. – Ну-ка, повтори.

– Господин Удзитэру не смог подселить душу Сабуро-доно в дерево. Святилище Хаконэ оказалось под контролем Уэсуги, которые поставили там барьер – что делает невозможным проведение Обряда Единения с Огнём. Сабуро-доно освобожден из Зеркала Цуцуги, и пребывает в настоящий момент в своём прежнем теле.

Кровь схлынула с лица Удзимасы. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы полностью осознать услышанное.

– Что с Удзитэру? – спросил он наконец. – Где он сейчас, в Хаконэ?

– Где он и что с ним, я не знаю. Тело его погибло. Святилище Хаконэ полностью разрушено – скорее всего, он попал в руки Уэсуги, и...

– И его изгнали? Проклятье! Что, ради всего святого, там произошло?!

Сидя в позе сэйдза со сложенными на коленях руками, чуть прикрыв глаза, Котаро спокойным размеренным тоном описал ход событий в святилище Хаконэ.

– Ты говоришь, что этот человек из Уэсуги расправился со всеми воинами Удзитэру в одиночку?.. Вообще без посторонней помощи?..

– Драконий бог озера Асиноко встал на его сторону и помог заполучить Зеркало Самца. Зеркало Самки он похитил у Удзитэру-доно, и таким образом освободил господина Сабуро. Выяснилось также, что среди Ходзё был предатель, который помогал Уэсуги.

– Что?! Кто?! Не может такого быть, чтобы в моём клане!..

– Тояма Ясухидэ, – сказал Котаро, наблюдая за Удзимасой со злорадным блеском в глазах. Как он и ожидал, Удзимаса дёрнулся, словно его ударили.

– Тояма?..

– Именно он шпионил для Уэсуги.

– Не может быть...

Тояма всегда был всецело предан Удзимасе. Четыреста лет назад, когда союз между Ходзё и Уэсуги распался, Удзимаса поручил ему остаться в Этиго и тайно собирать сведения. Тояма всегда был вассалом не Кагэторы, а Удзимасы – и тот ему безмерно доверял.

Удзимасе потребовалось несколько секунд, чтобы оправиться от потрясения.

– А что с Зеркалом Самца, оно тоже в руках Уэсуги?!

– Нет, – ответил Котаро, чей спокойный тон резко контрастировал с возбуждёнными возгласами Удзимасы. – Об этом можете не беспокоиться. Зеркало Самца мне удалось вернуть, вместе с Зеркалом Самки, – и с предателем, Тоямой, я тоже расправился. К сожалению, всё остальное...

...Потеряно. Потеряна жертва для главного ствола, и святилище Хаконэ запечатано охранным заклятьем Уэсуги – следовательно, провести обряд и объединить энергии уже не получится.

– Значит, Хаконэ больше не может быть приёмником?

– Его охраняют Четыре Небесных Короля – увы, нам сложно что-либо этому противопоставить.

– А ты куда смотрел со своими подручными! – закричал Удзимаса, и Котаро вскинул голову. – Потеряли Удзитэру, упустили Сабуро – чем вы вообще там занимались?! Несравненные Фума, лучшие из лучших – с двумя якшами не смогли справиться! Не отряд

синоби, а сборище бездарей! Как ты собираешься передо мной оправдываться? Сэппуку не отделаешься, так просто я тебя не прощу! Не прощу тебе этого, Котаро!

Лицо Удзимасы побелело от гнева, на висках вздулись жилы – Котаро никогда ещё не видел его в такой ярости.

– Удзитэру потеряли!.. Удзитэру!.. – голос Удзимасы прервался, и он несколько раз стукнул себя по колену сжатым кулаком. – Проклятье!..

Пытаясь совладать с собой, Удзимаса уставился в пространство вытаращенными глазами.

– Обряд в Никко обязательно будет завершён, – сказал он наконец.

– Удзимаса-доно...

– Пусть мы лишились Хаконэ, но у нас по-прежнему есть две приёмные точки в Татэяме и на горе Куно – там мои братья уже всё закончили. Мы направим энергию из Никко туда, завершим Великий Треугольник Канто, и Токио с прилегающими к нему районами окажется в нашей власти. Потом мы сложим всю эту силу вместе и отвоюем нашу святую землю, Хаконэ. Большая цуцуга с тобой, Котаро?

– Да, я привёл её для обряда у главного дерева.

– Ещё одной неудачи я не потерплю. Жертву уже пробудили, область Никко под нашим контролем. Мы начнём, как только соберут всё необходимое для ритуала. Ты возьмёшь цуцугу и пойдёшь со мной.

– Как прикажете.

Отбросив все эмоции, превратив сердце в камень, Удзимаса сосредоточился на осуществлении своих замыслов. Колоссальная сила Никко вот-вот должна была оказаться в руках одного-единственного человека.

Посреди окружавшего особняк леса, в часовне, посвящённой божеству Хаконэ, стоял большой нефритовый гроб, а в гробу лежал юноша, которому суждено было стать жертвой для главного ствола святилища Футарасан. Солнце уже почти закатилось, и за юношей скоро должны были прийти – чтобы отвезти его в святилище, или прямо здесь скормить его душу цуцуге.

В темноте, рассеиваемой колеблющимся пламенем свечи, Датэ Кодзиро сидел рядом с гробом и смотрел на «угрозу шести мирам», оказавшуюся в их власти. Нарита Юзуру лежал с полукрытыми глазами, но непонятно было, в сознании он или нет.

Гроб был не простой, а с секретом: Мори Ранмару как-то поколдовал над нефритом, и внутри образовался высасывающий силу барьер. Кодзиро сидел, глубоко задумавшись, с мучительным выражением на лице.

«...Тоно так вас ждёт!..»

Вспоминая сказанное Катакурой, Кодзиро думал о своём брате, Масамунэ. Будучи ответственным за попытку переворота в клане Датэ, Кодзиро считал, что старший брат его

ненавидит. Пусть всё это произошло и помимо его воли, но именно его по какой-то необъяснимой причине так сильно любила мать.

«Неужели мне позволено вернуться?..»

Конечно, он этого хотел, хотел снова сражаться под знамёнами Датэ.

«Но после того, что случилось...»

Тут сзади открылась дверь, и раздался голос:

– Что вы делаете здесь в темноте?

Судя по мокрым волосам, Мори Ранмару успел принять душ – и переодеться в новую шёлковую рубашку. Несмотря на колоссальную затрату энергии, которой, несомненно, потребовал ритуал, на его лице не было ни тени усталости.

– Ну, как вам понравилась сила Зерна? Потрясающе, верно? Просто нет слов.

– Ранмару-доно... Кто он такой на самом деле? Ведь не обычный же человек...

Чувственные губы Ранмару сложились в маленькую улыбку.

– О буддизме школы Сингон вы мало что знаете, верно?

– Я никогда не принимал постриг...

– Стало быть, и смысл мантры, которую я до этого читал, вам непонятен?

– Скажите мне, кто он такой?

Бросив на Кодзиру косой взгляд, Ранмару многозначительно изрёк:

– «Однажды и Будда был простым смертным».

– Что?..

– Если нам повезёт, когда-нибудь он спасёт и нас... – Ранмару уклончиво рассмеялся, подошёл к нефритовому гробу и, не поворачивая головы, сказал: – Что слышно от властителя клана Датэ? Похоже, у вашего брата всё хорошо.

Кодзиру пробормотал что-то невразумительное, и Ранмару продолжил:

– Вы хотите вернуться, не правда ли?

– Я... э-э...

– Понятно. Но вы же ещё не отомстили за вашу матушку – таков ваш долг, и никто, кроме нас, Ода, не справится с человеком Уэсуги.

– Да, но...

Ранмару чарующе улыбнулся и недобрым голосом сказал:

– Никуда вы от меня не денетесь, Кодзиру-доно. У вас во лбу такое же Зерно Дьявола, какое только что досталось Нарите Юзуру. Оно пустило корни в вашей душе – вам не удастся избавиться от него, даже поменяй вы вместилище. У вас нет другого выхода, кроме как делать то, что мы говорим.

Кодзиру вздрогнул, вспомнив тот ужасный момент, когда Зерно Дьявола появилось у него во лбу. Этот священный камень, порождение духа Оды Нобунаги, заставлял носителя

подчиняться хозяину. Любого, дерзнувшего сопротивляться, ждали немислимые страдания. Освободить человека от Зерна мог лишь сам Нобунага – либо полное разрушение души.

– Я, выходит, ваш заложник? – спросил Кодзиро, покрываясь холодным потом.

– Вы только сейчас это поняли? – ответил Ранмару.

– Мой брат не из тех людей, чью решимость это может поколебать. Не стоит недооценивать Одноглазого Дракона Осю.

– Конечно, конечно, – Ранмару язвительно рассмеялся. – Тот, кто слишком привязан к родичам, просто не выживет в эпоху междоусобных войн.

Кодзиро стиснул зубы от досады.

– И всё же, Кодзиро-доно, мы с вами сделали одно очень большое дело. Нарита Юзуру – марионетка в наших руках. Теперь можно расслабиться и смотреть, как к нам в руки упадёт Канто.

Глава 22

НАСЛЕДИЕ ТЭНКЯ

Спасаясь от погони, отбиваясь от вражеских атак, Такая и Наоэ сумели, всё-таки, вырваться из окружения Фума, и к вечеру их «виндом» на полной скорости въехал в Никко. В рёкане Асаока на берегу озера Тюдзэндзико их уже ждала приехавшая первой Аяко – и Майко.

– Татибана-сан! – увидев показавшегося из машины Наоэ, Майко выбежала на улицу прямо в тапочках. – Слава богу, с вами всё в порядке! Как ваша рана? Не стало хуже?

– Асаока-сан...

– Наоэ, она глаз не сомкнула с тех пор, как ты уехал, – проговорила Аяко с участием.

– Правда?..

– Майко-сан переживала за тебя – не забудь как следует извиниться.

Девушка отчаянно замотала головой. Казалось, она вот-вот расплачется.

– Простите, что заставил волноваться.

– Что вы, что вы... Главное, что с вами всё в порядке – это самое главное...

Выглядел, впрочем, Татибана так, словно прошёл через мясорубку: грязный, оборванный, с всклокоченными волосами. Но его лицо по-прежнему лучилось мягким спокойствием, и Майко, задохнувшись от какого-то пронзительного чувства, смахнула тыльной стороной руки выступившие на глазах слёзы.

Вдруг девушка ощутила на себе чей-то взгляд. Позади Татибаны, со стороны пассажирского сиденья, стоял босой юноша в белом кимоно, и когда Майко встретилась с ним глазами, её сердце подпрыгнуло в груди.

Она даже невольно выпрямилась, расправила плечи, словно оказалась один на один с белоснежным диким зверем. Почему он производил такое сильное впечатление – потому ли, что был одет в белое, как покойник? Белое кимоно контрастировало с загорелой кожей, приковывая взгляд к красиво очерченному лицу. От молодого человека веяло мужественностью и холодной, неприступной чистотой. Лет ему было примерно столько же, сколько Синье, но...

«Кто он такой?..»

Юноша смотрел на неё свысока, вздёрнув подбородок, ледяным, но совершенно магнетическим взглядом. По спине Майко пробежал холодок, но она не могла оторвать глаз. Его лицо казалось смутно знакомым, и Майко, наконец, вспомнила, где его видела: в зеркале.

«Выходит, именно его Татибана-сан отправился спасать?»

Как он прекрасен, думала Майко, глядя на Такаю (хоть это слово не применяют обычно по отношению к мужчинам). Внешность здесь была не при чём – что-то просачивалось изнутри, от чего захватывало дух. Нескрываемая властность во взгляде... Если представить себе человека, способного заставить других делать то, что ему хочется – неважно, нравится им это, или нет, – то он будет выглядеть именно так.

Майко застыла перед юношей, как кролик перед удавом, пока Аяко недоумённо не спросила её: «Что случилось?» Тогда он медленно отвёл взгляд, слегка прикрыл веки, и даже это незначительное движение показалось Майко настолько ошеломительно прекрасным, что она окаменела совершенно.

– Асаока-сан, не найдётся ли у вас, во что ему переодеться? Ещё хотелось бы принять ванну или душ...

– А-а... Да, конечно, – голос Наоэ вывел девушку из оцепенения. – Большая ванна работает круглосуточно – пожалуйста, пользуйтесь в любое время. Насчёт одежды – я поищу у брата в шкафу, если вас это устроит.

– Конечно, спасибо большое. И ещё что-нибудь поесть – что-нибудь совсем простое...

– Сейчас будет готово. Ваша комната убрана, просто проходите, и всё.

– Спасибо... Идёмте, Такая-сан.

Шагнув к Такае, Наоэ приглашающим жестом хотел было коснуться его плеча, но тот снова с силой оттолкнул его руку и наградил колючим взглядом. В следующее мгновение тот же недовольный, необъяснимо враждебный взгляд устремился на Майко, и девушка испуганно съежилась. Аяко быстро встала между ними.

– Я его провожу. Пошли, Кагэтора, – и она проворно увела молчаливого Такаю в дом.

Наоэ провожал удаляющегося юношу взглядом, в котором не было ни холодности, ни теплоты – только какая-то удивительная прозрачность. Майко никогда прежде не видела такой откровенности на его лице.

Неужели, подумала Майко.

«Неужели вы говорили о нём, Татибана-сан?»

Не может быть, попробовала одёрнуть себя она. Это же парень, не девушка – испытывать к нему подобные чувства было бы противоестественно, ненормально. Её собственная мораль с лёгкостью подсказывала Майко основания для отрицания, возмущения – и вместе с тем где-то в глубине души она сразу и безоговорочно приняла это как данность. «Если вам доведётся встретиться, вы поймёте», – сказал Татибана, и, глядя на этого юношу, Майко чувствовала, что понимает.

Но всё-таки, разве может такое быть?

«Татибана-сан... Разве может?..»

Никогда ещё Татибана не привлекал Майко так сильно, как в эту минуту, когда его взгляд был обращён на облачённую в белое кимоно спину – прямой и обнажённый взгляд, который никогда, хоть ты убейся, не обратится на неё. А этот юноша шёл вперёд, не оборачиваясь, как будто и не замечал, какими глазами на него смотрят. Майко не знала, какие между ними отношения, но сейчас, глядя на точёный профиль Татибаны, она сторала от ревности.

Наоэ, впрочем, в который раз повёл себя, как взрослый человек – отбросил эмоции, скользнул обратно в образ профессионального секретаря, и, повернувшись к Майко, деловым тоном сказал:

– Асаока-сан, мне нужно знать, что произошло за это время в Никко. Время не терпит. Пожалуйста, не упускайте подробностей.

– Да, конечно, – кивнула Майко, и, бросив взгляд через плечо, проследила, как Такая скрывается под сводами гостиницы.

Девушку одолевали противоречивые чувства.

***

Наскоро помывшись, Такая вернулась в комнату и переделся в принесённую Майко одежду. Они с Синьей, видимо, были очень похожего телосложения, потому что чёрные джинсы сели на него, как влитые. А вот рубашка пастельно-голубого цвета, с длинным рукавом (не помешает, подумала Майко – сентябрьские вечера в Никко уже холодные), оказалась чуть велика. Всё бы ничего, но рукава болтались, и Майко придумала прихватить их своими собственными нарукавниками.

– Даже жалко одевать тебя в штаны и рубашку...

Такая посмотрел на неё недоумённо, и Майко, спохватившись, прикрыла рот рукой.

– Ой. Извини. Просто... Кимоно тебе очень к лицу...

Переодевшись, Такая вдруг превратился в обычного парня, и Майко заговорила с ним, как говорила бы с младшим братом.

Такая молча опустил глаза. В этот момент в комнату вошла Аяко.

– Наоэ зовёт на совет, – сказала она, и когда Такая ответил, он уже снова был «Кагэторой». Он поднялся, чтобы выйти, и тут Майко подалась ему навстречу:

– Пожалуйста, спасите моего брата. Пожалуйста!.. Пожалуйста!..

Несколько мгновений Такая смотрела на неё молча, а потом его губы сложились в еле заметную улыбку.

– Всё будет хорошо, – коротко сказал он и вышел за дверь.

Наоэ ждал их в самой дальней комнате на втором этаже. Он тоже принял душ: кончики волос на затылке были ещё мокрыми, а свежая, только что из химчистки, рубашка – слегка влажной на плечах. На низком столике лежали развёрнутыми городская карта Никко и региональная карта Канто. Дождавшись, когда Такая и Аяко усядутся, Наоэ без предисловий начал:

– Область, обведённая вот здесь красным – это храмовый комплекс Никко. Все дороги там сейчас перекрыты полицией, людей внутрь не пускают.

– В дело включилась полиция?

– Вряд ли это был официальный приказ – либо Ходзэ подсадили своих воинов в тела полицейских, либо их просто загипнотизировали. Для духов-генералов это не составляет труда.

– А это, – Наоэ, взяв ручку, склонился над другой картой, – пресловутый Великий Треугольник Канто. Вот Никко, – он прочертил линию прямо на юг, – вот Токио, – ручка пошла дальше на юг, к самой крайней точке полуострова Босо, – вот Татэяма. Точнее – святилище Суносаки, что на мысе Суносаки. Там Ходзэ установили свою первую опорную точку. Если двигаться отсюда прямо на запад по тридцать пятой параллели северной широты, – Наоэ продолжил рисовать на карте, – мы попадаем в святилище Кунодзан Тосёгу, что в Сидзуоке. Это вторая опорная точка. Если её соединить прямой линией с Никко, то получится, как видите, огромный прямоугольный треугольник.

В результате манипуляций Наоэ на карте теперь красовался прямоугольный треугольник с прямым углом в Татэяме.

– Далее, если из вершины в Татэяме опустить перпендикуляр на противоположную сторону – ту, которая соединяет Никко и Кунодзан, – то в месте их пересечения у нас находится Фудзи, а на расстоянии примерно двух третей до пересечения – Хаконэ.

– Ух-ты! – впечатлилась Аяко. – Ничего себе совпадение. На такой фэншуй посмотришь, волей-неволей захочешь устроить какой-нибудь обряд.

– Это не вполне совпадение. Усыпальницу Иясу построили не где-нибудь, а в Никко, как раз чтобы такую схему можно было реализовать.

Аяко удивлённо вскинула брови, а Наоэ постучал ручкой по тому месту на карте, где было написано «Никко».

– Преподобный Тэнкай, «серый кардинал» Иэясу, достиг больших высот в практике миккё. Линия, которая ведёт от горы Куно (места, где был захоронен Иэясу²) через гору Хорай³ в Окадзаки (где он родился) и дальше в Киото – идёт строго на восток. Здание усыпальницы на горе Куно ориентировано строго на запад. То есть, при выборе места явно учитывалась «Дорога Солнца» – путь с востока на запад, от восхода до заката. А главное здание Кунодзан Тосёгу ориентировано на юго-юго-запад, так, что позади у него оказывается гора Фудзи и, если двигаться дальше по этой линии – Никко.

– Священная гора Фудзи, – подхватил Такая, – как известно, символизирует бессмертие. «Дорога Солнца» – путь от жизни к смерти, и в конечной точке его начинается путь к бессмертию, следуя по которому мы попадаем в Никко, где и пребывает Иэясу... Вечно пребывает, таким образом.

– Совершенно верно. А линия между Эдо⁴ и Никко – это «Дорога Полярной Звезды». Если смотреть из Эдо, Никко находится на севере, в направлении полярной звезды, которая олицетворяет неподвижный центр мироздания. Святилище Тосёгу в Никко ориентировано на юг, то есть, по направлению к Эдо.

– К тому же, более древнего, более знаменитого святого места в Канто не сыскать, – кивнула Аяко с пониманием. – Бессмертный победитель – в центре мироздания... Да, Никко для усыпальницы Иэясу подходит как нельзя лучше.

– Совместив, таким образом, космологические элементы с топографией, Тэнкай задействовал всю эту огромную территорию для проведения охранного обряда, который обеспечил бы вечный мир и спокойствие в сёгунате Токугава.

– Да, этот человек достоин уважения, – сказал Такая. – Сложно придумать энерго-топографическую формацию, которая бы лучше подходила для подобного обряда.

– Значит, Ходзё пытаются этой формацией воспользоваться? – спросила Аяко, бросив на Такаю острый взгляд. – Чтобы собрать энергию, которую она аккумулирует, в Хаконэ, и захватить Канто?

– Одним Канто дело не ограничится, с такой топографией можно всю страну завоевать, – Такая подпёр рукой подбородок и нахмурился. – Построить приёмники в местах, где энергия и так собирается естественным образом. В Никко провести Обряд Единения с Огнём – и всю эту энергетическую массу отправить по двум стрелкам: на гору Куно и в Татэяму. Таким образом всё, что внутри большого треугольника, оказывается под

---

² Токугава Иэясу умер на горе Куно (Кунодзан), где его и похоронили. Святилище Тосёгу было построено там сразу после его смерти. Практически одновременно с этим было построено святилище Тосёгу в Никко, и считается, что прах Иэясу перезахоронили в Никко. Но есть также теория, что прах остался на горе Куно, а в Никко «отселили» только дух Иэясу.

³ На горе Хорай тоже есть святилище Тосёгу, где почитают дух Токугавы Иэясу. Считается одним из «Трёх Великих Тосёгу» Японии (другие два – Тосёгу в Никко и на горе Куно).

⁴ Эдо – старое название Токио.

контролем. Изначально Ходзэ собирались центральным приёмным пунктом сделать Хаконэ, но теперь им это не удастся. – Такая сверкнул глазами. – Они нервничают, и наверняка очень торопятся.

– Значит, здесь в Никко...

– ...всё вот-вот придёт в движение.

И начнётся всё с подселения Нариты Юзуру в главный ствол в качестве жертвы – возможно, это уже произошло.

– Само по себе подселение в дерево не страшно – если найти и разбить Зеркало Цуцуги, душа вернётся обратно. Проблема в том, как остановить Обряд Единения с Огнём.

Такая скрестил руки на груди и обвёл своих товарищей взглядом.

– Нужно исходить из предпосылки, что Ходзэ полностью контролируют Никко, что все их войска здесь и будут стоять за эту территорию насмерть. Кроме того, из-за душ, уже подселенных в стволы, совокупная энергия в храмовом комплексе Никко достигла максимальной величины. Мы не сможем ни приблизиться к месту, ни переломить ситуацию извне.

– Скорее всего, и изгоняющая сила там не будет действовать, пока уровень энергии настолько высок, – добавила Аяко, нахмурившись. – Нужно сначала либо рассеять энергию, либо как-то её приглушить – вопрос в том, как.

– Либо придумать, как остановить сам обряд. Если он уже начался – найти способ, как затормозить его. Наложить печать на огонь, как в Хаконэ, не получится – размах слишком велик. А чтобы противодействовать ритуалу такого масштаба, сила нужна будет очень немаленькая.

– Да, лесной пожар не потушить огнетушителем. И для противодействующего обряда, как в Сэндае, у нас сейчас нет ни времени, ни людей.

– Погоди-ка, – сказал Наоэ, вскинув глаза. – Может, и можно кое-что сделать.

– Да?.. – вопросительно протянула Аяко.

– Подготовить ритуал с нуля мы действительно не успеем. Но что если попытаться задействовать силу обряда, который был проведён в прошлом?

– Объясни, – сказал Такая, поворачиваясь к Наоэ.

– Я имею в виду обряд защиты государства, который Тэнкай, как говорят, провёл на землях Никко. Я предлагаю обратиться к нему.

– А получится? – Аяко округлила глаза.

– Сложно сказать наверняка, но однажды, похоже, это было сделано. Я видел где-то в летописях рассказ о том, как в провинции Сануки⁵ в эпоху Эдо один видный монах, для того, чтобы справиться с наводнением, пробудил силу умиряющего водных богов обряда, который провёл на том же самом месте Кобо Дайси в незапамятные времена. Даже если сам

---

⁵ Провинция Сануки – современная префектура Кагава (на острове Сикоку).

обряд утерян, и нет никаких сведений о том, как именно он проводился – должно быть возможно вытащить его силу из земли, если делать всё на том же самом месте, и с использованием тех же ритуальных предметов.

– Конечно, – продолжил Наоэ, – эта сила не будет равняться силе первоначального обряда, но если тот был мощным, и масштабным, то очень много энергии должно было остаться в земле. Тэнкай проводил в Никко ритуал для защиты государства. Возможно, его остаточной силы хватит на то, чтобы рассеять чрезмерную энергию в этих горах.

– Но с тех пор прошло почти четыреста лет, – Такая отвёл взгляд и прищурился. – Гарантий, что этой силы хватит – даже если нам удастся её пробудить – никаких нет. В итоге всё сводится к заклинательным способностям Тэнкай. Если он был так могущественен, как о нём говорят, то и энергии в земле осталось много.

– Что это вообще был за ритуал? – спросила Аяко.

– Какой-то секретный обряд в традиции Санно итидзицу синто⁶. Говорят, Тэнкай придумал его, добавив к Санно синто⁷ что-то от себя.

– От себя?

– По одной из версий, это был ритуал Дайгэнсуй – мощный обряд по защите государства, основанный на обращении к Дайгэнсуй-мёо⁸, который Тэнкай возродил из забвения.

Аяко слушала Такаю всё с большим изумлением.

– Неужели он был таким выдающимся деятелем?

– Кстати, – сказал Наоэ, – именно Тэнкай вернул похищенное людьми Фума Зеркало Цуцуги и обезвредил детёнышей.

– Действительно, такие крупные фигуры как он в мире эзотерического буддизма встречаются в последние годы редко. Но придуманный им новый обряд Тэнкай ото всех скрыл – из опасений, что кто-нибудь воспользуется им в неблагоприятных целях.

– Скрыл?

– Да, всю последовательность действий – и инвентарь, несомненно, тоже. Между тем, должен был существовать предмет, ставший средоточием силы для всего ритуала – и, если мы собираемся всё это проверить, нам он понадобится.

– Я слышал, что в самых мощных ритуалах Дайгэнсуй использовали человеческий череп...

---

⁶ Направление синто, разработанное Тэнкаем для того, чтобы обосновать обожествление духа Токугавы Иэясу. В основе Санно итидзицу синто лежит направление Санно синто.

⁷ Направление синто, возникшее в Киото на горе Хиэй в тесной связи с эзотерическим буддизмом школы Тэндай.

⁸ Санскр. Атавака – один из менее известных мёо, в японском буддизме отвечает за защиту государства. Ритуал по защите государства, основанный на обращении к этому божеству, проводился в Японии с древних времён.

– Череп? – переспросил Такая, нахмурившись. И тут со стороны двери раздался голос, заставивший всех троих обернуться: – В тайном обряде Санно итидзицу синто использовался череп победителя.

Голос принадлежал Косаке Дандзё, который только что вернулся с разведки на местности.

– Кого я вижу, – протянул он со своей обычной неприязненной усмешкой. – Кагэтора-доно, живой и невредимый. Позвольте вас поздравить с тем, что серый волк вас, всё-таки, не съел.

– Да как ты смеешь, – вскинулся Наоэ, но Такая жестом остановил его и, повернувшись к Косаке, ровным голосом спросил: – Что значит «череп победителя»?

– Основываясь на постулатах Санно итидзицу синто, Тэнкай обожествовал Иэясу, чтобы тот и после смерти оставался вечным победителем, вечным властителем над людьми. Для этого в обряде он использовал череп самого Иэясу.

– То есть, если мы хотим пробудить силу обряда, нам нужно каким-то образом этот череп заполучить?

– Вся суть именно в нём. Сам обряд, можно сказать, погребён вместе с этим черепом. – Косака тряхнул своими блестящими волосами и неопределённо улыбнулся. – Достанете его – и остаточную силу наверняка можно будет пробудить. Если это действительно удастся, ритуал Ходзё не сработает.

– Но останки Иэясу покоятся в...

– ...Во внутренней часовне святилища Тосёгу, – закончила Аяко.

– Там, куда мы, Кагэтора-сама, не можем попасть.

Такая на минуту задумался, а потом пробормотал:

– Можно использовать цуцугу...

– Цуцугу?..

– Цуцуга на храмовых землях не привлечёт к себе внимания. Звери необходимы для подселения душ в стволы – да и для охраны территории, наверное, тоже. Они могут свободно передвигаться. Я сонастроюсь с Зеркалом Самки и прикажу остальным цуцугам вынести череп Иэясу из мавзолея во внутренней часовне.

– А само пробуждение, – спросила Аяко, – кто и как будет делать?

– Обращаться надо к Дайгэнсуй-мёо, – ответил Косака. – И надо обладать при этом очень большой силой. – Прислонившись к стеной балке, он скользнул глазами в сторону Такаи.

– Ни у кого, кроме вас, не получится, Кагэтора-доно.

Такая спокойно выдержал его взгляд и сказал:

– Я знаю.

Потом он повернулся к Наоэ и Аяко и начал быстро давать указания.

– Харуиэ, свяжись с Нагахидэ. Меня волнует, всё ли с ним в порядке. Если он в состоянии самостоятельно передвигаться, можно послать гохододзи ему на помощь. Ещё хотелось бы узнать в деталях о том, что происходит в лагере Ходзэ.

– Кагэтора-сама, по поводу обряда Тэнкая. Не стоит рассчитывать на то, что Ходзэ о нём не знают. Возможно, они уже приняли контрмеры – наложили какое-нибудь препятствующее заклятие...

– Тогда мы это заклятие разобьём, – твёрдо сказал Такая. – Это уже вопрос силы: кого. Мы будем делать то, что должны.

В эту самую минуту дверь без стука распахнулась, и в комнату влетела Майко.

– Асаока-сан, что случилось?

– В среднем святилище Футарасан!.. Там... там...

– Что-то произошло?

– Соседи только что приходили... Говорят, туда ворвались вооружённые люди, военные, выгнали настоятеля, всё перегородили и никого внутрь не пускают! Дороги тоже перекрыли, даже не подъехать туда!

Все четверо напряжённо переглянулись. Майко говорила об одном из трёх храмов в составе Футарасан – так называемом среднем святилище, которое Сёдо Дзёнин построил на берегу озера Тюдзэндзико, чтобы гору Нантай можно было почитать и зимой. Ярко алые стены этого величественного комплекса приковывали к себе взгляды прохожих; теперь его, судя по всему, с оружием в руках захватили люди Ходзэ.

– Что происходит, Кагэтора?

– Святилище Футарасан поддержало Ходзэ, когда войска Гоётоми вторглись на их земли. Дружеские отношения между ними были прочны. Думаю, Ходзэ хотят использовать связь среднего святилища с главным, которое внизу, и устроить штаб по контролю за всей операцией здесь, на озере.

Такая посмотрел на Наоэ и Аяко.

– Вы должны отбить среднее святилище, это приказ. Избавьтесь ото всех, кто его охраняет – разумеется, чтобы никто из носителей не пострадал.

– Будет сделано.

– А ты, Кагэтора?

– Свяжусь с Нагахидэ, активизирую обряд Тэнкая. С силой у меня сейчас всё в порядке...

И Зеркало Цуцуги, похоже, снова в Никко.

– Да? – переспросил Наоэ. – И второе тоже?

– Вся сила зверей проистекает из зеркал. Для Ходзэ Зеркало Цуцуги – это главное оружие и главная защита одновременно, и с ритуальной точки зрения это важный предмет. Брату Удзимасе обязательно надо будет иметь его под рукой. – Такая сверкнул глазами. – Я могу

использовать зеркало для активизации обряда, через соностройку, как проводник энергии. Предоставьте всё это нам с Нагахидэ. Ваша задача – отбить святилище. Рассчитываю на вас.

Наоэ и Аяко тут же поднялись и отправились выполнять приказ. Майко всё ещё стояла тихонько у двери – повернувшись к ней, Такая сказал:

– Я сейчас поставлю здесь энергетический барьер, и мне нужно, чтобы никто не входил в комнату. Но сначала принесите мне, пожалуйста, четыре маленьких плошки с чистой водой, чем холоднее, тем лучше. И ещё, если найдётся, четыре листа сакаки⁹.

– Четыре листа сакаки... Да-да, конечно, – и Майко, сразу засуетившись, быстро вышла за дверь.

Такая уставился на разложенную на столе карту Никко.

– Собираешься уничтожить весь клан Ходзё, Кагэтора? – спросил Косака, с которым они остались в комнате одни. Такая наградил его злобным взглядом. – Никакой любви к родичам в тебе не осталось? Кэнсин чужой, но он важнее?

– Можешь говорить, что хочешь. Замыслам Ходзё я положу конец – или тебе показалось, что я колеблюсь?

– Здесь пахнет личными счётами...

– Я с этими людьми давным-давно попрощался, – отрезал Такая. – Прошлое осталось в прошлом, и я не настолько глуп, чтобы пытаться его вернуть.

Косака прищурился, словно услышанное его забавляло, и повернулся к выходу.

– Я скажу моему господину, чтобы поторопился отправить войска в Хаконэ.

Такая вздрогнул.

– И приёмник в Сидзуоке Такэда возьмут на себя. На горе Куно, кажется, командует ваш брат Удзинори? Читайте, Кагэтора-доно, что его голова уже слетела с плеч.

У Такаки кольнуло в груди, и он стиснул зубы, изо всех сил сопротивляясь захлестнувшему его чувству вины.

– Премного благодарен за содействие, – съязвил он наконец. Косака хмыкнул.

– Отбить среднее святилище мы тоже поможем. А вы, несомненно, сможете уничтожить Зеркало Цуцуги. Я в вас верю, Кагэтора-доно.

С этими словами Косака вышел из комнаты. Такая проводил его полным ненависти взглядом, а потом зажмурился, пытаясь мысленно отсечь и спрятать за железным занавесом любовь и привязанность, которые поднимались в его сердце при мысли о братьях. Тёплые воспоминания возвращались, неожиданные и непрощенные; сражаясь с ними, Такая изо всех сил сжал кулаки.

***

---

⁹ Сакаки (клеяра японская) – цветущее вечнозелёное дерево семейства чайных, считается священным в синтоизме и используется в ритуалах.

Раздался металлический скрежет, и цепь от наручников распалась надвое под клыками цуцуги. Чиаки с довольной улыбкой пошевелил руками и потрепал зверя по голове.

– Молодец, хороший зверёныш.

Цуцуга по-собачьи подёргала носом.

– Ясуда-доно, давайте выбираться отсюда. – Катакура, освободившийся первым, уже стоял у решётчатой двери темницы. – Мы потеряли много времени.

– Знаю, знаю. Ну что, теперь разберёмся с замком?

Он отдал послушной теперь цуцуге мысленный приказ. Зверь тут же бросился к решётке и навалился на неё лапами, вгрызаясь в прочный замок. Железо не устояло перед острыми клыками, и в следующую секунду они были на свободе.

Следуя за цуцугой, мужчины начали подниматься по ведущим вверх тёмным ступеням, пока не упёрлись в запёртую железную дверь. Шумно втянув в себя воздух, зверь распахнул пасть и выдохнул струю раскалённого голубого пламени, при соприкосновении с которым металл тут же начал плавиться. Вскоре по центру двери образовалась большая, словно вырезанная автогенном дыра – зверь проскользнул в неё, мужчины последовали за ним, и оказались в начале длинного коридора.

– Мы внутри особняка, – сказал Катакура.

– И что-то здесь подозрительно тихо. Который сейчас час?

– Половина восьмого вечера.

Прищёлкнув языком, Чиаки состроил недовольную мину. Слишком много времени прошло: обстоятельства, наверняка, успели сильно измениться. Придерживая ноющие рёбра, Чиаки торопливо сказал: – Скорее, выходим на улицу. Нужно найти Нариту.

В ту же секунду Катакура издал предупреждающий возглас, и, обернувшись на звук приближающихся шагов, Чиаки увидел, как с лестничной площадки на противоположном конце коридора выбегают вооружённые пистолетами люди.

Камеры у них, что ли, по дому установлены?

– Я с этой мелочью даже связываться не буду! – презрительно бросил Чиаки, и цуцуга по его команде прыгнула. Нападающие с криками открыли огонь, но их пули проходили растянувшееся в прыжке тело насквозь. Зверёныш оскалится, сверкнули золотистым блеском глаза – и лишившиеся душ тела один за другим попадали на пол.

– Пошли, скорее! – скомандовал Чиаки, и они с Катакурой припустили по коридору.

На улице было уже совсем темно и по-вечернему прохладно. Взглянув на усеянное звёздами небо, Катакура сказал:

– Слишком мало слуг... Неужели Обряд Единения с Огнём уже начался?

– Неужели, а наверняка – и слуги, и главный отправились по этому поводу на прогулку. Чёрт, Нариты нигде не видно... – Вдруг Чиаки замер на полуслове, и Катакура удивлённо спросил: – Что случилось?

– погоди, помолчи секунду...

Чиаки сосредоточенно прислушался, но не к доносившимся снаружи звукам, а к голосу Аяко, звучавшему в его голове. Они мысленно переговаривались какое-то время, а потом Чиаки довольно ухмыльнулся.

– Ясуда-доно?..

– Наш хрено-тигр умудрился не подохнуть-таки в Хаконэ. Теперь ему, видите ли, нужен череп Иэясу – да пожалуйста, так бы сразу и сказал.

– Череп Иэясу?

Чиаки пересказал Катакуре то, что услышал от Аяко.

– Рассчитывать только на цуцугу в этом деле – слишком рискованно. Пойду-ка я помогу.

– Собираетесь пробраться в храмовый комплекс? Там барьер не чета здешнему, справиться с ним будет нелегко.

– Я возьму с собой зверёныша. Волшебному зверю пройти через барьер – раз плюнуть. Так шансов на успех больше, чем если пробиваться с боем. В любом случае, Кагэтора будет проще, если внутри будет хотя бы кто-то из своих.

– Я немедленно свяжусь с господином, попрошу, чтобы послали войска в Татэяму. Где сейчас Уэсуги-доно?

– На озере Тюдзэндзико. Там среднее святилище Футарасан, говорят, захватили...

– Тогда я отправлюсь туда. Ещё нужно найти тело Нариты-доно... Отдам приказ нашим синоби из отряда Курохабаки¹⁰. Среднее святилище мы тоже поможем отбить.

– Договорились, – сказал Чиаки. Катакура кивнул, и они разделились: вассал Датэ побежал в сторону автомобильной дороги, а Чиаки – в лес, где стоял его «леопард». По счастью, разрушение до туда не докатилось. Забравшись в машину вместе с цуцугой, Чиаки завёл мотор.

– Эх, Кагэтора, леший тебя дерит... Я уж думал – будет у нас двойное самоубийство, но нет. Выжил, удалец. – Стискивая зубы от боли в груди, Чиаки решительно уставился перед собой. – Твоему запасу прочности можно только позавидовать.

Вспыхнули фары, выхватывая из мрака растущие по обочинам деревья, и «леопард», взметая тучи брызг из-под колёс, помчался вперёд по лесной дороге.

---

¹⁰ Отряд Курохабаки (буквально «чёрные обмотки») – отряд синоби на службе у Датэ Масамунэ.

Глава 23

ЕДИНЕНИЕ С ОГНЁМ

На просторах храмового комплекса Никко разносилось многоголосое эхо буддистских песнопений. Уже час прошёл с тех пор, как в Зале Трёх Будд храма Риннодзи начался первый подготовительный этап Обряда Единения с Огнём.

Несколько сотен полицейских, в тела которых вселились духи Ходзё, охраняли территорию. В каждой криптомерии – а их на храмовых землях насчитывались не тысячи, а десятки тысяч – сидела душа, и на древесных стволах отчётливо вырисовывались человеческие лица. Все эти деревья должны были вскоре сгореть в священном пламени, которое и разжигали сейчас на алтаре в храме Риннодзи.

Риннодзи входил в тройку основных храмов школы Тэндай, и сам Тэнкай был там в своё время настоятелем. Удзимаса в буддистском монашеском одеянии стоял в Зале Трёх Будд, наблюдая за торжественным огненным ритуалом, в котором участвовало около двухсот человек – обряды такого масштаба проводились в Риннодзи нечасто. Когда священнодействие закончится, монахи, тела которых, конечно же, занимали духи Ходзё, возьмут пламя с алтаря и подожгут деревья на территории комплекса, что ознаменует начало Обряда Единения с Огнём.

А в это время в святилище Футарасан разворачивалось другое действие: подселение жертвы в главный ствол священного дерева, которому предстояло принять в себя объединённую силу. Немолодой мужчина в белом церемониальном облачении стоял у специально установленного во дворе святилища синтоистского алтаря. Именно ему, старейшине клана Ходзё, в прошлом настоятелю святилища Хаконэ, было поручено наблюдать за подселением жертвы в ствол.

«Наконец-то всё готово, – думал Ходзё Гэнан, – наконец-то всё начинается...»

Жертвой для главного ствола был некто Нарита Юзуру, чью временно запечатанную силу предполагалось высвободить в момент возжигания. Тела его здесь не было, а душу уже пожрала и носила в себе цуцуга, и всё, что оставалось сделать – это поместить её в ствол.

Алтарь, заставленный разными подношениями и украшенный жезлами гохэй¹¹, стоял перед священным деревом, в многослойном кольце из верёвок симэнава. В колеблющемся свете факелов большая цуцуга – первое порождение зеркал – выбралась из чана, в котором Фума-но Котаро переносил её с места на место.

Чувствовалось, что четырёхсотлетняя цуцуга нервничает – она ещё не полностью оправилась от пережитого в Хаконэ потрясения. Тем не менее, повинувшись приказу Котаро,

---

¹¹ Гохэй – деревянный жезл, украшенный двумя бумажными лентами. Ритуальный предмет синто, используется в очищающих обрядах.

цуцуга двинулась вперёд – и все, кто наблюдал за происходящим, затаили дыхание: момент, которого они так долго ждали, настал. Казалось, сам воздух сейчас зазвенит от напряжения.

Охрана здесь была такая, что даже мышь не проскользнёт. В пределах очерченного верёвками двадцатиметрового кольца вообще не было никого, кроме Гэнана, Котаро, и цуцуги. Всех остальных держал на расстоянии специальным образом настроенный барьер.

Цуцуга взвыла – вой этот разнёсся далеко по храмовым землям, достигая ушей её младших собратьев, сидящих наготове на своих местах – и, повернувшись к самому толстому из трёх стволов, широко распахнула пасть. Из пасти с глухим хлопком выскочил яркий золотой шар и начал впаляться в дерево.

По стволу потёк, разливаясь, ослепительный золотой свет – быстрыми бегущими линиями, от основания к кроне. Вслед за тем засветились, чуть более слабо, и боковые стволы. Сзади послышались возбуждённые возгласы.

– Удивительно!.. Поразительно!.. – восклицали люди, потрясённые величественной картиной.

Гэнан, затаив дыхание, молчал. Зрелище полностью захватило его. К тому моменту, как золотой шар исчез внутри главного ствола, всё дерево сияло ровно и настолько ослепительно, что вокруг сделалось светло, как днём, словно с неба сошло маленькое солнце.

Мгновение спустя на светящемся стволе проступил образ Нариты Юзуру. Подселение жертвы в главный ствол успешно завершилось.

– Ну что же, теперь осталось это дерево поджечь? – спросил Гэнан, когда благоговейное оцепенение прошло.

Котаро с уверенностью кивнул.

– Священное пламя сплавит человеческие души с божественной силой – теперь никто не в состоянии этому помешать. Считайте, что самая мощная энергия, какую только можно вообразить, уже в ваших руках.

– Но все постройки на территории Никко обратятся в пепел...

– Ничего не поделаешь. Да и кому потом будет нужно наследие развенчанного победителя?

Котаро еле заметно улыбнулся и, запрокинув голову, скользнул взглядом к кроне главного дерева, разливающей вокруг неземной свет.

– Как только Обряд Единения с Огнём завершится, наша служба подойдёт к концу, и мы сможем вернуться к господину Удзиясу...

– Удзиясу?! – Гэнан вытаращил глаза. – Он что же, всё-таки возродился? Где он, в Хаконэ?

Котаро оставил вопрос без ответа. Скрестив руки на груди, он молча смотрел на светящееся дерево и улыбался неизвестно чему.

***

Определить на расстоянии, что происходит в храмовом комплексе Никко, Такае не удалось. Разведка при помощи гохододзи ничего не дала: энергетическое напряжение внутри барьера было слишком велико, а расставленный Ходзё покров невидимости – слишком плотным. Сколько бы Такая ни всматривался, он видел лишь густой белый туман.

Поняв, что ни к чему его усилия не приведут, Такая разъединился с гохододзи. Теперь ему ничего не оставалось, кроме как прибегнуть к помощи цуцуг.

«Ну ладно, поехали».

В комнате, где он сидел, было темным-темно, никакой свет с улицы не проникал через плотно задёрнутые занавески. Такая снова расслабился, отрегулировал дыхание, и сконцентрировал ум.

Это была кропотливая, требующая предельной сосредоточенности работа. Мысленно вернувшись к ощущениям, которые он испытывал, находясь в зеркале, Такая начал медленно совмещать свои энергетические вибрации с вибрациями цуцуги, которую затянуло в зеркальце Тоямы – и объединяться через это с самим Зеркалом Самки.

Когда вибрации полностью, идеально совпали, Такая очистил голову от всего лишнего и, обращаясь к цуцугам, мысленно воззвал: «Слушайте меня, дети мои. Станьте моими глазами. Покажите всё, что происходит сейчас вокруг».

***

– Наоэ, Нагахидэ уже добрался до храмов Никко, – сказала Аяко, когда они встретились у отеля «Никко Лэйксайд» на берегу озера Тюдзэндзико. Протянувшееся вдоль берега государственное шоссе номер 120 виднелось сразу за мостом, и, то ли его совсем перекрыли, то ли поставили блокпост, но на стороне, ведущей в Оку-Никко, была страшная пробка.

В окрестностях среднего святилища Футарасан, должно быть, стоял барьер – если посмотреть духовным взором, одно это место светилось на тёмном фоне горы Нантай, хотя никакой подсветки там не было. Наоэ раздумывал, как лучше к нему подступить, когда его нагнала Аяко.

– Значит, с ним всё в порядке?

– Да. Он хочет пробраться сквозь тамошний барьер и вынести череп Иэясу. Если ему это удастся, обряд Тэнкая можно будет активировать. Кагэтора сонастроится с цуцугами, создаст брешь в охране, чтобы можно было быстро перейти в наступление.

– Каким образом Нагахидэ собирается пройти через барьер? В одиночку это слишком опасно.

– Ну, он сам вызвался, в конце концов. Что нам ещё остаётся, кроме как верить в его способности? В любом случае, Обряд Единения с Огнём уже начался, и его нужно остановить немедленно.

– Что насчёт Зеркала Цуцуги? – спросил стоявший рядом Косака. – Чем останавливать обряд, не проще ли вынуть души из деревьев, пока он ещё не завершён?

Наоэ нахмурился. В словах Косаки был резон, но заполучить Зеркало Цуцуги не так-то легко. Самое большое к этому препятствие – Фума-но Котаро. Если Такая прав, и зеркало сейчас в Никко, то там же находится и синоби.

Минут десять спустя к разрабатывающей план нападения троице присоединился Катакура, который взобрался по Ирохадзаке на мотоцикле, петляя между стоящими в пробке машинами.

– Катакура-сан! Рад видеть вас в добром здравии.

– Простите, что заставил волноваться. – Вассал Датэ в мятой и перепачканной рубашке спрыгнул с позаимствованного где-то красного внедорожника и подбежал к ним.

– Как обстановка внизу?

– К храмам Никко уже не подойти, барьер очень мощный. Людям в соседних кварталах, кажется, приказали эвакуироваться.

Торопливо рассказав обо всём, что с ним произошло ранее, Катакура бросил взгляд в сторону среднего святилища Футарасан.

– Кагэтора говорит, Ходзэ собираются устроить там пункт контроля за Великим Треугольником, – сказала Аяко. – Святилище обязательно нужно отбить, но нас слишком мало...

– Я позову подкрепление и сам к вам присоединюсь. Пока основные войска Удзимасы не подтянулись, должно получиться. Меня вот что беспокоит, – продолжил Катакура, поворачиваясь к Наоэ. – В городе паника, особенно в тех районах, где людям приказали уезжать. Энергия на храмовой территории зашкаливает и начинает влиять на погоду. Ситуация очень опасная – а там ещё большой госпиталь рядом, я думаю, больных не успеют перевезти.

Речь шла о госпитале, где лежал Синья, точнее, его лишённое души тело. Наоэ бросил напряжённый взгляд на горы, отделяющие их от города внизу.

– Ещё немного, и случится непоправимое, – подытожил Катакура. – Необходимо что-то предпринять...

– Хорошо, – сказал Наоэ, – я отправлюсь туда. Харуиэ, остаёшься за главного. Ваша задача – выбить Ходзэ из среднего святилища, и командовать операцией будешь ты. С подкреплением Датэ преимущество на нашей стороне.

– Поняла.

– Так что насчёт зеркала, Наоэ? – снова спросил Косака с вызывающим видом. – Или при одной мысли о Фума у тебя поджилки дрожат?

– Не волнуйся, зеркало я разобью. – Наоэ уставился на стратега из клана Такэда с нескрываемой враждебностью. – И вы будете по гроб жизни нам обязаны, так Сингэну и передай.

Косака хмыкнул.

– Да минует тебя идиотская смерть.

Оставив позади Косаку с его язвительными замечаниями, Наоэ быстрым шагом направился к своему «виндому», сел в машину и уже завёл мотор, когда его догнала Аяко и постучала по стеклу. Наоэ открыл окно.

– Будь осторожен, не лезь на рожон, – сказала Аяко. – Мы из Хаконэ еле выбрались, и то только потому, что с нами был Кагэтора. От Фума никогда не знаешь, чего ждать. Смотри по сторонам.

– Ладно. Меня Нагахидэ больше волнует. Присоединиться к нему я не смогу, но, может, смогу чем-нибудь помочь...

– С Нагахидэ всё будет в порядке, я уверена. Я про другое хотела сказать...

– Что?

Аяко наклонилась к нему и схватила за рукав.

– Ты молодец, что не разбил зеркало вместе с Кагэторой. – Наоэ тут же надел на лицо свою маску безразличия, и Аяко повысила голос. – Но перестань срывать злость на мальчишке! Ты значишь для него больше, чем сам думаешь. Его пугает каждое твоё слово, каждое действие – он боится сильнее, чем ты! Этот мальчик – нет, Кагэтора – он...

– Харуиэ, – прервал её Наоэ, неотрывно глядя перед собой. – С этим покончено.

– О чём ты...

– Я даже на счастливую смерть не смог решиться – и жизнь выбрал не ради него. Я сам не захотел умирать... – Наоэ с силой дёрнул вниз рычаг тормоза и пробормотал снова, словно уговаривая себя: – Всего не ради него...

Наоэ с несвойственной ему резкостью нажал на газ, и «виндом», сорвавшись с места, помчался по окружающей озеро дороге, оставив отель «Лэйксайд» позади.

***

Известие о том, что цуцуги ведут себя странно, достигло ушей Удзимасы как раз тогда, когда огненный обряд в Зале Трёх Будд подошёл к концу, и длинная вереница монахов с факелами в руках потянулась по тёмной усыпанной гравием дорожке, вынося священное пламя из храма.

– Цуцуги плохо слушаются? – Удзимаса в монашеском одеянии нахмурился, выслушав доклад слуги. – Почему?

– Возможно, сильная энергия давит на их сознание – звери очень возбуждены, и есть опасность, что они начнут нападать на наших людей...

– Энергия недостаточно велика, чтобы влиять на волшебного зверя такого уровня – должна быть другая причина, найди её. Вообще, цуцуг можно уже скоро усыпить. Обряд Единения с Огнём вот-вот начнётся, ещё полчаса – и я прикажу всем уходить с храмовой территории.

– Да, но...

– Последнее усилие! Что хотите делайте, но надо продержаться – осталось совсем немного. Всё понял? Возвращайся на пост.

– ...Слушаюсь.

Удзимасе сейчас было совсем не до цуцуг. Тёмные верхушки криптомерий покачивались на безветрии, передавая ему своё напряжение. Весь лес деревьев великанов за исполинской крышей Зала Трёх Будд исходил силой, словно паром.

Монахи с факелами в руках, хором распевая песнопения, спускались по неровным ступеням широкой лестницы, чтобы скрыться за Чёрными Воротами, ведущими к омотэсандо. Диковинно волновались деревья, будто души, запертые в стволах, из последних сил рвались к свободе.

Удзимасу это не пугало. Минуты оставались до того момента, как десятки тысяч душ обратятся в энергию, и костлявое лицо генерала загорелось торжествующей улыбкой.

«Смотрите, батюшка, – мысленно обратился он к Удзиясу, от которого до сих пор не было вестей, – от он, наш миг победы».

Вереница факелов плыла по омотэсандо в сторону Тосёгу и святилища Футарасан. Храмовые земли были просторны – туристам требовался целый день, чтобы осмотреть всё. Скоро, совсем скоро здесь разольётся огненное море, обращая в пепел великолепные здания, сокровища нации – но Удзимаса не думал, что цена слишком высока.

«Эта страна всегда восстаёт из пепла».

Восстаёт и делает скачок вперёд – в культуре, в политике...

«Мы готовимся возжечь пламя возрождения».

Это пламя уничтожит наследие прошлого, и вместе с ним исчезнут и вина владычествовавшего над страной тирана, и страдания его угнетённых подданных.

«Токугава, победитель эпохи Усобиц, склонится у наших ног!»

Именно в этот момент на правую из двух дорожек, ведущих от Тосёгу к святилищу Футарасан, выскочил из темноты леса большой зверь, разорвав стройную вереницу факелов. Послышались крики монахов.

– Что такое?..

Зверь оказался ни кем иным, как цуцугой, и он был не один. Другие детёныши начали появляться со всех сторон, кидаться в гущу процессии и нападать на людей. Они словно взбесились; уже несколько монахов лежали на земле.

– Это цуцуги!.. Цуцуги!..

– Держите крепче факелы! Отбивайтесь от них!

Крики стали громче. Одна из цуцуг наступила на упавший факел, и священное пламя перекинулось на неё. Монахи отчаянно размахивали факелами, пытаясь отбиться от зверей, на помощь им спешили охранники – всё вокруг потонуло в волнах паники.

– Ловите цуцуг! С ними что-то случилось!

Тем временем к Удзимасе подбежал слуга с посланием из святилища Футарасан.

– Мы потеряли контроль над зверями! Большая цуцуга взбесилась и сбежала!

– Что?!

***

Граница барьера в Никко проходила по реке Дайягаве и по западному берегу впадающей в неё Инаригавы. Чиаки проехал по шоссе вдоль восточного берега Инаригавы на север, до того места, где её поток можно было пересечь вброд. Выйдя из машины, он спустился к воде и взгляделся в лес на противоположной стороне. Мерно шумела в темноте река; у ног Чиаки пристроился детёныш цуцуги.

– Да, хорошо они здесь поработали.

Начинавшийся на той стороне барьер накрывал всю храмовую территорию с её лесом и горами силовым куполом такой толщины, какую казалось невозможным пробить. Это не шло ни в какое сравнение с барьером в особняке Ходзё – тут даже с помощью Райдзина ничего бы не вышло.

«Но так получилось, что у меня есть цуцуга...»

Чиаки присел и погладил детёныша по загривку.

– Ну что, волшебный зверёк, сделаешь мне в этом барьере дырку?

Цуцуга повертела головой; она была согласна.

Противоположный берег обрывался в воду довольно круто и порос густой травой, но, если поискать, можно найти, где взобраться. Чиаки достал из кармана карту и, сверяясь с ней, начал смотреть по сторонам и прикидывать в уме. В темноте было плохо видно, но пригорок, на котором стояла маленькая электростанция, показался ему подходящим местом.

Там уже начиналась территория храмового комплекса Никко. Стена барьера перегораживала автомобильную дорогу, которая тянулась вдоль берега реки – если пойти

по ней, попадешь к Часовне Основателя¹² и могиле Сёдо Дзёнина, откуда до внутренней часовни Тосёгу по прямой совсем недалеко. В темноте, пробираясь через крутые овраги, это будет непросто, но зато можно оказаться прямо позади внутренней часовни.

«Если, конечно, меня не засекут раньше...»

Чиаки двинул желваками, сложил карту, засунул её за пояс брюк, и с фонариком в руке начал перебираться через реку. Цуцуга следовала за ним.

– Череп Иэясу... Опять, небось, порушим какой-нибудь памятник архитектуры, пока будем доставать...

Оказавшись на противоположной стороне, Чиаки начал взбираться по крутому склону позади электростанции, раздвигая руками высокую траву. На середине подъёма он вдруг уловил шестым чувством присутствие чего-то знакомого и поднял голову: в тёмном небе над рекой парил Кэн-но гохододзи.

«О, явился», – подумал Чиаки и поманил гохододзи к себе. Мальчик с золотистой кожей, скользнув по воздуху, остановился рядом и сложил тысячу мечей за спиной, как птица складывает крылья.

Пока всё шло по плану. Они с Аяко договаривались по мысленной связи, что Чиаки дождётся гохододзи, прежде чем идти в лагерь врага.

– Кагэтора хочет, чтобы я взял его с собой? Пожалуйста, как скажете. Сейчас всё сделаем в лучшем виде.

Чиаки достал из кармана заранее приготовленный листок бумаги, вырезанный в форме человеческой фигурки – их, как и копасины, использовали в качестве временного вместилища для духов и богов. Фигурка засветилась, стоило Чиаки прочесть мантру Бисямонтэна и начертить на бумаге символ. Он выставил её перед золотым мальчиком и сказал:

– Кэн-но гохододзи, входи сюда.

Гохододзи втянуло в бумажное вместилище, и фигурка на секунду вспыхнула ярким светом.

– Отлично.

Аккуратно сложив бумажную фигурку обратно в карман, Чиаки преодолел последние метры подъёма и оказался перед толстой стеной барьера.

– Ну что, напарник – вперёд!

Он погладил цуцугу по спине. Детёныш взвыл в предвкушении и шагнул к раскалённой светящейся завесе, которая шипела и исходила горячим паром. Чиаки, закрывшись со всех сторон ментальным щитом, пошёл следом за цуцугой. Барьер был около десяти метров толщиной.

---

¹² Часовня Основателя (Кайсан-до) – маленький храм, посвящённый Сёдо Дзёнину, основателю религиозного культа в горах Никко.

Зверь вступил в стену, словно бы раздвигая телом составлявшее её парообразное вещество. Оказаться внутри этой толщи было всё равно, что окунуться в жерло вулкана во время извержения. Цуцуга таранила барьер, и давление на ментальный щит Чиаки ослабевало, но ясно было: стоит зазеваться лишь на секунду – и превратишься в пыль. Чиаки старался ступать за цуцугой след в след, и они медленно продвигались вперёд, пока стена, наконец, не выплюнула их с обратной стороны.

– Фух...

Дыра в барьере моментально затянулась. Похоже, им удалось благополучно проникнуть на территорию врага.

– Следующее препятствие – вот эта вот горка... – пробормотал Чиаки, глядя на маячивший впереди весьма неприятный склон, который в реальности оказался намного круче, чем было видно по карте.

Придерживая ноющие рёбра, он огляделся по сторонам. В лесу было темно, и ему пришлось осветить фонариком, чтобы убедиться: на каждом древесном стволе красовалось по человеческому лицу. От накала энергии трудно было дышать, она давила на психику, и приходилось серьёзно следить за тем, чтобы не потерять сознание.

Чиаки остановился у Часовни Основателя, чтобы перевести дух. Обряд должен был быть в самом разгаре, но с другого конца леса доносился шум, как будто там случилось что-то непредвиденное – наверное, Кагэтора растормошил цуцуг, чтобы отвлечь людей Ходзё. Шагавший рядом детёныш тоже занервничал, заозирался по сторонам, и Чиаки успокаивающе потрепал его по голове.

– Всё хорошо, не слушай никого, кроме меня.

Чиаки скользнул взглядом по возвышающемуся перед ним склону. Здесь на охрану поспешили, но вряд ли того же можно ожидать и наверху. Изгоняющая сила в пределах барьера, скорее всего, не работает – значит, вся надежда на цуцугу.

– Ну ладно, пошли.

Чиаки начал карабкаться вверх, осторожно выбирая путь, и цуцуга лезла за ним. Духи в древесных стволах плакали, взывая о помощи.

«Подождите маленько... Не волнуйтесь, я никому не дам вас поджечь...»

Превозмогая боль, Чиаки сражался с чёрным скалистым склоном. Его целью была внутренняя часовня Тосёгу.

***

– А ну тихо! Успокойтесь! Тихо! – прикрикнул Гэнан на вассалов, в панике мечущихся по двору святилища Футарасан, спасаясь от разбушевавшихся цуцуг. – Священным пламенем их жгите! Спокойно! Защищайтесь огнём!

Перестав отбиваться голыми руками, вассалы взяли факелы со священным пламенем – и по округе разнеслись дикие вопли зверей, сгорающих в огне.

– Куда побежала большая цуцуга?

– В сторону Тосёгу – другие детёныши, похоже, тоже стекаются туда.

– Неизвестно, что они могут там натворить! Найдите и прикончите! – быстро приказал Гэнан и повернулся к Котаро, который отдавал команды в зале для подношений.

– Котаро! Что происходит с цуцугами?

Синоби распахнул глаза: он вдруг догадался, почему цуцуги вышли из-под контроля. И за предательством Тоямы, и за исчезновением цуцуги в зеркале, и за нынешним массовым помешательством зверей стоял один человек.

«Сабуро-доно...»

Он управляет цуцугами через зеркало – у Котаро не оставалось в этом никаких сомнений. Идея Ходзё использовать волшебных зверей для охраны территории внезапно обернулась против них. На храмовых землях было около пятидесяти цуцуг, и усыпить их сейчас уже не представлялось возможным.

– Гэнан-сама, нельзя подпускать цуцуг к святилищу Тосёгу! Здесь что-то нечисто!

– Что?..

Тем временем собравшиеся в стаю цуцуги были уже под стенами святилища. Большая цуцуга разломала парадные ворота, и звери хлынули внутрь. Многочисленные вассалы не могли с ними справиться. Монах, приближённый Удзимасы, пытался отдавать им какие-то команды, но звери не слушались совершенно.

– Может статься, Сабуро-доно попытается пробудить тайный обряд Санно итидзицу синто, который провёл здесь когда-то Тэнкай.

В голосе Котаро чувствовалось напряжение.

– Это невозможно! – воскликнул Гэнан. – Мы заранее запечатали силу этого обряда, его не получится пробудить даже с черепом Иэясу.

– Вы правы. Обряд запечатан, и обратиться к нему нельзя, но, если вдруг... – Котаро, потемнев лицом, вгляделся в окружавший святилище лес. – Если вдруг Сабуро-доно каким-то чудом призовет божественный дух самого Иэясу...

«Немыслимо», – подумал Гэнан. Чтобы осуществить такое, нужно самому быть божеством. И всё же...

– Что ты предлагаешь, Котаро? – спросил Гэнан, нахмурившись.

– Пробудить зверей-защитников Тосёгу.

– Тебе это под силу?

– Надо включить их охранную функцию. Для волшебных зверей Тосёгу цуцуга – незванный гость. Они попытаются остановить вторжение.

Котаро спустился из зала для подношений по лестнице вниз и подошёл к священному дереву – переполненное энергией, оно рассеивало вокруг неземной золотистый свет. Синоби достал из кармана пригоршню круглых кристаллов примерно двух сантиметров в диаметре, вытянул руку вверх, и произнёс:

– Поделитесь дыханием жизни со стражами Тосёгу.

Он обмахнул кристаллы веткой сакаки, и в их прозрачных сердцевинах начали проступать имена волшебных зверей. Теперь дело было за дыханием... Набрав воздух в лёгкие, Котаро с силой подул на кристаллы – наполнившись энергией священного дерева, они тоже засветились золотом. Синоби повернулся в сторону Тосёгу и швырнул прозрачные шарики в небо.

– Священные звери, пробудитесь!

Взметнувшись над верхушками криптомерий, кристаллы разлетелись по территории святилища Тосёгу. Там, где они падали, вспыхивал ослепительный свет – даже Чиаки, карабкавшийся по тёмному склону на другом конце леса, удивлённо вскинул голову, заметив зарево в небе.

Кристаллы стукнулись об крыши нескольких зданий, и земля вздрогнула от странного импульса, который заставил заполонивших округу цуцуг настороженно замереть. А потом из разлившегося в местах падений сияния появились они.

Первым зашевелился зверь на парадных воротах – мифологический «баку» с телом медведя, хоботом слона, глазами носорога, хвостом коровы, и лапами тигра, отгонятель злых духов. Перед первым складским домом опустился на землю большой волшебный слон, на воротах Ёмэймон ожили около тридцати примостившихся под крышей похожих на драконов «саку», а у главного зала появился волшебный носорог, с рогами, панцирем и копытами¹³ – страж на входе в мир богов.

Барельефы святилища Тосёгу не были просто украшениями. Они охраняли священную территорию от враждебного вмешательства, и Котаро заранее позаботился о том, чтобы вынуть души из деревянных фигур.

Теперь он снова вдохнул жизнь в стражей Тосёгу, и не менее сотни волшебных созданий сошли с балок под храмовыми крышами, чтобы дать пришельцам отпор. Цуцуги замерли перед лицом неожиданного врага. Потом стражи сорвались с места, и между волшебными зверями завязался бой.

Такая, командовавший цуцугами из рёкана на озере Тюдзэндзико, поднял голову, почувствовав неладное.

«Плохо дело...»

---

¹³ Волшебные звери Тосёгу – мифологические создания, даже если называются именами реальных зверей. Например, «носорог» не имеет ничего общего с реальным носорогом.

Схватка между цуцугами и охранными зверями разворачивалась перед его мысленным взором. Цуцуги безнадежно проигрывали; их предсмертные вопли сильно выводили из равновесия Зеркало Самки.

«Включилась охранная система Тосёгу... Как некстати!...»

Такая досадливо прищёлкнул языком. Цуцуги нужны, чтобы спасти Никко, но стражам Тосёгу этого не объяснишь: они видят перед собой лишь незваных пришельцев.

«Тогда, наверное, и во внутреннем святилище то же самое...»

Такая переключился с одного энергетического канала на другой, сонастроившись с гохододзи.

Удзимаса тоже быстро догадался, кого надо благодарить за помешательство цуцуг: настолько точный удалённый контроль был под силу лишь одному человеку.

– Будь ты проклят, Сабуро! Почему ты не можешь просто оставить нас в покое?

– Удзимаса-доно, нужно поторопиться! – раздался голос рядом, и Удзимаса, обернувшись, увидел юношу с каштановыми волосами, которого все считали вассалом Датэ Кодзиро. Сам Кодзиро, который тоже был здесь, выглядел напуганным и молчал.

Бесцеремонность вассала задела Удзимасу за живое, и он возмущённо сказал:

– А тебя кто спрашивал?

– Прошу, поторопитесь! – повторил молодой человек. – Нужно скорее поджечь лес, а то Сабуро-доно, должно быть, хочет пробудить силу тайного обряда Тэнкая.

– Что за ерунда! – набросился было на него Удзимаса, но слова замерли у него на губах. В том, как держался юноша, чувствовалась странная властность – конечно же Удзимаса не знал, что говорит с вассалом Оды, Мори Ранмару.

– Даже если и так – ничего у него не выйдет. Мы запечатали силу обряда сразу, как вошли в эти горы. Или ты думал, нам это не придёт в голову?

– Конечно же нет, вы очень предусмотрительны. Просто, к чему медлить и давать ему лишний шанс вам помешать? Чем быстрее всё закончится, тем быстрее вы отпразднуете победу, Ходзё-доно.

На это Удзимаса ничего не мог возразить. Конечно, неприятно было выслушивать поучения от вассала Кодзиро, но не хотелось тратить время на препирательства с наглецом. Удзимаса повернулся к стоящему рядом слуге и сказал:

– Пусть монахи немедленно поджигают. Всем – отступить с храмовой территории!

– Слушаюсь!

Несколько вассалов кинулись врассыпную, чтобы дальше передать приказ. Удзимаса бросил горящий вызовом взгляд в сторону святилища Тосёгу.

«Ничего у тебя не выйдет, Сабуро!»

А Мори Ранмару смотрел на его повернутое в профиль лицо и довольно улыбался.

«Всё, теперь Никко у нас в кармане».

Ведь Нарита Юзуру, которому предстоит принять всю объединённую энергию Никко, несёт в себе Зерно Дьявола – что делает его марионеткой Оды. Значит, они и получают всю ту колоссальную силу, которая сплавится воедино в этих горах.

«Вовсе не Ходзё достанется победа».

Датэ Кодзиро стоял с побелевшим лицом и не смел поднять глаз – словно маленькая испуганная овечка. Ранмару бросил на него насмешливый, полный превосходства взгляд.

Тем временем монахи с пламенеющими факелами в руках разошлись по лесу, и под тёмными сводами деревьев стало светло, как днём. Полилось на древесные стволы священное масло. Взлетели в воздух и упали маршальские жезлы командиров, и по округе разнеслось громкое: «Поджигайте!»

А Чиаки на северной окраине храмового леса услышал в своей голове голос Такаи. Он как раз одолел крутой склон за Часовней Основателя, и до внутренней часовни Тосёгу ему оставалось несколько десятков метров, когда Такака по мысленной связи передал: «Выпускай гохододзи».

– Всё, время истекло? – Чиаки прислушался к шуму со стороны нижних храмов, который отчётливо доносился и сюда. – Ты хоть уверен, что это остановит пожар?

Он достал из кармана бумажную фигурку и вывел на ней пальцем санскритский символ, проговаривая мантру Бисямонтэна. Бумажка вспыхнула, и на свет снова явился гохододзи.

– Беги, туши огонь! – приказал Чиаки, и мальчик помчался вперёд, налету превращаясь в дракона (священные драконы тоже служили Бисямонтэну – вспомнить хотя бы Кухати Гохо с горы Сиги). Дракон, в которого превратился гохододзи, был с крыльями, из разряда повелителей воды.

Проводив крылатое создание взглядом, Чиаки снова двинулся вверх по склону, как вдруг идущая впереди цуцуга предостерегающе взвыла. Чиаки резко вскинул голову. Навстречу ему спускалась группа мужчин в камуфляже.

– Чёрт! Засекли.

Это должно было произойти, рано или поздно. Вассалы Ходзё открыли огонь, и цуцуга, не дожидаясь приказа, кинулась в бой.

– Я с тобой! – воскликнул Чиаки, пуская в ход силу. Людей неприятеля становилось всё больше, на месте поверженных врагов словно бы из ниоткуда появлялись новые, но Чиаки и его необычный напарник, слаженно сражаясь бок о бок, держали их на расстоянии.

– Так мы с тобой, глядишь, и подружимся!

Внезапно у Чиаки поплыло перед глазами. Он огляделся вокруг: деревья дрожали и изгибались под странными углами. Чиаки резко сощурился.

– Да не подействует это на меня! – крикнул он, поднапрягся, и сбросил охватившую было его иллюзию. С ветвей большого дерева с криком сорвался и упал синоби Фума: отдача от удара Чиаки повредила ему мозг.

– Пусть мне хоть ползти придётся, но до внутреннего святилища я доберусь, и никто меня не остановит!

По всем уголкам леса разлился запах масла. Колыхалось в готовности пламя факелов, и в завываниях блуждающего меж стволов ветра слышался людской плач.

– Поджигайте! – неслось по округе. – Поджигайте!

Глава 24

ХОЗЯИН ТОСЁГУ

Когда Наоэ на своём «виндоме» въехал в городские предместья Никко, всё в радиусе трёх километров от храмов было уже оцеплено полицией. Движение по государственному шоссе номер 119 и по дороге, соединявшей Никко с Уцуномией, перекрыли, а жителей близлежащих кварталов – эвакуировали.

Вокруг барьера же разбушевался настоящий шторм. Очевидно, сосредоточившаяся в одном месте чрезмерная и противоестественная сила влияла на атмосферное давление, меняя погоду.

Госпиталь, где лежал Синья, попал в зону оцепления. Тяжёлых больных оттуда, конечно же, никто за такое короткое время перевезти бы не успел.

Блокпост стоял на дороге у развязки Киётаки. «Стой!» – закричали полицейские и замахали руками при виде несущейся на них машины, но Наоэ, не сбавляя скорости, хладнокровно разнёс щит с табличкой «проезд закрыт» и помчался дальше.

«Если обряд не остановить, от Никко камня на камне не останется...»

Чем ближе к храмам, тем хуже становилась обстановка. По сравнению с тем, что творилось здесь, и тайфун покажется лёгкой непогодой. Прямо по курсу над дорогой висела, опускаясь до земли, огромная клубящаяся туча – так выглядел снаружи накрывавший храмы Никко купольный барьер. Везде можно было видеть следы того, что жители покидали эти кварталы в спешке.

Наоэ направился напрямик в госпиталь, где ещё оставался медицинский персонал. Выйдя из машины, он увидел у входа группу врачей, среди которых был и лечащий врач Синья.

– Всё в порядке, никто не ранен? – спросил Наоэ первым делом.

– Телефон не работает, вообще никакой связи нет! Мы перевезли только часть пациентов, всех не успели... Что, ряди всего святого, происходит?

– Я вам помогу с эвакуацией, и ещё кого-нибудь пришлю на помощь.

– У нас здесь коматозные больные, почти пятьдесят человек – их нельзя трогать!

Наоэ досадливо прищёлкнул языком. Как бы там ни было, а душам этих людей – включая Синью и Юзуру – не суждено будет вернуться в тела, если Ходзэ завершат Обряд Единения с Огнём. Нужно либо остановить обряд, либо разбить Зеркало Цуцуги, немедленно.

В то же время надо сохранить и тела, чтобы душам было, куда возвращаться.

– Хорошо, – торопливо сказал Наоэ, – тогда идите внутрь и не выходите. В больнице вы будете в безопасности. Понятно?

– Но как же...

Не слушая возражений, Наоэ затолкал врачей в здание и раздал им бумажные амулеты с нарисованной на них фигурой Бисямонтэна.

– Расклейте их по стенам, так, чтобы висели ровно – тогда с больницей ничего не случится.

– Вы предлагаете нам полагаться на амулеты?

– Просто сделайте, что я сказал. Шторм скоро закончится – но до тех пор и шагу не ступайте на улицу! Понятно?

Обескураженные его напором, врачи покивали головой. Наоэ заставил их запереть изнутри стеклянные входные двери, которые он снаружи запечатал амулетом.

Потом он взял ещё один амулет, сосредоточился и обратился к своему покровителю:

– О великий Бисямонтэн, защити эту землю от опасности!

Бумажный прямоугольник взвился вверх, прорезая воздух, и, подхваченный ураганным ветром, поднялся к небесам – где его внезапно охватило пламя, и он превратился в огромного огненного орла. Орёл начал растягиваться, увеличиваться в размерах. Когда госпиталь целиком поместился в размахе его крыльев, образ птицы исчез: теперь над зданием висел один сплошной светящийся купол.

«Отлично».

Убедившись в том, что защитный барьер готов и действует, Наоэ перевёл взгляд на чёрную тучу над храмами Никко.

Можно было не сомневаться в том, что Зеркало Цуцуги всегда носит с собой Фума-но Котаро. По словам Удзитэру, синоби должен был отвезти его Удзимасе в Никко ещё до начала обряда.

Кагэтора почувствовал, что зеркало уже в Никко – значит, Котаро тоже здесь.

«Придётся с ним сражаться. Другого выхода нет...»

Наоэ всегда думал, что во всём лагере Ходзэ нет человека опасней, чем Фума-но Котаро. Если он в Никко – то, наверное, на храмовой территории. Пытаясь сообразить, можно ли как-то туда проникнуть, Наоэ вспомнил услышанное однажды от Удзитэру:

– В святилище Тосёгу есть тайный подземный ход, который ведёт наружу. Выход из него – под алтарём Рэйхикаку¹⁴ в ущелье Камман-га-фути¹⁵.

Люди Фума заново расчистили этот ход, который к тому времени уже начал обваливаться, чтобы вынести Зеркало Цуцуги из святилища. Также его предполагалось использовать как отходной путь в случае непредвиденной ситуации. С храмовой территории было несколько таких выходов – именно через них вассалы Ходзё собирались отступить в самом конце.

«Может ли это мне пригодиться?..»

Если через подземелье можно выйти, то, наверное, через него можно и войти. Барьер над храмами Никко в лоб не пробьёшь, но под землёй его ошеломляющая сила должна быть немного слабее. Разумеется, выход тщательно охраняют – придётся сражаться со всей охраной в одиночку.

«Ничего не поделаешь. Других вариантов нет».

Во что бы то ни стало нужно попасть внутрь и отбить у Удзимасы с Котаро Зеркало Цуцуги. Приняв решение, Наоэ снова сел в машину. От Тосёгу до Камман-га-фути – меньше двух километров по прямой. «Виндом» сорвался с места и помчался к центру города.

***

Лес на храмовой территории постепенно занимался огнём. Облитые священным маслом стволы криптомерий загорались у основания, пламя набирало силу, и запертые в деревьях души кричали о помощи.

– Отлично. Теперь уходим! Все уходим отсюда!

Среди вассалов Ходзё началось шумное движение. Все устремились к точкам выхода: мавзолею Тайюин, месту упокоения третьего сёгуна, Иэмицу – и часовне Дзиндзио на задворках храма Риннодзи.

Пламя гудело, ярко освещая лес. По округе разливался запах горящего дерева. Слуги Удзимасы уже торопили его:

– Скорее, тоно! Здесь опасно!

– Да подождите вы! – огрызнулся тот.

Он не мог оторвать взгляд от леса, превращавшегося постепенно в огненное море. Это был миг исполнения желаний, миг торжества над победителем. Но именно в этот миг произошло нечто странное.

---

¹⁴ Рэйхикаку – буддистский церемониальный алтарь для огненных обрядов в ущелье Камман-га-фути. Был заложен при постройке храма Дзиундзи в 1654 году.

¹⁵ Камман-га-фути – речное ущелье в центральном Никко, недалеко от храмового комплекса Тосёгу. Известно аллеей с каменными статуями Дзидзо.

Что-то прошелестело в высоких кронах криптомерий. Удзимаса присмотрелся, пытаясь определить источник движения – и в следующую секунду большое длинное тело скользнуло мимо, обдав его ветром.

– Что?..

Его глазам предстал дракон – синий извивающийся крылатый змей, в которого превратился гохододзи. Дракон оскалился и зашипел, а потом вдруг начал делиться; не успел Удзимаса и глазом моргнуть, как вместо одного дракона в воздухе витало несколько десятков.

– Это ещё что такое?!

Драконы разлетелись между деревьев и принялись поливать бушующее у корней пламя белым паром, который они выдыхали изо рта. Результат был мгновенный, как от действия огнетушителя.

– Происки Сабуро! – воскликнул Удзимаса и повернулся к вассалам, уже готовым разбежаться в панике. – Не обращайте внимания на эти фокусы! Драконы разделились – значит, каждый из них в отдельности слаб! Бейте их! Не дайте потушить огонь!

Вассалы Ходзэ начали бить драконов силой – те яростно отвечали, кружась в воздухе среди деревьев. Потухшие стволы, между тем, подожгли заново.

– Смерть всем, кто чинит нам препятствия! – кричал Удзимаса, надрывая голос. – Никакой пощады врагам! Сабуро нам не помешает! Жгите! Поджигайте! Пусть всё сгорит до тла!

***

Цуцуги проигрывали в схватке с волшебными зверями: всё вокруг было завалено их трупами, которые постепенно исчезали, обращаясь в пыль. Только большая цуцуга – тот самый первый детёныш, родившийся четыреста лет назад – продолжала яростно сражаться. Разница в силе была налицо – к тому же, большая цуцуга черпала поддержку в зеркале. Звери-защитники Тосёгу все гибли, встречаясь с ней в бою.

Такая управлял большой цуцугой через зеркало. Вот её клыки разорвали горло волшебному носорогу... Столкнувшись с невообразимо мощным противником, звери-защитники начали постепенно сдавать позиции, и в какой-то момент цуцуге удалось переломить ход схватки в свою пользу. С боем пробившись вперёд, она остановилась у ворот Сакасита¹⁶, что вели в святая святых – внутреннюю часовню.

---

¹⁶ Ворота Сакасита – ворота в восточном коридоре святилища Тосёгу, которые ведут на территорию внутренней часовни, где находится мавзолей Токугавы Иэясу. В эпоху Эдо через них мог пройти только сёгун, поэтому их называли Неоткрываемыми Вратами.

Как и можно было ожидать, пройти сквозь Неоткрываемые Врата оказалось не так-то просто. Два волшебных защитника перегородили цуцуге путь: первым был тигр, а вторым – зверь, вырезанный на фигурной балке под крышей восточного коридора.

Сначала распахнулись его глаза. Потом по округе разнеслось хриплое мяуканье, и создание, до того мирно спавшее на фронтоне, спрыгнуло на землю. В его облике не было ничего от милого, свернувшегося калачиком Спящего Кота¹⁷: перед цуцугой стоял свирепый кот-демон пяти метров в холке.

Большая цуцуга взвыла. Демонический кот оскалил свои острые клыки. Цуцуга с рёвом бросилась вперёд – кот легко увернулся и, брызжа кислотной слюной, ловко прыгая с места на место, двинулся в атаку.

Разгорелась ожесточённая схватка. Не только с котом пришлось иметь дело, но и с тигром, и с носорогами – они все навалились на уже израненную цуцугу одновременно. Но цуцуга, выжимая последние силы, сражалась с ними на равных.

Такая слышал, как воет породившее цуцугу зеркало, изливая всю свою мощь на детёныша.

«Оно пытается помочь!..»

Но суровые хранители покоя Иэясу не собирались отступить. Кот полоснул цуцугу острыми когтями; его глаза горели убийственным блеском. Такая, который чувствовал все раны зверя через их ментальную связь, стиснул зубы от боли.

«Вперёд, цуцуга!»

Ему уже казалось, будто он сам находится в гуще схватки.

«Вперёд, к Иэясу! Мы не можем позволить Ходзё одержать верх!»

Большая цуцуга взревела в ответ на этот мысленный призыв, но кот, охранявший ворота Сакасита, был защитником, достойным королей. Он стоял насмерть и не давал цуцуге никаких шансов. Если присмотреться к скульптуре, вырезанной на фронтоне восточного коридора, можно заметить, что кот лишь притворяется спящим. Присев на четырёх лапах, он держит ушки на макушке, словно подстерегает добычу, и готов безжалостно расправиться со всеми нарушителями спокойствия.

«Должен же ты понимать, кто на самом деле прав, а кто виноват!»

Мысленно объединившись с цуцугой, Такая набросился на демонического кота.

«Я здесь пройду во что бы то ни стало!»

Кот взвыл и впился зубами цуцуге в горло. Два волшебных зверя сгрызлись и рычащим клубком покатались по земле.

***

---

¹⁷ Знаменитая скульптура нэмури-нэко авторства Хидари Дзингоро.

В горах позади внутренней часовни Чиаки, схлестнувшийся с вассалами Ходзэ, добил, наконец, последних врагов и теперь пытался отдышаться, обхватив руками своё израненное тело.

– Ну что, всё?.. – пробормотал он прерывающимся голосом. – Больше никого?..

Чиаки обратил взгляд налившихся кровью глаз к внутренней часовне. Рядом послушный детёныш цуцуги, чувствуя, как где-то умирают его сородичи, дрожал от бешенства.

– Это там, наверху...

Вытерев пот и кровь с лица, Чиаки начал снова взбираться по склону. Вдалеке между деревьями разливался странный свет – возможно, лес уже подожгли... Чиаки мысленно выругался.

От боли и усталости у него мутилось в голове, но он не мог позволить себе отступить от цели, до которой оставалось совсем чуть-чуть. Собравшись с последними силами, Чиаки едва ли не ползком преодолел отделявший его от внутренней часовни участок леса и вышел к каменной кладке, которая окружала часовню сзади. Стена была довольно высока, но даже зайдя он с парадного входа – всё равно оказался бы у запертых ворот. Внизу, подсвеченная льющим сквозь деревья светом, стояла бронзовая ступа – в ней и покоился прах Иэясу.

Чиаки спрыгнул на засыпанную гравием площадку внизу, тормозя своё падение силой. Дыхание начинало сбиваться от малейшего движения.

– Чёрт, что-то я не в форме...

Рядом бесшумно приземлилась цуцуга и с подозрением огляделась по сторонам.

– Вот, значит, где его кости... – пробормотал Чиаки, перемахнув через каменную решётку, которая огораживала стоящую на восьмиугольном каменном постаменте большую, отлитую из бронзы ступу. Вокруг всё было засыпано гравием.

По преданию внутри ступы, в гробу, лежали останки Иэясу. Чиаки не помнил, чтобы его кремировали.

Другого способа достать череп, кроме как разрушить ступу, Чиаки не видел, поэтому он сосредоточился и наполнил тело силой до краёв.

«Не нравится мне это, но ничего не поделаешь...»

Сила вырвалась вперёд мощным всплеском – и тут произошло нечто неожиданное. На поверхности ступы тонкой вертикальной линией вспыхнул свет, и энергетическая волна Чиаки, натолкнувшись на него, рассыпалась снопом плазменных искр.

– Что?.. Ах, ты!..

Он поднапрягся и попробовал ещё раз, сильнее – и снова прямая вертикальная вспышка с треском разбила импульс, обдав Чиаки ворохом искр. Не на шутку разозлившись, он засыпал ступу градом энергетических ударов, выжимая из себя всё до последней капли, но все его попытки окончились ничем: усыпальница, целая и невредимая, словно смеялась над ним.

«Кто мне мешает?»

Людей поблизости не было. Чиаки, напрягшись, начал было прочёсывать взглядом окрестности, как вдруг со стороны ступы что-то снова затрещало, и весь её бронзовый силуэт заискрился белыми плазменными молниями.

– А-а!..

Земля под ногами задрожала. Энергетические снаряды Чиаки пропадали впустую, сколько бы он ни старался. С увенчанного маковкой навершия ступы сорвался луч серебристого света – и Чиаки невольно пригнулся, защищаясь от несущейся на него силы.

Получив прямой удар, цуцуга взвыла и обратилась в прах, не продержавшись под напором невероятной энергии и десяти секунд.

– Сволочь! – завопил Чиаки, с новой силой набросившись на ступу, но все его атаки оказались отбиты, а самого его отшвырнуло назад, к бронзовым воротам Инуки¹⁸, так, что он с размаху ударился о них спиной.

Кое-как поднявшись на руках и постанывая от боли, Чиаки подумал, что его невидимый враг не имеет никакого отношения к Ходзё.

«Неужели...»

***

Клыки большой цуцуги разорвали горло тигру. Раздался оглушительный рёв – и ещё одного волшебного зверя не стало.

Израненная цуцуга осталась один на один с гигантским котом, который пострадал в бою ничуть не меньше. Два зверя злобно переглядывались; их силы были равны, но пришло время поставить точку в этой схватке.

Они прыгнули одновременно – оскалив клыки, целясь друг другу в горло – и, столкнувшись в воздухе, рухнули вниз, на засыпанную круглым гравием площадку. Цуцуга падала спиной; земля дрогнула от удара их соединившихся в смертельном объятии тел. Один зверь дышал часто, с трудом – по всей округе разносились эти хриплые звуки. Второй зверь несколько раз дёрнулся, а потом затих.

И с земли в конце концов поднялась большая цуцуга, настолько измождённая, что непонятно было, как она вообще держалась на ногах. Но в облике зверя, ещё недавно исходившего бешеной, убийственной яростью, сейчас сквозило какое-то странное величие, едва ли не святость. Цуцуга встряхнулась, воспрянула духом, и, сломав ворота Сакасита, бросила своё израненное тело вверх по длинной каменной лестнице, ведущей к внутренней часовне.

---

¹⁸ Ворота Инуки – бронзовые ворота во внутренней часовне святилища Тосёгу, ведущие на территорию мавзолея Иэясу.

«Я дойду до Иэясу».

Такая сердцем полностью слился с цуцугой. Возможно, то величие, которое сейчас чувствовалось в ней, шло из глубины его души.

Дальше медлить нельзя было ни секунды. Цуцуга сильными, гибкими прыжками взбиралась – словно летела – по ступеням к цели: покоящемуся во внутренней часовне черепу Иэясу.

«Тайный обряд преподобного Тэнкая...»

Цуцуга проломила ворота Инуки – и оказалась на территории внутренней часовни, прямо перед мавзолеем Иэясу. Чиаки, ошарашенный её внезапным появлением, приготовился было держать оборону, но быстро понял, что зверем управляет Такаяя.

Грудная клетка цуцуги поднималась и опала в такт хриплому, надрывному дыханию. Остановившись напротив ступы, зверь уставился на бронзовую конструкцию, которая искрилась белыми плазменными вспышками и никого не подпускала к себе.

– Череп Иэясу достать будет не так-то просто, Кагэтора, – сказал привалившийся к столбу Чиаки, тяжело дыша. – Похоже, мы своим шумом и беготнёй разозлили хозяина Тосёгу, он пробудился, и собирается с нами разделаться – решив, что мы во всём и виноваты...

Такаяя, наблюдая глазами цуцуги развернувшуюся перед ними картину, задумался. Дух Токугавы Иэясу уже нельзя было назвать обычным духом. Преподобный Тэнкай при помощи тайного обряда Санно итидзицу синто превратил его в божество, наделённое огромной силой.

Реши божество, что перед ним враг – и Уэсуги нечего будет ему противопоставить. О том, чтобы добыть череп, можно будет даже не помышлять.

– А ведь именно мы здесь отстаиваем справедливость! Нет бы наказать тех, кто действительно виноват...

«Дело не в этом», – прозвучал в голове у Чиаки голос Такаи. «Просто божество Тосёгу не терпит тех, кто вламывается на его территорию силой – пусть даже с благими намерениями... На то оно и божество».

– Ну хорошо, и что ты предлагаешь? Сидеть и ждать, пока нас постигнет божья кара?

Ступа угрожающе потрескивала серебристыми плазменными разрядами. Большая цуцуга сделала осторожный шаг вперёд. В ту же секунду со ступы сорвалась и ударила молния – зверь взвыл и, кувырком отлетев назад, стукнулся о каменную решётчатую ограду.

– Кагэтора!..

Но цуцугу это не остановило. Поднявшись, она снова шагнула вперёд.

«А ведь я могу до него и не достучаться...»

Такаяя с вызовом смотрел на своего противника – Токугаву Иэясу, ставшего божеством. Возможно, что и бессмысленно ему, маленькому человечку, обращаться к небожителю и

надеяться получить от него, как от равного, отклик. Возможно, говорить на равных с этим гигантом способен лишь другой гигант, наделённый не менее внушительной силой...

«И всё же...»

Такая стиснул зубы и, слившись сознанием с цуцугой, начал передавать: «Услышь мой голос, победитель... Великий муж, прошагавший твёрдым шагом через век усобиц, чтобы оказаться главным под небесами...»

Он мыслью устремился вперёд, изо всех сил пытаясь сердцем коснуться другого сердца.

«Услышь мой голос. Усмири свой гнев. Пойми, что мы стараемся сказать тебе. Мы – не враги, напротив, мы здесь, чтобы сражаться с твоими врагами. Успокойся. Прислушайся. Разгляди своим безупречным взглядом правду. Прислушайся. Усмири свой гнев...»

Но ничего не изменилось: ступа по-прежнему искрилась плазменными вспышками, не подпуская их к себе.

«Почему я не могу достучаться?..»

Такая сильнее сжал зубы.

«Я настолько мал и ничтожен, что не заслуживаю внимания?..»

Но никем другим ему не стать – тем более вот так, по команде. Не выжать из себя больше того, что отмерено ему. Он мог лишь быть собой – полностью, до предела.

«Неужели меня не достаточно?!»

К кому, в таком случае, прислушается это высокомерное существо? К другому такому же богу?

Есть ли вообще в природе кто-то, способный на равных говорить с Иэясу? Есть, обязательно должен быть. Но даже если и так – что толку? Призвать его сейчас сюда не получится. Что же делать?

Такая был уверен, что равного Иэясу – кого-то, чей голос будет достаточно веским – возможно найти. Для него самого, по крайней мере, подобная величина существовала.

Бог войны, единственный и неповторимый.

«Точно...»

Во взгляде Такаи снова появилась сила. Вот же он, гигант, равный богу, которого сам Такая считал высшим существом, и который всегда жил в его сердце. Даже сейчас...

«Он во мне...»

Сосредоточившись, Такая направил свой мысленный взор внутрь, спокойно и вдумчиво обращаясь на этот раз к тому, что скрывалось в глубинах его собственной души. В тот же миг силуэт большой цуцуги, с которой они были в резонансе, дрогнул и начал менять очертания.

Наблюдавший за этим Чиаки не смог сдержать удивлённого возгласа. Цуцуга стремительно менялась, пока на её месте не выросла фигура мужчины – средневекового генерала в белом монашеском одеянии.

На его лице выделялись великолепные усы и красивые глаза, твёрдо глядящие перед собой. Звали генерала...

«Князь Кэнсин!» – мысленно воскликнул Чиаки.

Да, то был приёмный отец Кагэторы, Уэсуги Кэнсин, чей образ тот вызвал из глубин своего сознания. Столь сильна была решимость Кагэторы перед лицом великого, что другой великий внутри него словно бы откликнулся, проявился на месте цуцуги – и вот знаменитый полководец, звезда эпохи Усобиц, в ореоле белого света предстал перед Токугавой Иэясу.

«Неужели...»

Возможно, это и не был Кэнсин собственной персоной – но это не был и Кагэтора. Не была это и цуцуга. Тот, кто застыл сейчас перед бронзовой ступой, жил в сердце Кагэторы, существовал, как нераздельная часть его души, и в этом смысле действительно был тем самым Уэсуги Кэнсином, настоящим и неподдельным – и настолько похожим на Кэнсина при жизни, что Чиаки всерьёз усомнился, не спустился ли тот в самом деле с небес.

И вот два светила эпохи Усобиц оказались друг напротив друга. Кэнсин встречал Иэясу не как небожителя, но как товарища, с которым им довелось разделить один и тот же беспокойный век. Когда Кэнсин был на пике, Иэясу лишь только начинал свой путь воина. Возможно, эти двое никогда прежде не встречались лицом к лицу.

Чиаки, затаив дыхание, ждал, что будет дальше.

«Он собирается его уговорить...»

Наконец Кэнсин начал.

«Мой могущественный друг, я взываю о справедливости».

Воин-монах в коконе неземного света обращался к бронзовой усыпальнице, ярко пламенеющей в ночи. Иэясу мечтал о чистом мире, свободном от страданий и страстей, хотел создать рай на земле – потому и оказался у власти. Если таков был в действительности его идеал...

«Ты должен явить божественную справедливость тем, кого пережевал и выплюнул безумный век», – продолжал Кэнсин спокойным, но твёрдым и строгим тоном.

«Те, чьими глупыми амбициями создаётся всё грязное и неправильное в мире людей – топчут и пачкают сейчас эту землю. Неужели ты не видишь? Вглядись, рассмотри правду. Неужели ты спустишь им это с рук?.. Я взываю о справедливости».

В словах Кэнсина чувствовалась сила. Ниспадающие края его белого колпака, символа монашеского статуса, взлетели вверх под внезапным порывом ветра. Так выглядел знаменитый полководец во время битвы – и именно таким, величественным и прекрасным, запомнили его Нагахидэ и Кагэтора, сражавшиеся некогда бок о бок с ним.

Кэнсин продолжал говорить – о том, что святая земля, где возносятся молитвы о мире и благополучии в стране, в опасности, и виноваты в этом проигравшие с их жадной мести.

Призывал победителя воспрянуть ото сна во всём величии и поставить всё на свои места – ведь кому, как не взобравшемуся на вершину усмирять ненависть тех, кто погиб, проиграв.

Неизвестно, сколько прошло времени, но вот, наконец, что-то начало меняться. Вихрящиеся вокруг ступы плазменные разряды стали потихоньку терять накал. Чиаки наблюдал за беззвучным диалогом почти не дыша, пот от напряжения струился по его шее.

«Неужели действительно получается?..»

И вдруг сзади из леса послышались гневные голоса. Чиаки обернулся, досадливо прищёлкнув языком: их снова обнаружили люди Ходзё.

«Чёрт, как не вовремя!..»

Чиаки быстро огляделся по сторонам и снова потянулся к силе. Вассалы Ходзё приближались, с шумом взбираясь по каменной лестнице. Напарника в виде цуцуги у Чиаки больше не было. Изгонять здесь тоже вряд ли получится, но нужно было сражаться.

– Кагэтора... – позвал Чиаки напряжённым голосом. Образ Кэнсина исчез, на его месте снова появилась цуцуга. Плазменных разрядов вокруг ступы, к изумлению Чиаки, тоже больше не было.

Люди Ходзё, обогнув здание часовни, высыпали на площадку и с угрожающими криками кинулись в атаку. Чиаки, сверкнув глазами, приготовился дать им отпор, но его опередили: несколько световых лучей, сорвавшись с верхушки ступы и пронесшись в миллиметрах от него, угодили каждому из нападающих прямо в лоб.

Врагов отбросило далеко назад. Чиаки резко обернулся: мощная энергия закручивалась вокруг ступы, подобно языкам белого пламени.

А потом с тяжёлым скрежетом бронзовая дверца усыпальницы медленно отворилась – и во все стороны брызнул яркий свет, словно изнутри выглянуло само солнце. Чиаки невольно зажмурился.

«Нагахидэ, – услышал он голос Такаи в своей голове, – тайный обряд Тэнкая активируется мантрой Дайгэнсуй-мёо».

– Ах вот оно что... – Чиаки усмехнулся краешком рта. – Мы получили божественное соизволение.

Устроившись в позе лотоса у основания ступы, прямо напротив раскрытой дверцы и льющегося из неё ослепительного света, он сложил пальцы в знак Дайгэнсуй-мёо. То же самое сделал Така на озере Тюдзэндзико – и они начали пробуждать древний обряд.

– Тарицу таборицу параборицу сьянмэй сьянмэй тарарасантан раэнби совака...

Находясь в разных местах, они читали мантру Дайгэнсуй одновременно, и пространство вокруг ступы задрожало под действием её особой вибрации. Кроны деревьев заволновались, свет за распахнутой дверцей вспыхнул ярче.

– Тарицу таборицу параборицу сьянмэй сьянмэй тарарасантан раэнби совака...

Откуда-то издалека, непонятно откуда, донёлся рокот – словно дрожала земля. Что-то менялось. Чиаки, отбросив все посторонние мысли, читал мантру. За много километров от него Такая проговаривал те же звуки, всем сердцем взывая к Дайгэнсуй-мёо.

Сокрытая в земле священная энергия с шумом просачивалась наружу, подобно чистым родниковым водам – не спеша, но неся с собой обещание великой силы.

– Тарицу таборицу параборицу сьянмэй сьянмэй тарарасантан раэнби совака...

На охваченных пламенем храмовых землях Никко пробуждался к жизни могучий ритуал.

Глава 25

ПОБЕДОНОСНАЯ ЗВЕЗДА

В какой-то миг земля под храмами Никко ощутимо вздрогнула, и вассалы Ходзё, сражавшиеся с выпущенными Кагэторой драконами, чуть не попадали с ног.

У Чёрных Ворот храма Риннодзи Удзимаса, переменявшись в лице, закричал:

– Что происходит?! Что случилось?!

Дрожь начала расходиться волнами, словно в глубине ворочался с боку на бок огромный змей – а потом начались сильные толчки.

– Что?.. Кто?..

Земля под ногами ухнула, выплюнув облако странного белого пара. Газообразное нечто взметнулось с поверхности и сплошным потоком устремилось вверх, застилая глаза. Конечно, никакой это был не пар; пытаюсь устоять под напором чистой, но невообразимо мощной энергии, Удзимаса пригнулся и закричал:

– Кто-нибудь, объясните, что происходит!

– Барьер! – испуганно воскликнул один из его слуг. – Барьер рушится!

– Что?!

– Это чары! Чья-то магическая сила ломает барьер!

– Чары?..

Удзимаса торопливо вскинул голову: бьющие из-под земли белёсые струи, соприкасаясь с куполом барьера, проедали в нём дыры, которые с каждой секундой становились всё шире и шире.

– Держите барьер! Не ослабляйте усилий! Не может он рухнуть из-за такой ерунды!..

– Тоно!..

Обернувшись, Удзимаса увидел, как вокруг один за другим падают без чувств монахи, сражённые ураганом поднимающейся вверх энергии.

– Их вышибает из вместилищ!..

– Что?!

Такова была сила заклатья Дайгэнсуй-мёо, что духи не могли удержаться в телах – их выносило, и они тут же исчезали.

– Кто... Кто наводит чары?!

– Тоно, здесь становится опасно! Прошу, покиньте храмовые земли, немедленно!

– Бежать, когда цель так близко?! Ну уж нет!

Но Удзимаса ничего не мог противопоставить могущественному заклатью Тэнкая, пробудившемуся к жизни после многовекового сна. Все его силы сейчас уходили на то, чтобы самому удержаться на ногах.

– Твоих рук дело, Сабуро?.. – пробормотал он.

Бушевавшее под сводами леса пламя потухло в мгновение ока. Белый пар, выбивавшийся из под земли подобно вулканическому газу, окончательно проел барьер. Не в состоянии никак этому помешать, Удзимаса лишь бессильно наблюдал, как падают один за другим его слуги, гаснет пламя, и взмываются неостановимо к небу потоки белой энергии.

– Тоно, промедление может стоить вам жизни!.. Прошу, скорее!

– Сабуро... Это ты, я знаю, это ты...

– Тоно!..

– Почему?! – вдруг выкрикнул Удзимаса в пространство, потрясая кулаками и даже выхватив из-за пояса нож.

– Прошу, господин, успокойтесь...

– Почему ты не можешь просто оставить нас в покое?! Ты же Ходзё! Ты должен понимать, что чувствует твой брат – почему ты не понимаешь?!

Удзимаса беспорядочно размахивал ножом в воздухе, и вассалы, видя, что господин не в себе, навалились на него со всех сторон. Они пытались успокоить его, но Удзимаса продолжал кричать:

– Почему ты непременно должен ставить мне палки в колёса? Ты сын моего отца, но я совершенно не понимаю, что у тебя на уме! Отвечай своему брату, Сабуро! Зачем ты мне мешаешь?

– Тоно!..

– Зачем, Сабуро?!

***

Когда Наоэ, пробравшись по подземному ходу из Камман-га-фути, оказался на территории храмового комплекса Никко, пробуждённый обряд Тэнкая уже действовал: сила изливалась из земли, и вокруг бушевала настоящая буря.

«Юзуру-сан!..»

Душа Юзуру должна была находиться в стволе главного дерева святилища Футарасан, куда Наоэ и направился, миновав Тосёгу. Надо было пройти ещё около двухсот метров на запад.

На площадке перед главным зданием святилища Футарасан в повалку лежали люди, чьи тела, очевидно, до недавнего времени занимали вассалы Ходзё. Сила обряда не просто вышибла их из вместилищ, но лишила самой возможности удерживаться в этом мире – от духов не осталось и следа. Даже перерождённому Наоэ приходилось туго: сознание грозило уплыть под напором колоссальной энергии, которую когда-то использовали, ни много ни мало, для защиты всей страны. И это притом, что от первоначальной силы обряда в земле осталась лишь сотая часть – а может, и того меньше. Для отдельно взятого человека, пусть и под защитой ментального купола, это было слишком.

«Самое время разыскать Зеркало Цуцуги...»

Наоэ раздумывал о том, что стало с Удзимасой и Котаро, когда его взгляд остановился на дереве с тремя стволами.

– Юзуру-сан!

Юноша в самом деле был там – слился с деревом, как и Синья в соседнем стволе. Не взирая на бушующее вокруг древнее заклятье, дерево рассеивало вокруг золотой свет, лучезарый, как никогда. Так проявлялась сила Юзуру: соединившись с силой дерева, она превратилась в энергию настолько мощную, что ствол, казалось, готов был взорваться изнутри.

Страшно было даже подумать о том, что может произойти, если Обряд Единения с Огнём добавит ко всему этому ещё и энергию местности. Пускать дело на самотёк ни в коем случае нельзя – нужно найти Зеркало Цуцуги и освободить Юзуру из дерева, как можно скорее.

«Где же зеркало...»

Вдруг Наоэ почувствовал сзади чьё-то присутствие и резко обернулся. По ту сторону белой туманной завесы виднелась знакомая фигура.

– Фума Котаро...

Наоэ тут же подобрался. Высокий мужчина с собранными в хвост длинными, вьющимися по ветру волосами смотрел на него, скрестив руки на груди.

– Ты всё-таки пришёл, Наоэ...

В руках Котаро держал зеркало – его красная деревянная изнанка пестрела искусной резьбой. Это было Зеркало Цуцуги, причем именно то, что Наоэ видел прежде в лапах дракона-Удзиясу: Зеркало Самца.

– Всё-таки надо было избавиться от тебя ещё тогда, на озере, – сказал Котаро.

– Зачем ты позволил мне выбирать? Мог бы убить сразу.

– Я лишь повиновался воле господина Удзиясу – именно он предоставил тебе выбор.

– Зачем? Откуда такое снисхождение к врагу? Ведь я мог сделать так, чтобы его сын никогда больше не увидел белого света!

– Действительно, – спокойно ответил Котаро, – для господина Удзиясу положить конец твоему безумию не составило бы никакого труда. Но, сдаётся мне, он не стал бы вмешиваться, какой бы выбор ты ни совершил.

– Почему?

– Мне и самому это неясно. – Котаро прищурился. – Я не понимаю, что испытывают родители к своим детям. Я тем более не понимаю, чем руководствуется отец, вверяя судьбу сына человеку, который вполне может убить его. И ещё для меня загадка, что происходит в твоём сердце. Почему ты не выбрал смерть?

Наоэ распахнул глаза.

– Разве не в смерти было твоё счастье? Разве не ради этого ты всё перечеркнул, от всего отказался? Почему в последний миг ты всё-таки выбрал собственное спасение?

Наоэ нечего было на это ответить. Почему он не выбрал смерть? Просто не смог, и не из каких-то там возвышенных побуждений. Вовсе не надежду он испытывал в тот момент, а отчаяние, но решимости его это не поколебало. Ему просто не оставалось ничего иного, кроме как пасть ниц перед истиной – окончательной истиной его собственного сердца.

Наоэ посмотрел на Котаро в упор, открытым ясным взглядом. Синоби это словно бы задело за живое, и по лицу его пробежала тень.

– Загадочный ты человек. До сих пор я знавал лишь двоих, способных встречать мой взгляд с такой твёрдостью и прямотой: это господин Удзиясу и Удзитэру-доно... Все эти долгие годы ты так же смотрел на господина Сабуро?

Фигура Наоэ обволоклась колеблющейся, похожей на пламя энергетической дымкой. Котаро это не смутило.

– Что он из себя представляет – Сабуро-доно? Чтобы владеть настолько безраздельно таким человеком, как ты... Что он должен из себя представлять?

Чувствовалось, что вопрос этот волнует синоби уже довольно давно, но Наоэ в самом деле нечего было ему ответить. Тот, кому посвящены все чувства, все побуждения, кому даже боль подносишь, как на алтарь – для него самого, что он из себя представлял? Бывали в прошлом времена, когда Наоэ казалось, что он нашёл нечто похожее на ответ – но разве стало ему от этого менее больно?

– Мне уже всё равно, – выдохнул Наоэ, и его взгляд наполнился враждебностью. – Я уничтожу Зеркало Цуцуги. Отдавай его по-хорошему, Котаро.

– Я положу конец твоим страданиям. – Аура синоби ярко вспыхнула. – Не волнуйся, тебе недолго уже осталось мучаться.

– Это тебе скоро наступит конец!

Длинные, похожие на паутину нити, сорвавшись с пальцев Котаро, со свистом прорезали воздух. Часть из них Наоэ срезал встречным импульсом, но другие, гибкие и сильные, обошли его сзади и спеленали по рукам и ногам. Горло сдавило, словно проволокой; Наоэ начал задыхаться. Он поднатужился – и невидимый нож стал испарывать нити одну за другой.

Но Котаро не дал ему опомниться. Синоби взмахнул руками – и новые нити обвилились вокруг запястьев Наоэ, обернувшись змеями, чьи распахнутые пасти уже были в миллиметрах от кожи.

Наоэ быстро сосредоточился. Повинуясь силе его мысли, змеи воспламенились и осыпались на землю обугленными головёшками, но в следующую же секунду сгоревшие останки превратились под ногами Наоэ в липкую лужу, и эта слизь поползла вверх, пока не достигла его лица.

– А-а!..

Дышать стало нечем. Наоэ задёргался, пытаясь очистить от липкой грязи рот и нос, но вещество было слишком вязким. Под холодным взглядом Котаро каждое мгновение приближало его к удушью.

– Тяжело? – спокойно осведомился Котаро, наблюдая за бесплодными попытками Наоэ набрать воздух в лёгкие. – Это последняя боль, которую тебе доведётся испытать. Сейчас я делаю за тебя выбор, который ты оказался не в состоянии сделать сам. Совсем скоро тебе станет легче. Это конец, Наоэ.

Отразившись в глазах Котаро, в воздухе сверкнула плазменная вспышка. Пламя охватило Наоэ с ног до головы, и он упал на колени, корчась в беззвучных судорогах. Котаро молча ждал, когда огонь сделает своё дело, уверенный, что долго ждать не придётся, как вдруг со странным шипением пламя исчезло, словно пространство разверзлось и поглотило его.

Брови Котаро поползли вверх. Наоэ сидел на коленях и, тяжело дыша, сверлил своего противника злобным взглядом, но одежда его была в сохранности, как будто пламя не коснулось её.

– Неужели ты думал, что сможешь убить меня иллюзией, Котаро?

– Большого обычно и не нужно. Внушение заставляет людей самих наносить себе вред – ожог у тебя на руке хорошее тому подтверждение.

Наоэ накрыл рукой ожог, красовавшийся на тыльной стороне его ладони. Техника Котаро не предполагала использования настоящего огня. С помощью гипноза он завладевал сенсорными ощущениями своей жертвы, вынуждая кожу реагировать так, будто её опалило пламенем. Он мог заставить человека поверить, что тот буквально сгорает заживо.

– Но расслабляться не советую.

Наоэ дёрнулся, когда у него на шее, прямо под ухом, внезапно открылась резаная рана – словно кто-то взмахнул ножом. Как и прежде, сделано это было гипнозом, а не силовым импульсом: Котаро заставлял организм Наоэ саморазрушаться, воспроизводя реакцию на ножевой порез. Одновременно с этим его вновь охватил иллюзорный жар, защититься от которого при помощи силы не представлялось возможным.

С губ Наоэ сорвался невольный стон. Его начало клонить к земле; кровь из раны на шее потекла обильней.

– А будет ещё хуже, – сказал синоби, и Наоэ вскинул на него яростный взгляд. Не зная, в чём секрет этой техники, он не мог придумать, как ей сопротивляться. Ему в самом деле грозила смертельная опасность.

– Гори! – приказал Котаро, и Наоэ закричал от нестерпимой боли, а потом скорчился на земле, не в состоянии даже вдохнуть. Мгновения отделяли его от потери сознания. Иллюзия того, что он горит заживо, была полной. Ещё немного, и начнёт лопаться кожа, после чего очень быстро наступит смерть.

«Исчезни!..» – пытался приказать воображаемому пламени Наоэ, но жар и не думал спадать. В таком случае, не оставалось ничего, кроме как бороться с гипнозом при помощи гипноза. Сосредоточившись, Наоэ всю доступную ему силу внушения обратил на самого себя.

«Вода! – сказал он себе. – Я сейчас в толще холодной воды!»

Но его попытки не ускользнули от внимания Котаро.

– Ты горюшь в огне, Наоэ! Кожа обугливается, пламя повсюду!

– Я в воде! – выкрикнул Наоэ, отчаянно сопротивляясь. – Всюду вокруг вода!

– Ты же чувствуешь жар! Ты горюшь, на тебе уже живого места не осталось!

– Я не чувствую ничего, кроме воды, омывающей меня!

– Огонь!

– Холодная вода!

И вдруг это ощущение пришло: его словно окатило водой с головы до ног. Самовнушение Наоэ оказалось сильнее гипноза Котаро, и он не собирался упускать возникшее у него секундное преимущество.

В то краткое мгновение, когда Котаро переключался на другой вид гипноза, Наоэ силой мысли поднял пригоршню изобильно рассыпанного вокруг гравия и швырнул в него. Не успев полностью загородиться, синоби выбросил вперёд ментальный щит, что тоже не вполне помогло. Котаро метнулся в сторону, пытаясь уклониться от прямого попадания, но нечеловеческие рефлексy, которыми он славился при жизни, не были присущи нынешнему телу.

Несколько камней врезались в него, и Котаро дрогнул. Наоэ с безжалостной быстротой обратил ещё пригоршню в пыль и швырнул синоби в глаза.

– Подлец!.. – воскликнул Котаро, промаргиваясь, и рассеял лезущий в лицо песок.

Наоэ ударил силой. Котаро не успел закрыться и отлетел назад – Наоэ тут же попытался связать его путами, но синоби в последний момент набросил внушение: Наоэ почувствовал, как от горла и до правого бока вздувается болезненная полоса, словно от удара плетью. Он стиснул зубы, преодолевая боль, и снова ударил силой.

На этот раз Котаро отбилась вовремя, а потом выхватил из-за пояса кинжал и сжал в руке, другой чертя в воздухе какую-то схему. Наоэ на секунду отвлёкся, захваченный гаснущими символами – чем синоби не преминул воспользоваться.

Котаро выдохнул странное звучное «Ха!» – и рой сияющих, похожих на лепестки чешуек сорвался с его пальцев, облепляя Наоэ с ног до головы.

Навалилась слабость. Суставы закалились, руки-ноги перестали слушаться команд. Наоэ, всё ещё сидящего на земле, словно облили цементом, и миг оказавшийся рядом Котаро дёрнул его за волосы, приставляя кинжал к горлу.

– Вот и всё, время исполнения желаний. Больно не будет, обещаю.

Наоэ, распахнув глаза, изо всех сил пытался освободиться. Котаро крепче сжал рукоять кинжала, готовясь взмахнуть зависшим над сонной артерией лезвием, как вдруг земля под их ногами вспучилась и вверх хлынул поток пробуждённой энергии древнего обряда Тэнкая.

Котаро издал нечленораздельный возглас, его рука дрогнула. Наоэ, быстро швырнув в него ворох энергетических лезвий, начал мысленно отдирать от себя прилипшие чешуйки.

«Ну же, отваливайтесь!..»

Постепенно, одна за другой, они начали падать, пока Наоэ полностью не освободился – власть над странной субстанцией теперь целиком в его руках. Он отдал мысленный приказ, и чешуйки набросились на Котаро.

Рот синоби быстро оказался залеплен, руки и ноги прочно прикованы к земле. Чешуйки слиплись, затвердевая, лишая его возможности пошевелиться. Наоэ приготовился ударить силой, но Котаро не был бы Котаро, если бы позволил так просто одержать над собой верх.

Его брови сошлись на переносице – и стая бабочек с покрытыми ядовитой пылью крыльями налетела на Наоэ, обжигая тому глаза. Пока Наоэ отирал лицо, Котаро успел разбить сковывающую его субстанцию и встать во весь рост; расплывающимся зрением Наоэ видел, что в одной руке он снова держит Зеркало Цуцуги, а в другой – кинжал.

– Всё это слишком затянулось, – сказал Котаро – и его фигура внезапно разделилась на несколько. Наоэ не сдержал удивлённого возгласа, когда его окружили несколько десятков совершенно одинаковых Котаро – то была часто используемая Фума техника множественной иллюзии, когда невозможно отличить подделку от оригинала.

– Бежать некуда, – сказали все двойники хором, синхронно взмахивая кинжалами, – это конец.

Слова сопровождалось внушением, отнимающим волю сражаться. Двойники сорвались с места и помчались на стоящего в центре круга Наоэ.

Убедившись в том, что на вид их отличить невозможно, Наоэ крепко зажмурился и сосредоточился, но Котаро настолько умело скрывал свой энергетический след, что это тоже ничем не помогло.

«Зеркало Цуцуги», – пришла Наоэ внезапная мысль.

Котаро мог спрятаться сам, но до конца замаскировать энергию зеркала ему должно быть не под силу. Наоэ снова сосредоточился, а потом распахнул глаза.

«Здесь!»

Резкий удар отбросил Котаро назад и он, кувыркнувшись несколько раз, растянулся на земле; треснувшее Зеркало Цуцуги выпало из его рук и приземлилось на гравий.

С губ синоби сорвалось проклятье. Он ударил силой, но Наоэ отбился, а потом приложил ладонь к земле и скомандовал:

– Вперёд, молнии!

Два плазменных языка побежали по земле в разные стороны – и в следующую секунду Котаро и лежащее поодаль Зеркало Цуцуги одновременно обволокло белым, расплёскивающимся во все стороны светом. В это же мгновение большая цуцуга во внутренней часовне вспыхнула, будто поражённая молнией, и исчезла без следа.

– Что за чёрт?! – воскликнул Чиаки, до этого занятый чтением сутры, оборачиваясь.

Такая, внезапно лишившийся канала связи, сразу понял, что произошло.

Из трещины, прорезавшей поверхность Зеркала Самца, брызнул золотистый свет – а потом оно расколосось надвое.

«Получилось!..»

Зеркало продолжало трескаться, пока не распалось на мелкие осколки, и Наоэ, прикрывавший глаза от ослепительного сияния, тут же обернулся в поисках Котаро.

Но синоби не оказалось на том месте, где его должна была настигнуть плазменная молния. Попади она в него – ему бы не сдобровать, но судя по отсутствию тела, Котаро удалось спастись за секунду до удара.

«Котаро...»

Наоэ окликнул его вслух, полным ненависти голосом, но синоби уже и след простыл.

Наконец мощная энергия древнего обряда разлилась по всем уголкам храмовой территории, и большая часть нуэ Ходзё испарилась, попав под её воздействие – только покинутые ими тела лежали то тут то там на земле. Первоначальным владельцам тел ничто не грозило – очистительная сила обряда преследовала только опасных чужаков – хотя и им не следовало оставаться здесь слишком долго.

И по всем окрестным горам разносились стоны подсаженных в деревья душ.

«Проклятье!» – мысленно воскликнул Наоэ.

Для того, чтобы их освободить, недостаточно было разбить одно лишь Зеркало Самца.
«Где искать Зеркало Самки?!»

***

Прошло не так много времени, прежде чем барьер, расставленный Ходзё над храмами Никко, оказался полностью разрушен. Мощная энергия заклатья Тэнкая продолжала бить ключами из под земли и белым паром растекаться в небе. Удзимаса в монашеских одеждах наблюдал за этим, не в состоянии ничего предпринять.

– Да что же это... – обречённо пробормотал он.

В конечном итоге он ничего не смог противопоставить силе обряда четырёхсотлетней давности – крохам этой силы, если сравнить с тем днём, когда обряд был проведён. И ничего не оставалось теперь, кроме как склонить голову – в который раз – перед величием преподобного Тэнкая, и Токугавы Иэясу, сумевшего заполучить этого человека в союзники.

«Вот каково, стало быть, могущество победителя...»

Тоётоми уничтожил Ходзё. Но Токугава уничтожил Тоётоми. Кто бы мог подумать, что победоносная звезда эпохи Усобиц настолько превосходит силой всех остальных... Удзимаса застыл неподвижно под порывами разбуженного заклатьем ветра, чувствуя себя полностью раздавленным.

– Тоно! – кричал рядом слуга. – Прошу вас, идите, скорее! Здесь мы уже не продержимся! Как бы то ни было, нужно уходить!

– И что – отдать врагу все храмы Никко?!

– В среднем святилище Футарасан, на озере Тюдзэндзико, у нас ещё есть немалые войска! Мы можем укрепиться там и перегруппироваться!

– Среднее святилище...

– Медлить нельзя ни секунды, прошу вас!..

Удзимаса стиснул зубы, пытаясь побороть горькую досаду, а потом решительно взмахнул рукавами и обратился к своим вассалам:

– Несите сюда Зеркало Самки! Мы отправляемся в среднее святилище.

Вдруг кто-то окликнул его сзади, и Удзимаса резко обернулся. Один из уцелевших курьеров примчался со стороны Чёрных Ворот. На нём не было лица.

– Ужасные новости!

– Что случилось?

– Какие-то люди, предположительно Уэсуги, ворвались в среднее святилище Футарасан и вытеснили оттуда наших солдат!

– Что?!

– Наши войска в среднем святилище полностью разбиты! Ничего больше нельзя предпринять!

Удзимаса сперва побелел как мел, а потом его лицо исказилось от ярости, на стиснутых до дрожи кулаках вздулись вены.

План провалился, окончательно и бесповоротно. Они потеряли Хаконэ, лишились Удзитэру. Область Никко больше не принадлежала им. И вот теперь – последний оплот, последняя надежда, последняя опора, безжалостно выбитая из под ног. И по чьей, спрашивается, вине? Его родного брата!

– Ты заплатишься за это, Сабуро! – воскликнул Удзимаса с неприкрытой ненавистью. – Да, я отправляюсь в среднее святилище! Сабуро обязательно будет искать встречи со мной, он объявится там – и не уйдёт живым!

– Тоно!

– Я разделаюсь с ним! Придушу собственными руками!

Гневные возгласы Удзимасы сотрясали воздух.

– Ты не уйдёшь от расплаты, Сабуро!

***

В одной из комнат рёкана Асаока Такаяя вздрогнул и открыл глаза. После того, как Наоэ разбил Зеркало Самца, он снова выпустил гохододзи, чтобы наблюдать издали за происходящим в храмах Никко.

– Кагэтора!

В комнату влетела Аяко. Именно она при помощи Косаки и других организовала нападение на среднее святилище Футарасан.

– Получилось! Мы выбили Ходзё из святилища, от их армии почти ничего не осталось!

– Вот как...

– Да, и по дороге я поймала сигнал от Нагахидэ! Удзимаса сбежал вместе с Зеркалом Цуцуги, нужно догнать его поскорее!

– Не нужно никого догонять, – твёрдо сказал Такаяя. – Мой брат направляется сюда, на озеро, и зеркало несёт с собой.

– Сюда?.. Он собирается отбить святилище?

– Возможно. Но его главная цель – это я.

– Ты хочешь сказать... Неужели Удзимаса поднимет руку на родного брата?..

Такаяя прикусил губу, словно стараясь совладать с чувствами, и перевёл взгляд на силуэт горы Нантай за окном. После всего, что сделал Такаяя, Удзимаса его в покое не оставит. Схватка между ними неизбежна.

«Брат мой...»

Печаль сдавила сердце, но он усилием воли отбросил переживания и заставил себя готовиться к предстоящему, как к битве с врагом.

– Я иду в среднее святилище.

– Ты собираешься устроить им засаду!

– Нужно отыскать Зеркало Цуцуги, – сказал Такая решительно. – И клан Ходзё нужно истребить до конца.

Он поднялся на ноги.

– Пойду прямо сейчас.

– Кагэтора...

– Не вмешивайся, Харуизэ, – сказал Такая, не поворачивая головы. – Брату нужен только я. У Ходзё почти не осталось людей, им не с чем нападать на святилище... – Тигриные глаза решительно сверкнули. – Я пойду.

Глава 26

ДАЛЁКИЙ ДОМ

Машина с Удзимасой и его слугами, успевшими спастись бегством с храмовой территории Никко, взбиралась по ночной Ирохадзаке к озеру Тюдзэндзико и раскинувшись на его берегах среднему святилищу Футарасан.

В руках Удзимаса сжимал Зеркало Самки, а в голове его не было ничего, кроме мыслей о расправе над Кагэторой.

Возможно, не Такэду и не Оду следовало ему опасаться, как сильнейших своих врагов, а собственного младшего брата. И если Сабуро враг, то оставлять в живых его нельзя, несмотря на кровные узы. Сколько полководцев расстались с жизнью из-за собственного мягкосердечия, стали жертвой кинжала в ночи только потому, что не смогли задавить на корню зародившийся в их семействе бунт.

«Сабуро... Ты приносишь клану Ходзё одни несчастья».

Нельзя оставлять его в живых. Кровные узы лишь усиливают исходящую от него угрозу. Удзитэру погубило ничто иное, как братские чувства к Кагэторе.

«Ничего, Сабуро, никуда ты от меня не денешься... Если я не смогу тебя убить, то хотя бы запру в зеркале до скончания веков».

Машина миновала остановку Акэтидайра и, не сбавляя скорости, помчалась дальше, к озеру Тюдзэндзико.

***

В самый пик ночи на озере было очень холодно, и скатывавшийся со склонов горы Нантай ветер привольно гулял по водной шире у её подножия.

Среднее святилище Футарасан, несколько часов тому назад в итоге жаркой битвы благополучно освобождённое от Ходзё, теперь тихо спало за плотно закрытыми воротами. Время близилось к трём пополуночи.

Такая стоял перед воротами и ждал приезда своего старшего брата, Удзимасы. По его хмурому, закрытому лицу ничего нельзя было прочесть, и даже Аяко не решилась бы сейчас его побеспокоить.

Машин на дороге почти не было, никто не разговаривал – вокруг было тихо до звона в ушах. Тишина, чёрная бездна озера прямо перед глазами, и звёздное небо над головой...

Наконец со стороны Ирохадзаки донёсся звук приближающегося мотора. Когда на дороге появились отблески фар, Такая покинул свой пост под стенами святилища и направился к лестничному спуску, оставив ворота за спиной.

Чёрный БМВ остановился перед большими воротами тории, следом подъехали ещё несколько машин, из которых вышли люди в камуфляже. Последним показался мужчина средних лет, облачённый в одежды буддистского священника. Он направился напрямик к ведущей в святилище крутой лестнице и начал неторопливо взбираться по ней. Такая ждал наверху; он видел приближающуюся фигуру отчётливо, несмотря на темноту.

– Брат мой...

Удзимаса окинул Такаю пристальным взглядом. Края его монашеского одеяния развевались на ветру.

– Наконец-то мы встретились, Сабуро, – сказал он с примесью насмешки в голосе и взмахом руки велел своим слугам держаться поодаль. – И что тебе в зеркале не сиделось? Выбрался, понимаешь... Так не хотелось соединиться с деревом в Хаконэ? Если бы не эта глупая выходка, был бы сейчас богом войны клана Ходзё.

– Стало быть, ты продал душу Уэсуги? – спросил Удзимаса, когда ответа не последовало.

Встречая ветер лицом, словно сопротивляясь ему, Такая бросил на мужчину тяжёлый взгляд исподлобья. Удзимаса спокойно продолжал:

– Четыреста лет назад ты на меня так не смотрел. Возможно, я сделал ошибку, отправив тебя тогда к Уэсуги... Похоже, что умного, понимающего, послушного Сабуро больше нет. Твоя задача была в том, чтобы, оказавшись в Этиго, оставаться человеком Ходзё, при любых обстоятельствах действовать в интересах Ходзё – неужели ты позабыл об этом? Послав тебя в Этиго, я поручил тебе Этиго, с тем, чтобы ты утвердился на этой земле, присвоил её, чтобы, наследовав Кэнсину, сделал Этиго провинцией Ходзё. Я верил в тебя, Сабуро!

– Как у тебя только язык поворачивается... – выдавил Такая. – Ты выбросил меня, как ненужную вещь. Разорвал союз, когда я оставался в заложниках. Ты в меня верил? Какое восхитительно эгоистичное оправдание!

– Никто тебя не выбрасывал. Никто не отдавал тебя в заложники. Под видом заложника я отправил в Этиго шпиона и надеялся, что ты, как никто другой, понимаешь это!

– Сказать можно что угодно, когда дело сделано! – воскликнул Такая – нет, Сабуро Кагэтора – с неожиданной горячностью, и Удзимаса удивлённо вскинул брови. – Тогда я действительно готов был пойти в заложники ради блага семьи, готов был умереть в результате, если так сложатся обстоятельства – вообще на всё был готов, потому что верил, что мои братья любят меня так же как я люблю их. Я верил в это, умирая в Этиго, и после смерти, долгое-долгое время... Я старался не испытывать ненависти к тем, кто погубил меня, потому что ненависть бесплодна и бессмысленна и мне же самому выедает душу... Но только не теперь. – Такая сжал кулаки. – Только не на этот раз. На этот раз я не могу тебя простить.

Удзимаса молча слушал, прикрыв глаза.

– Оказавшись в зеркале, я очень хорошо понял, чем был для тебя Сабуро: разменной монетой. Мы все были деревянными солдатиками в твоей игре... Но с меня хватит, я отказываюсь быть пешкой!

Выплеснув, не сдержавшись, переполнявшие его эмоции, Такая теперь ждал реакции. Удзимаса приоткрыл глаза. На его лице не выражалось ни боли, ни раскаяния.

– Это всё, что ты хотел мне сказать?

Такая задохнулся.

– Человеку с твоим комплексом жертвы в век усобиц никак не выжить. Если слабому дорога жизнь, он должен поставить себя на службу сильному и неукоснительно исполнять всё, что требуется от него. Ты родился для того, чтобы служить Ходзё. Таков был и есть твой истинный долг.

– Ходзё Сабуро перестал быть Ходзё в тот миг, когда получил имя от князя Кэнсина. Ты больше не имеешь права мне приказывать.

– Повторяю, Сабуро: слушайся брата. Ходзё – твоя кровь. От крови не убежишь, даже после смерти.

– Да когда это было! Сейчас в моём теле нет ни капли той крови! – Фигура Такаи обволокалась яростной аурой. – И ты, стоящий сейчас передо мной – не больше, чем тень прошлого! Иллюзия! Мираж!

– Сабуро!..

– И тебе здесь не место!

Такая, выставив руки крест накрест, ударил силой. Удзимаса, отбившись одной правой, ударил в ответ. Асфальт вокруг них вспучился – и люди Удзимасы как по команде кинулись на помощь своему хозяину, поливая Такаю градом энергетических импульсов.

– Харуиэ! – крикнул тот, закрываясь ментальным щитом.

– Можешь на меня положиться!

Державшаяся в тени Аяко как будто этого и ждала: выскочив вперёд, она сунула пальцы в рот и свистнула. В тот же миг ворота святилища распахнулись, и оттуда высыпали люди Датэ во главе с Катакурой. Духи Датэ вселились в тела тех же самых спецназовцев, которых использовали до этого духи Ходзё.

Послышались крики, и завязалась жаркая потасовка. Аяко начала изгонять. Слуги Удзимасы падали один за другим, спецназовцы быстро пробирались вперёд. Не дожидаясь, пока волна нападающих поглотит его, Удзимаса быстро развернулся – взлетели вверх и опали его длинные рукава – и, прижимая к груди зеркало, побежал в сторону озера.

Такая бросился за ним. Спустившись по склону, Удзимаса выскочил на дорогу и побежал по ней на запад. Такая не отставал, время от времени швыряя силой ему вдогонку.

Вдруг из-за поворота брызнул свет фар, оглушительно рявкнул клаксон, и завизжали тормоза. Чтобы избежать столкновения, Удзимаса оттолкнулся от земли и взмыл в воздух, а Такая рывком ушёл в сторону. Машина врезалась в ограждение где-то позади, и погоня возобновилась.

Теперь Удзимаса бежал по пешеходной дорожке вдоль берега, словно хотел увести Такаю за собой, во мрак – а тот больше не пытался его остановить, просто бежал следом.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Удзимаса наконец остановился на безлюдном пляже, на который накатывали волны. Такая, слегка задыхаясь после бега, сошёл с дорожки вслед за ним – и братья встали лицом к лицу на пустынном озёрном берегу.

– Здесь ты и умрёшь, Сабуро, – сказал Удзимаса. – Здесь мне никто не помешает. Я должен сделать так, чтобы ты не смог больше переродиться – иначе ты принесёшь клану Ходзё ещё немало бед. Благодарю небеса, что умираешь от руки своего собственного старшего брата.

Не выпуская из рук зеркала, Удзимаса взмахнул рукавами – и оттуда выпорхнула стая бабочек. Они налетели на Такаю, обжигая его своими крыльями, но тот быстро сосредоточился и силой мысли спалил бабочек дотла.

– На меня это не подействует! – С пальцев Такаи сорвалась струя пламени – он целился генералу в лицо. Удзимаса встряхнулся, сбрасывая с себя искры – и ударил силой.

– А что, Сабуро – правда, что Кэнсин любил тебя по-особенному?

– Что?..

– Приёмный сын, ха! Знаем мы, какой ты был ему сын.

Глаза Такаи расширились от ярости – и на Удзимасу обрушился силовой шар. Закрывшись ментальным щитом, тот снова выпустил бабочек.

– Ты был первым красавчиком в Канто – небось, в Этиго мужчины ходили к тебе каждую ночь. Я только одного не понимаю – если уж ты сумел соблазнить Кэнсина, почему не сумел прибрать к рукам его провинцию?

– Замолчи!

Земля взметнулась вверх под ногами Удзимасы, от берега вглубь озера пробежала волна. Самого же генерала отбросило назад, и он завис над поверхностью воды, будто стоя на ней. Последовал ответный удар – Такаю закрылся.

– Я не позволю тебе оскорблять господина Кэнсина! Он был чистым, непорочным человеком!

– Думаешь, до меня не доходили слухи о том, как домогавшиеся тебя мужчины расставались с жизнью? Что, в Этиго они лучше, чем в Сагами? Скажи мне, скольким всего довелось испробовать тебя?

Вместо ответа Такаю ударил силой, и Удзимаса, не сумев отбиться как следует, снова отлетел по поверхности озера назад.

– Не мели языком... – голос Такаи дрожал от гнева. – Никогда, никогда я...

– Из всех братьев Ходзё ты – самый опасный человек, тебе присуще странное свойство. Ты очаровываешь мужчин до такой степени, что, сам того не желая, даже пробуждаешь в них похоть. Твой тигриный взгляд остаётся неизменным, в каком бы теле ни находилась твоя душа. Недоброе волшебство, способность сводить мужчин с ума...

– Ну надо же, до чего договорился...

– Когда-нибудь ты уничтожишь нас всех. Ты станешь погибелью клана Ходзё, но прежде, чем это произойдёт... – из ладоней Удзимасы брызнул свет и вытянулся в форме меча, – я уничтожу тебя!

Удзимаса помчался вперёд по воздуху, выставив меч перед собой. Такаю сосредоточился, готовясь отразить его атаку. Потом сверкнула яркая вспышка, и на секунду вокруг стало светло, как днём.

Защитный купол не смог уберечь Такаю полностью: световое лезвие пронзило его правое плечо, и он скорчился на земле, стиснув зубы от боли. Удзимаса, которого встречной волной отшвырнуло назад, оправился первым. В его руке снова возник меч.

– На этот раз я не промахнусь!

Сердито вскинув глаза, Такаю поймал летящее на него лезвие рукой и послал по нему обратно электрический импульс. Удзимаса вскрикнул и упал навзничь, но, даже падая, успел снова выпустить стаю бабочек, которые набросились на Такаю и стали жечь ему раненое плечо.

Юноша закричал он невыносимой боли, его скрутила судорога. Удзимаса подошёл и, вцепившись рукой ему в висок, с силой придавил его голову к земле.

– На их крыльях – ядовитая пыльца. Чувствуешь, как яд проникает в тело через рану?

Такая попытался высвободиться, но не смог, и обнаружил, что прикосновение Удзимасы блокирует также его силу.

– Вот и всё, мой несчастный брат. Здесь тебе и наступит конец. – Удзимаса выхватил из-за пояса кинжал; блеснуло во мраке острое лезвие.

– Нет!..

Отчаянный возглас Такаи не поколебал убийственной решимости его противника. Кинжал взлетел и опустился – но замер в миллиметрах от горла юноши: в последний миг что-то остановило руку Удзимасы, и тот сдавленно охнул.

Генерал не мог пошевелиться – кто-то крепко обхватил его сзади. Он повернул голову – и не поверил своим глазам.

– Удзитэру!

Бестелесный дух Удзитэру обвился вокруг Удзимасы, сковывая его движения.

– Ты жив! – На лице старшего из братьев Ходзё удивление смешалось со страхом. – Отпусти меня скорее, зачем ты меня держишь!

Как бы он ни старался высвободиться, у него ничего не получалось, и вскоре пальцы, прижимавшие голову Такаи к земле, разжались. Призрак Удзитэру молчал, не ослабляя хватки.

Увидев маячащий за спиной его обидчика силуэт, Такая пробормотал:

– Брат Удзитэру...

Он думал, что Наоэ изгнал его, но, очевидно, до этого дело не дошло.

Призрак, оставив без внимания усилившиеся протесты Удзимасы, спокойно вернул обращённый к нему взгляд и твёрдо потребовал:

– *Поторопись, Сабуро. Отправь нас обоих на тот свет.*

Такая вытаращил глаза – а потом быстро замотал головой из стороны в сторону.

– *Сабуро!* – прикрикнул на него Удзитэру.

Удзимаса, между тем, продолжал с криками вырываться.

– Ты что же, надумал предать меня, Удзитэру?! Я-то думал, ты всегда был на моей стороне! Неужели это не так?!

– *Скорее, Сабуро!*

– Брат Удзитэру!..

– *Не колеблись. Скорее, пока я его держу!*

– Я не могу. Не тебя.

– *Если ты не сделаешь этого сейчас, то не избавишься от него никогда!*

– Я не могу!

– *Живо! Кому я сказал!*

Такая вздрогнул – как ребёнок, получивший нагоняй от родителей.

– *На этот раз,* – продолжал Удзитэру с чувством, – *я всё-таки хочу тебя спасти. Так что поторопись.*

Такая крепко зажмурился, прикусил губу, и сложил пальцы в знак Бисямонтэна. Он выглядел так, словно готов был вот-вот расплакаться, но всё-таки держал себя в руках.

– БАЙ!

По телу Удзимасы прошла дрожь, и он полностью застыл, обездвиженный теперь не только силой Удзитэру, но и связывающим заклятием Такаи.

– Ноумакусаманда боданан байсирамандая совака...

Из сомкнутых рук юноши полился нарастающий свет, озаряя спящее озеро.

– О великий Бисямонтэн!

– *Не надо, Сабуро!* – отчаянно взывал к нему Удзимаса. – *Прекрати! Остановись! Давай поговорим!*

– *Даруй мне... силу твою...*

Такая не мог до конца отбросить сомнения, и его голос начал прерываться. Он замер с закрытыми глазами, чувствуя прилившую к рукам силу, но не в состоянии вынести последний приговор. Он весь дрожал.

– *Не сомневайся,* – повторил Удзитэру. – *Ты обязан это сделать.*

Такая стиснул зубы, внимая милому его сердцу голосу.

– *Пора.*

– *Брат мой...*

– *Подними голову.*

Такая послушно поднял голову и сжал покрепче переплетённые в знаке пальцы. Подугасший было свет снова полился из его рук.

– *Ну, давай.*

Словно перечёркивая свою боль, Такая широко распахнул глаза, обвёл взглядом две застывшие перед ним фигуры, и уронил в пространство – острым лезвием в своё собственное сердце – последнее слово:

– *Изыди!*

Сокрытое во мраке озеро Тюдзэндзико вдруг на секунду полностью высветилось, словно озарённое полуденным солнцем. Волна белого света докатилась даже до вершины горы Нантай.

Мощная сила изгнания накрыла Удзимасу и Удзитэру. Первый исчез в потоке белого сияния с душераздирающим воплем, второй – без единого звука, смиренный перед обрушившейся на него неизбежностью.

И, видя, как стирает их жизни сияющий водоворот, как постепенно затихает отчаянный крик, Такая, не выдержав, добавил к нему свой собственный голос:

– Брат мой!

Ветер взбудоражил озеро, и Такая вынужден был пригнуться. Обрывки тёплых воспоминаний всплывали один за другим в его мозгу; потом их безжалостно проглатывали бьющиеся о берег волны. И в тот миг, когда в мире стало на две души меньше, ему послышался в этом неистовстве стихии – как слышался когда-то давным-давно, на берегу необузданного моря в Этиго – призрачный шёпот ласкового прибора в Сагами: «Возвращайся».

Стихия не знала сострадания. Она стёрла милый сердцу Такаи голос его брата, и последние произнесённые им слова.

Прошло некоторое время. На берегах озера Тюдзэндзико вновь воцарилась тишина, а в том месте, где исчезло сияние, остался лежать на земле мужчина в монашеских одеждах. Такая, пришедший в себя от боли в плече, поднялся на ноги, подошёл к мужчине, и достал у того из-за пазухи Зеркало Самки.

Он постоял немного в задумчивости, прижимая волшебное зеркало к груди и вспоминая, как совсем недавно сам был в нём заперт; потом, приняв решение, позволил силе наполнить руку и приставил палец к зеркальной поверхности.

Зеркало треснуло – раз, другой, третий, пока не превратилось в сверкающую пыль, которую подхватил и рассеял над озером ветер. И сразу же в пространстве что-то изменилось – Такая даже поначалу не сообразил, что именно, но через какое-то время понял: это освободились души, запертые в стволах деревьев в Никко и Хаконэ. Потом ноги у него подкосились, и он упал на колени.

«Ну, вот и всё», – мысленно сказал он самому себе.

Боль в плече не отпускала его, рану словно жгло огнём. Такая несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь вывести себя из оцепенения. Он не мог позволить себе потерять сознание здесь и сейчас. Нужно было взять себя за шкуру и сделать одно последнее дело.

«Надо найти тело Юзуру».

Ситуация очень опасная, и её нельзя пускать на самотёк. Последствия могут быть необратимы. Сила Юзуру и без того уже однажды пробудилась, а ведь сдерживать эту силу – его работа. Работа, порученная ему Кэнсином.

«Ведь ради этого ты и жил все эти годы?»

Такая обращался к дремлющей в глубине его сознания памяти – памяти Кагэторы. И память подсказала, что в нынешнее тело он переродился только из-за Юзуру. Семнадцать лет назад душа Юзуру решила вновь воплотиться в этом мире. Если бы не это событие, он

сам, возможно, никогда бы не вернулся, всё бы перечеркнул, навсегда перестав быть Кагэторой.

«Нужно идти...»

Пустой ветер выдувал душу. Такая стиснул зубы, словно от этого его сердце могло перестать болеть, и устремил невидящий взгляд вдаль.

Нужно было идти, и нужно было спасти – того, кто был его другом, совсем как когда-то; кто полностью понимал его, не испытывая к нему сейчас никаких враждебных чувств... Такая прикусил губу, потому что воспоминания ранили больно.

Нужно было выступить в роли защитника. Всеми силами оберегать человека, который некогда преследовал его, загнал его в угол, и уничтожил. Который стал причиной его поражения, и кого он в адском пламени Самэгао ненавидел больше всех других.

«Потому что Юзуру – это...»

Додумать мысль Такая не успел: плечо прихватило так, что в глазах потемнело. Только сейчас он заметил, что с ним творится что-то странное. Чувствовалось какое-то шевеление внутри.

От раны по всему телу расплзался одновременно и жар, и холод, и там что-то омерзительно шевелилось, заражая его онемением. Вскоре он не смог больше поддерживать себя в вертикальном положении.

«Что за чёрт...» – подумал Такая, падая на землю.

Он попытался приподняться, или хотя бы проползти вперёд, но силы полностью покинули его.

«Почему я не могу встать?!»

При мысли о том, что часы его могут быть сочтены, юношу охватила дрожь. Шевеление распространялось от раны вглубь. Что там говорил Удзимаса насчёт пыльцы на крыльях бабочек?..

Такая пытался заставить себя двигаться, но тело не слушалось его, и от этого стало очень страшно. Его прошиб холодный пот, потом начались судороги.

«Почему?.. Почему?..»

Он не знал, что ему делать. Всё онемело. Предчувствие близкой смерти надвинулось на Такаю, и он по-настоящему запаниковал.

«Кто-нибудь...»

Его разум, охваченный паническим ужасом, заметался в поисках спасения. Сам Такая был бессилен, ему нужна была чья-то помощь... Чья угодно, прямо сейчас.

«Помогите!»

Сердцебиение участилось, дыхание стало прерывистым, разгоревшийся внутри жар не давал ясно мыслить, и когда Такае уже требовалось усилие воли, чтобы удержаться от потери сознания, перед его внутренним взором возникло хорошо знакомое лицо.

«Иди ко мне...» – мысленно проговорил он, закрывая глаза.

Перед глазами стоял коридор гостиницы и удаляющаяся широкоплечая фигура. Такая взмолился, обращаясь к этому воспоминанию: «Иди сюда, прямо сейчас, во что бы то ни стало!»

Он изо всех сил цеплялся за этот образ, отчаянно призывая его к себе.

«Если ты не придёшь, я умру. В самом деле умру, а я не хочу умирать здесь, не хочу умирать в одиночестве. Поэтому, скорее... скорее!...»

Его снедал жар, он весь покрылся липким потом, и судороги усилились. Яд на крыльях бабочек оказался не иллюзией, а настоящей магической отравой, убивающей тело.

Такая становилось всё хуже, и он совсем было отчаялся, когда почувствовал рядом чьё-то присутствие.

– Кто здесь? – спросил он, инстинктивно вскидывая голову.

– Не двигайся, а то яд расползётся дальше.

Сквозь пелену в глазах он увидел над собой немолодого мужчину в одеждах священника, чьё лицо сложно было разглядеть в темноте.

– Вы...

Незнакомец присел рядом и, спустив рубашку с его правого плеча, обнажил чёрную, распухшую рану. Окинув её оценивающим взглядом, мужчина запустил туда палец, и Такая застонал от боли.

Незнакомец начал ковыряться в ране, приговаривая что-то вроде синтоистской молитвы. Через некоторое время он выудил оттуда и разложил на ладони извивающуюся личинку бабочки – чёрного ядовитого паразита, который, останься он внутри, свёл бы Такаю в могилу меньше чем за день.

Под взглядом мужчины личинка вспыхнула и быстро обратилась в пыль. Потом в его руках оказалась тыква-горлянка и тряпица, которую он ловко смочил водой из сосуда и приложил к ране.

– Благословенная вода из святилища Хаконэ, – пояснил мужчина. – Излечивает раны. На вот, придерживай хорошенько.

Такая, в своём полубессознательном состоянии просто принимавший помощь, которую ему оказывали, наконец оправился достаточно, чтобы догадаться, кого видит перед собой.

– Неужели это вы...

Мужчина задумчиво посмотрел на юношу сверху вниз, а потом сказал:

– Мечта останется мечтой – я хорошо это понял. Пришло время и мне уходить. Я был с семьёй до самого конца – теперь моя служба окончена.

– Подождите! – вскинулся Такая, хватая мужчину за руку. – Не уходите! Мне нужно поговорить с вами, я столько всего хочу вам рассказать!

– Сабуро...

– Всё, что случилось, всё, что я пережил за долгие, долгие годы своей жизни... Мне нужно этим с вами поделиться – пожалуйста, выслушайте меня, дедушка!

Старейшина клана Ходзё, Ходзё Гэнан, окинул взглядом юношу, которого когда-то собирався усыновить, и покачал головой.

– Не поддавайся эмоциям. Я твой враг. Тебе нужно идти вперёд самому.

– Дедушка...

– Считай, что тебе привиделся сон. Я тоже буду думать, что всё это мне приснилось.

– Не уходите! Оставайтесь со мной! Подскажите мне правильный путь!

– Сабуро...

– Я не знаю, что мне теперь делать, как дальше жить – научите меня, умоляю!

Гэнан мягко отвёл удерживавшую его руку, поднялся на ноги и снова ответил отказом:

– Мне больше нечему тебя учить. Иди вперёд с высоко поднятой головой. Ты ни в чём не ошибся. Ты всё делаешь правильно – и это последнее, что ты услышишь от своей семьи.

В следующий миг Такае показалось, что за спиной Гэнана, в темноте над озером возник силуэт большого дракона. Дракон посмотрел на него сверху вниз с какой-то невыразимой теплотой, и Такаю ударило внезапное узнавание. Драконий взгляд затягивал, в сердце поднималась волна ностальгии. Ему не нужно было объяснять, кого он видит перед собой.

«Батюшка...»

Такая сам не заметил, как по щекам покатались слёзы. Откуда ни возьмись набежал туман. Гэнан тихо выскользнул из вместилища – тело мужчины бесшумно упало на песок, а дух, вместе с драконом, потихоньку растворился в скрадывающей видимости пелене. В конце концов само озеро спряталось в тумане, и ни единый звук не нарушил ночную тишину.

Такая, затаив дыхание, проводил взглядом скрывающуюся пару. Слёзы безудержно катились по его щекам – он и не пытался их унять. Из его жизни ушли люди – их никогда, никогда больше не вернуть. И можно было распрощаться с потаённым желанием, которое он хранил в своём сердце, как молитву. Зная, что делает это в последний раз, он обронил в темноту – чтобы навсегда запечатать в груди – обречённое:

– Я хочу домой...

Так благословенный дом – желанное место отдохновения – навсегда превратился в недостижимый замок на небесах. Такая остался один на берегу, и только озеро продолжало мягко выплёскивать свои глубокие воды к его ногам.

ЭПИЛОГ

О том, что было потом, Такая ничего не помнил.

Прошли сутки с тех пор, как он отправил на тот свет Удзимасу и Удзитэру. Утром второго дня он наконец очнулся ото сна и обнаружил себя лежащим в расстеленной на полу свежайшей гостиничной постели и глядящим в янтарный решётчатый потолок.

Такая не сразу понял, где находится. Ему казалось, что он видел какой-то длинный-длинный сон, и это мешало быстро сориентироваться.

– Такая, – раздался голос рядом.

Он повернул голову и увидел у изголовья своей постели юношу, который заглядывал ему в лицо. Через несколько мгновений Такая смог произнести его имя:

– Юзуру?..

Нарита Юзуру улыбнулся. Похоже, он давно уже сидел здесь, ожидая, когда его друг придёт в себя.

– Наконец-то ты проснулся. Как самочувствие? Ты спал со вчерашнего дня.

– Где мы?..

– В рёкане госпожи Асаоки. Ты так крепко спал, что не хотелось тебя будить.

Похоже, ему решили дать выспаться... Наконец застилавшая сознание Такаи пелена рассеялась, и он пришёл в себя.

– С тобой всё в порядке?! – воскликнул он, резко садясь на постели. – Ты был в дереве... Твоё тело...

– Катакура-сан подключил к делу отряд Курохабаки, – сказала Аяко, заходя в комнату. – Они и отыскали его.

На лице Такаи читалось недоумение. Аяко ободряюще улыбнулась.

– Спасибо, Кагэтора, ты хорошо поработал. И на этот раз, похоже, действительно вымотался.

– Что это за место?.. Что мы здесь делаем?..

– Ты действительно не помнишь? Ты разбил Зеркало Самки, потом своим ходом вернулся к нам и свалился от усталости.

Такая совершенно не помнил, в какой момент решил вернуться, и как именно возвращался – похоже, его тело действовало само по себе.

Аяко укоризненно вздохнула, скрестив руки на груди.

– Что ж, ничего удивительного. Ты едва восстал из мёртвых и сразу же безрассудно бросился в бой – понятно, почему тебя подкосило.

– Нэ-сан...

– Благодаря тебе область Никко удалось освободить от Ходзё. Душам в деревьях, конечно, пришлось несладко, но все они благополучно вернулись в тела, и к сегодняшнему утру люди постепенно очнулись. Те неочищенные души, которых согнали с водопада Кэгон, мы тоже вчера отправили на тот свет.

– Вчера... Я что, получается...

До него наконец дошло, что он провалялся в постели целые сутки. Это означало, что подчищать концы после операции – а это была одна из ключевых фаз – пришлось Наоэ, как следующему по цепочке командования (например, нужно было подобрать всех спецназовцев, чьи тела использовались как вместилища, и расправиться с оставшимися духами без тел). К тому же, на следующее после происшествия утро в Никко хлынул поток журналистов, и приходилось ещё и их обходить стороной, что требовало вдвое больше усилий.

И Юзуру, как можно было видеть, благополучно вернулся в тело, которое обнаружилось в одной из дальних комнат особняка Ходзё. По счастью, приказ избавиться от тела не успели отдать. Юзуру приехал в рёкан Асаока прошлым вечером.

Такая посмотрел в улыбающееся лицо друга, всё ещё несколько рассеянно, и перевёл взгляд на окно, из которого в комнату лился свет. Если он спал сутки, это означало, что сегодня был третий день с тех пор, как он приехал в Никко. Такая снова порылся в памяти, но между событиями на озере и нынешним моментом по-прежнему зияла пустота.

– Ладно, не ломай голову, лучше отдохни, – предложила Аяко. – Твоим родным мы позвонили, как положено. Ты очень устал – и физически, и, я бы сказала, душевно.

Такая совсем не чувствовал себя уставшим, но Юзуру согласно закивал. Он выглядел как обычно, от ужасной силы, проявленной в особняке Ходзё, не осталось и следа – должно быть, она утихомирилась, стоило душе вновь оказаться в теле.

– За меня не волнуйся, – сказал Юзуру, – со мной всё в порядке. Я посижу с тобой, отдыхай.

Он мягко надавил Такае на плечи, укладывая обратно в постель, и накрыл его сверху одеялом. Когда голова Такаи, ещё не вполне ясная, коснулась подушки, он вдруг подумал, глядя на обращённое к нему лицо друга, что забыл что-то важное касательно него.

«Что бы это могло быть?..»

Что-то очень важное, о чём знали он и Кэнсин – и теперь это полностью вылетело у него из головы.

«Причём здесь Юзуру?..»

Что именно он вспомнил во время схватки с Удзимасой? Какие именно слова обращал тогда к самому себе? Память молчала, и непонятно было, почему – ведь тогда всё казалось кристально ясным...

– Что-то не так? – спросил Юзуру, озабоченно склоняясь над ним. Такая, охваченный внезапной тревогой, открыл было рот, чтобы ответить, как вдруг отчётливо осознал, что с его другом, за то время, что они не виделись, всё-таки произошла одна странная перемена.

– Юзуру...

– Что?

– У тебя на лбу...

Первой среагировала на это Аяко – Такая заметил, как вздрогнули её плечи и изменилось лицо. Юзуру отвёл взгляд, словно ему напомнили о чём-то неприятном.

Во лбу у него горела красная точка, похожая на бинди. Точка рассеивала вокруг очень характерную негативную энергию.

«Неужели...»

Такая побледнел. Он уже видел это раньше. Ошибки быть не могло. Он знал, что это было.

***

– Кагэтора проснулся, – объявил Чиаки, сходя в соседнюю комнату на разведку.

Стоявший у окна Наоэ скользнул по нему взглядом и вернулся к рассматриванию пейзажа по ту сторону стекла.

– Понятно.

– Ты не явишься пред светлые очи? – спросил Чиаки, наблюдая за повёрнутым к нему в профиль лицом. Наоэ, глядевший в одну точку где-то на поверхности озера, в конце концов опустил глаза.

– Потом схожу доложить.

Чиаки оценивающе посмотрел на него и украдкой вздохнул.

– После смерти Удзимасы ряды Ходзё трещат по швам. Падение Татэямы – вопрос времени. Датэ действуют очень сноровисто. Ни у одной другой армии мы не видели такой сплочённости и манёвренности. Сейчас они вроде как настроены дружелюбно, но кто знает, что будет потом. Нужно держать с ними ухо остро.

– А войска Такэды вторглись в Сагами, – ответил Наоэ деловым тоном. – Но там остатки Ходзё яростно сопротивляются – у Сингэна не получится лёгкой победы.

– Он, небось, вздохнул с облегчением, узнав, что Зеркало Цуцуги разбито. Надо было перед тем как разбить запереть там хоть Сингэна, хоть Нобунагу... Хотя настоящая проблема в другом, – закончил Чиаки, посуровев лицом.

Наоэ кивнул, прекрасно понимая, что тот хочет сказать.

– Нарита Юзуру...

– Наоэ, эта красненькая точка, как ты на неё ни посмотри – «Зерно Дьявола» Нобунаги. Это очень, очень хреново. Мягко говоря.

– Я знаю.

– За Датэ Кодзириро, получается, стояли Ода – сволочи, как они посмели зафигачить Нарите эту штуковину. Руку даю на отсечение, что это Мори Ранмару пробудил его силу в особняке Ходзё. После того, как душу вынули из дерева, он вроде бы стал самим собой, но

всё это держится на соплях. Его истинную сущность становится сложно подавлять и контролировать, она может снова вылезти наружу в любой момент.

– Что это вообще за сущность? – спросил Наоэ мрачно. – Судя по всему, сила юноши была кем-то однажды запечатана. Ты не догадываешься, кто бы это мог сделать?

– Если бы я догадывался, мы бы тут сейчас репу не чесали, – Чиаки досадливо прищёлкнул языком и уселся на татами. – Колоссальная сила Нариты может стать последним козырем в Усобице Духов. Что бы там Кагэтора ни говорил, я уверен: он это знал, и специально так переродился, чтобы присматривать за ним. Возможно, Кагэтора единственный, кому известны все его тайны... Кстати, это означает, – добавил Чиаки, бросив на Наоэ быстрый взгляд, – что если бы Кагэтора, допустим, отдал концы, то мы бы сейчас остались с чудовищем по имени Нарита один на один, безо всякой возможности обезопасить его от кого бы то ни было.

Наоэ по-прежнему стоял, глядя на озеро за окном. Выражение его лица не изменилось – только рука крепче сжала занавеску.

– Нагахидэ, – сказал Наоэ жёстко (было видно, что ему стоит некоторого труда сохранять спокойствие), – можешь ли ты запечатать Зерно Дьявола? Я понимаю, что изъять его сложно, но если заблокировать функцию дистанционного контроля... Можешь? Нет – пожалуйста. Я тебя прошу.

Судя по настойчивости в его голосе, Наоэ был сильно встревожен. Чиаки молча кивнул, а потом добавил:

– Не оставлять же эту ядерную бомбу целиком во власти Нобунаги.

Тут в дверь постучали. Наоэ ответил, и в комнату вошла Майко.

– Мой брат только что вернулся из больницы, – сказала она. – Он хочет вас поблагодарить – вы не против?

Следом за Майко показался её младший брат Синья и поздоровался с обоими мужчинами. В тёмно-синем блейзере поверх белой футболки он выглядел как обычный студент. Они с Майко были очень похожи – сразу видно, брат и сестра. Прежде Наоэ видел его лежащим без сознания на больничной койке; сейчас на щеках юноши горел здоровый румянец, а взгляд широко раскрытых глаз лучился энергией молодости.

– Огромное спасибо, – Синья глубоко поклонился. – Сестра мне всё рассказала. Я в самом деле не знаю, как вас благодарить.

– Не стоит, – лицо Наоэ приняло мягкое выражение, на его губах появилась интеллигентная улыбка. – Ты сам сделал возможным своё спасение. Если бы не твоё послание, никто бы не обратил внимания на серьёзность происшествия. Это мы должны тебя благодарить.

– Я сам толком не помню, что я сделал – но верно, я всё время пытался докричаться до сестры.

Возможно, сейчас всё случившееся казалось Синье не более чем сном. Он немного задумался, потом улыбнулся.

– Но если то, что я сделал ради собственного выживания, ещё и помогло другим людям – я очень рад. Мне ещё никогда не удавалось никого спасти...

На лицо юноши набежала тень. Наоэ догадался, о чём он думает.

– Твоя сестра рассказала мне о твоём даре предвидения.

Вскинув голову, Синья повернулся было к Майко, чтобы наброситься на неё с упрёками, но Наоэ не дал ему этого сделать.

– У людей бывают такие способности, для меня это не секрет.

Синья посмотрел на него с удивлением. Наоэ подумал, что именно из-за этой способности его, скорее всего, и выбрали в качестве жертвы, но вслух произнёс другое:

– Я догадываюсь, как непросто тебе жить. Не претендую на полное понимание, и ты можешь считать мои слова проявлением праздного сочувствия, но позволь сказать. – Голос Наоэ звучал ровно. – Ты несёшь этот крест с самого рождения, и ноша твоя тяжела, но... пожалуйста, не сдавайся.

– Татибана-сан...

– Я думаю, ты и сам всё хорошо понимаешь – и всё же скажу ещё раз: не дай своей ноше раздавить тебя. Кому, как не тебе, предсказывающему смерть, знать ценность жизни. Твоя сестра и родители очень тебя любят. Помни о них и – не сдавайся.

Несколько долгих мгновений юноша смотрел на Наоэ в оцепенении – должно быть, вспоминал обо всех тех случаях, когда его способность к предвидению причиняла ему боль. Потом его глаза увлажнились. Возможно, никогда прежде он не слышал ничего подобного от посторонних.

Он закрыл глаза и ещё раз низко поклонился.

– Большое... спасибо...

Наоэ смотрел на него так, словно они были сто лет знакомы. Майко почувствовала, как сердце её брата раскрылось, расправилось – будто он вернулся в беззаботное время детства.

Синья долго простоял так со склонённой головой. Наверное, не мог справиться со слезами.

***

– Татибана-сан! – позвала Майко, выйдя следом за Наоэ в коридор. Он собирался сделать телефонный звонок, но остановился, не дойдя до лестницы.

– У меня к вам небольшой разговор... Выслушайте, пожалуйста.

Наоэ сперва недоумённо нахмурился, а потом спокойно сказал:

– Конечно, я вас слушаю.

Майко помолчала, словно не зная, с чего начать. Наконец, она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

– То, что вы сейчас сказали Синье... Мне захотелось сказать то же самое вам.

Улыбка медленно сползла с его губ.

– Пожалуйста, не сдавайтесь, – серьёзно повторила Майко те самые слова, что Наоэ говорил минуту назад. – Как бы ни было тяжело, не опускайте руки... Даже если самый дорогой вам человек – это ваш крест...

– Асаока-сан...

Наоэ собрался сказать, что не понимает, о чём речь, но вдруг его осенило: Майко имеет в виду его и Такаю. Теперь пришёл его черёд подыскивать слова. Майко смотрела на него в упор, подняв голову и прижав к груди сжатые кулаки.

– Я люблю вас.

Наоэ застыл, как громом поражённый, но девушка не стала дожидаться его ответа.

– Я волнуюсь за вас. Мне больно смотреть, как вы мучаетесь. Я знаю, что ничем не могу помочь, но мне всё равно больно – ведь вы столько значите для меня...

Наоэ уставился на неё в немом изумлении. Майко продолжала, широко раскрыв свои большие глаза.

– Когда вы рядом с ним, вы кажетесь таким подавленным... Почему вы настолько не цените себя? Вы же всё понимаете... Понимаете, что не можете уйти – не хотите уходить...

– Наоэ молчал. – Даже если тот, кого вы любите, заставляет вас страдать – не заикливайтесь на этом. Не отталкивайте его от себя, иначе потом пожалеете.

Наоэ смотрел на неё сверху вниз, и от этого взгляда у Майко защемило в груди; она закусила губу и, не выдержав, опустила глаза.

– Извините, что лезу со своими советами... Но я правда вас люблю, очень-очень... Я на самом деле так злюсь, так ревную – вот такая я плохая... Но я не обманываю вас. Потому что, мне кажется, я понимаю ваши чувства.

– Мои чувства?.. – повторил Наоэ.

– Он очень красив. Мужчина, женщина – не в этом дело... Он просто притягивает к себе, так, что даже голову теряешь...

Майко умолкла, заметив боль, промелькнувшую в глубине его зрачков. Её сжатые в кулаки руки задрожали, и она, не справившись с собой, резко вскинула глаза. В глазах стояли слёзы.

– Эгоист – вот он кто!.. Потому что нечестно!.. Вы так его любите, так любите, что сами от этого страдаете, а он – думает только о себе, неужели он не понимает, какое счастье ему досталось?!

– Асаока-сан...

– Другие всё бы отдали ради вашей любви, но не имеют даже надежды, а он... хорошо устроился, ничего не скажешь!..

Майко уже всхлипывала вовсю, когда рука Наоэ легко коснулась её щеки. Девушка вздрогнула от неожиданности и подняла голову, повинувшись движению его пальцев.

– Татибана-сан...

Наоэ заглянул ей в глаза – открыто и прямо, чтобы успокоить, – и покачал головой, не соглашаясь.

– Не говорите о нём плохо...

Но лицо у него при этом было такое, что жалко смотреть.

– Скажите... Вы в самом деле его любите? По-настоящему любите?

Наоэ улыбнулся. Майко спросила, цепляясь за последнюю соломинку:

– Несмотря на то, что он мужчина?

Наоэ не говорил ни да, ни нет, но улыбка, которая блуждала сейчас на его губах, предназначалась не ей. Девушку пронзило острое желание присвоить эту улыбку себе навечно, и у неё снова защипало в глазах.

– Обещайте мне, – сказала она, глядя в пол, – обещайте, что не будете бежать. Обещайте, что будете счастливы. И если он единственный, кто способен сделать вас счастливым, – Майко подняла лицо, не вытирая слёз, – будьте с ним.

Наоэ перестал улыбаться, снова становясь бесстрастным.

– Я буду с ним, – сказал он, – до самой своей смерти... да нет, и после смерти тоже. Я не оставлю его, я буду его любить... – Наоэ медленно прикрыл глаза. – И однажды я буду с ним счастлив.

Майко посмотрела на него долгим внимательным взглядом. Милое её сердцу лицо... Это был, без сомнения, первый и последний раз, когда она видит его так близко – жаль, перед глазами всё расплывается от слёз... «Вот и хорошо, вот и ладно» – говорила она себе, но какая-то часть её возмущалась, что вовсе ничего и не ладно, и, пытаясь заглушить этот внутренний голос, она снова обратилась к Наоэ:

– Не забывайте этих слов.

– Асаока-сан...

– Вам, из всех людей, я желаю счастья. Так что, пожалуйста, не забывайте этих слов.

***

К вечеру следующего дня всё, что ещё требовалось доделать, оказалось сделано.

Храмовые постройки Никко, по счастью, почти не пострадали – только склоны гор немного обвалились в нескольких местах. Теперь, когда все похищенные души вернулись в тела, и люди благополучно очнулись от комы, в этой истории можно было поставить точку.

Катакура, доложив о том, что было сделано с его стороны, вернулся в Сэндай. Косака в самый разгар суеты исчез – а потом стало известно, что Удзинори, младшего брата Удзимасы, обосновавшегося на горе Куно, кто-то убил. Это означало, что Такэда, не ограничившись Сагами, выдвинулись в Токай.

Таким образом у якиши Уэсуги осталась ровно одна проблема: Нарита Юзуру.

– Кагэтора сказал, что наложит на Зерно Дьявола заморозку, – сказала Аяко.

Дело было в фойе рёкана, куда они спустились с Чиаки, чтобы Юзуру их не услышал.

– Чтобы оно на время перестало работать. Хорошо будет, если оно так само собой и отомрёт, но вряд ли стоит на это надеяться... Сколько нам пришлось в своё время натерпеться от людей с этими штуковинами, – Аяко нахмурилась, – и вот, теперь и в этой жизни... И не кто-то там, а Юзуру-кун...

– Сволочи... – Чиаки уселся на диван и прикусил большой палец. – И ведь сам Нобунага даже ещё не пробудился – мы недооценили его людей... Всё, нашему парнишке теперь будет не до сантиментов.

– Кагэтора, конечно, сказал, что это его ошибка... Но Ода так хитро всё подстроили, как раз когда он сам попался врагам, и его не было рядом... – Аяко вздохнула и перевела взгляд на потолок. – И знаешь, он ведь полностью *Кагэтора* теперь. Даже страшно делается от такой внезапной перемены. Наверное, потому что он встретился с кровными родичами, всё так быстро и получилось...

– Плохо ему?

– М-м... Он старается этого не показывать, но да, я иногда замечаю... У него бывает такой несчастный вид... Я хочу ему как-то помочь, подбодрить, но от меня он этой помощи не примет, будет держать лицо. Он же гордый. Если я полезу к нему с неудачными словами утешения, его это ещё и по самолюбию может ударить – он мне никогда не простит. Боязно! Нет, не по мне эта работа...

– Ты права... – пробормотал Чиаки, вспоминая, что Такая, когда он его видел, был молчалив и замкнут в себе.

– И как же всё усугубляется, – продолжил он, бросив взгляд на входную дверь, – когда единственный квалифицированный утешитель сам в известно каком состоянии...

– Ты о Наоэ?

– Не знаю и знать не хочу, что там между ними произошло. Что бы ни случилось дальше – это их проблемы. Полезешь в эту их холодную войнушку – тебе же потом и прилетит... Нет, нам остаётся лишь держать кулаки, чтобы их личноперсональное не мешало работе ещё больше, чем сейчас.

Он скрестил руки на груди и закрыл глаза, прислушиваясь к тиканью напольных часов. Клонящееся к западу солнце отражалось в крашеном стекле, по стенам плясали зайчики.

Аяко, как Чиаки до неё, бросила взгляд на входную дверь, за которой некоторое время назад скрылись Такая и Наоэ.

***

На озере Тюдзэндзико вечер вступил в свои права. Мелкие волны мягко ударились о берег, закатное солнце красило золотом сверкающую гладь воды.

Такая сам вызвал Наоэ на этот причал – сказал, что хочет услышать его доклад. В ветреном воздухе уже чувствовалось дыхание осени, и одна тонкая рубашка, пусть и с длинным рукавом, не спасала от прохлады. словно в попытке согреться, Такая поднёс руку к распахнутому вороту, ладонью прикрывая горло; рубашка была ему чуть велика и раздувалась на ветру.

Наоэ остановился позади Такаи, замершего на краю пирса, – не оборачиваясь, тот следил за скольжением прогулочных корабликов по поверхности воды, – и молча уставился ему в спину.

Докладывать было особо не о чем, это уже сделали Аяко и Чиаки. Наоэ изложил пару незначительных деталей, и никакой реакции не получил – ни слова, ни кивка. Такая слушал спиной.

– Конец доклада, – кратко подытожил Наоэ. – Какие-нибудь вопросы?..

И снова Такая не обернулся, только зажмурился, опустив лицо; ветер, коснувшись его плеч, мгновением спустя взьерошил волосы на голове Наоэ. На минуту воцарилась тишина, а потом Наоэ сказал:

– Если вопросов нет, я пойду. – Такая вздрогнул и распахнул глаза. – Попросите Нагахидэ отвезти вас в Мацумото. Ваш отец и Мия-сан сильно волнуются – поезжайте скорее домой, пусть увидят, что с вами всё в порядке... Ну, всего доброго.

Низко поклонившись, он зашагал обратно, и тут Такая впервые за всё это время раскрыл рот.

– Наоэ.

Тот остановился и обернулся, только затем, чтобы снова упереться взглядом в безмолвную спину. Позвать позвал, но разговор начинать не собирается – впрочем, смысл этого молчания был понятен и так. Несколько минут Наоэ разглядывал силуэт своего господина, а потом заговорил.

– Вам пришлось уничтожить тех, кто приходились вам родичами – догадываюсь, чего вам это стоило и восхищаюсь вами за то, что вы это сделали. Надеюсь, вы и впредь будете также непоколебимы в исполнении долга.

«Я не это хотел от тебя услышать», – мысленно возразил Такая. Его опущенные плечи слегка подрагивали, словно от сдерживаемой злости. Наоэ знал, что Такая ждёт от него слов

утешения, но специально их не произносил. Не выдержав, Такая набрал воздух в лёгкие, но Наоэ его опередил:

– Не ждите, что я вас пожалею.

Юноша вскинул голову.

– Вы сделали то, что должны были сделать – только и всего. Слишком пустячный повод, чтобы требовать сочувствия...

– Почему ты так себя ведёшь?!

– Если вам нужно утешение, вы можете найти его в моих объятиях.

Такая дёрнулся, а Наоэ ледяным тоном продолжал:

– О, это будет приятно – достаточно для того, чтобы позабыть об угрызениях совести. Стоит лишь перетерпеть боль, и ваше гибкое тело познает новое наслаждение – принимать. Вы станете моим рабом, вы не сможете без меня обходиться. Я буду нужен вам как инструмент для получения удовольствия...

Такая в ярости обернулся.

– Сердитесь?

Он сердился настолько, что не мог придумать ответ. Наоэ недобро сощурился.

– В моих словах, – бросил он в тишину между всплесками волн, – не было лжи...

Такая напрягся. Наоэ сделал вид, что не заметил.

– Я люблю вас. Мне неважно, мужчина вы или женщина, я буду любить вас всегда. И я хочу вас – ваше тело и душу, хочу владеть вами полностью, безраздельно...

Такая стоял, затаив дыхание; его прижатые к груди пальцы впились в плоть. Он не мог определить, было ли искренним это безучастное признание. То, как Наоэ произнёс его – отстранённо, словно речь шла о далёком прошлом, – контрастировало со смыслом слов. Так что же это, правда или какая-то хитрая игра? Вопрос оставался без ответа, и Такая, раздражённый донельзя, снова повернулся к Наоэ спиной. После минутного молчания тот торопливо заговорил:

– Я не стану спрашивать, что вы обо мне подумали. Не желаете меня видеть – воля ваша, но работа есть работа, и я продолжу её выполнять. Я буду поблизости в качестве помощника и подчинённого, но не стану вмешиваться в вашу жизнь.

Такая не отвечал.

– Что касается Юзуру-сана... К этому делу нужно подходить со всей осторожностью. Проблема серьёзная сама по себе, даже если отставить в сторону чувства... Надеюсь, вам удастся решить её наиболее безболезненным способом, но, пожалуйста – будьте бдительны.

Такая, закусив губу, смотрел прямо перед собой. Сзади его фигура выглядела очень одиноко... Гуляющий над озером ветер пробирался под одежду, отнимая тепло. Наоэ снял пиджак, подошёл к юноше вплотную и накинул пиджак ему на плечи.

– Берегите себя, – прошептал он у него над ухом. – Желаю благополучно добраться домой... – Тут его голос потяжелел и он закончил, словно подводя черту: – Всего доброго.

Наоэ развернулся и направился к берегу, теперь уже не останавливаясь – да и Такая не стал окликать его во второй раз. Уставившись в одну точку на поверхности воды, он прислушивался к затихающим шагам, не в силах обернуться – настолько не хотелось ему видеть удаляющуюся спину.

Наконец, звук шагов окончательно стих, а Такая так и не смог пошевелиться.

Мелкие волны мягко шелестели у причала. Вот пришла волна побольше – это докатились до берега круги от прошедшего вдалеке корабля.

Наоэ тоже не оборачивался. Его лицо больше не выражало никаких чувств – будто с самими этими чувствами было покончено. Он сел в припаркованный у причала «виндом». Услышав за спиной звук запускаемого двигателя, Такая испугался.

«Я потеряю его».

Вместе с этой мыслью накатила тревога – нет, не просто тревога. Самый настоящий страх запустил когти в его сердце. Он вспомнил мать, ушедшую из дома, и как это больно, когда тебя бросают. Эта боль никуда не делась до сих пор.

«Ты тоже меня бросаешь, как она!»

Ему безудержно захотелось снова позвать Наоэ. Можно подумать, этого будет достаточно, чтобы его удержать... Такая сделал над собой усилие; имя так и осталось произнесённым.

«У меня нет права», – подумал он.

Потому что Наоэ нужен был не Оги Такая, а Кагэтора.

«Оги Такая не имеет права его удерживать».

Таким образом вы снова хотите от меня убежать?

«Я не убегаю».

Он просто не мог принять то, что было уму непостижимо. Если верить словам Наоэ, возможно, он действительно сможет облегчить его боль (о том, какие отвратительные действия для этого придётся предпринять, не хотелось даже думать).

Но удовлетворится ли Наоэ телом? Нынешним телом, которое принадлежало Такае, и само по себе ни в коей мере не являлось *Кагэторой*? Не будет ли это лишь временным утешением, способом забыться?

«Этого я позволить не могу».

«И всё таки, – продолжал Такая думать, – ...почему всё это, Наоэ?»

Он совершенно не понимал этого человека. Он просто слишком мало знал о нём, чтобы понять. Забота опекуна о подопечном... Всё это время за ней скрывались чувства, какие мужчина испытывает к женщине? По какой такой причине Наоэ вспылал к Кагэторе – будучи одного с ним пола – плотской любовью?

Секс с женщиной... Это ненормально, как этого можно хотеть? У Такаи не укладывалось в голове. Почему душевной теплоты, которая существовала между ними, недостаточно? Что заставляет Наоэ испытывать то, что он испытывает, бросать Такае в лицо эти холодные, резкие, угрожающие слова?

«Ты уверен, что это любовь?» – хотелось ему спросить.

И, конечно же, стоит ему задать подобный вопрос, как этот невозможный человек с жестокостью, свойственной лишь тому, кто ненавидит, снова сделает ему очень, очень больно.

А если согласиться – можно ли этого избежать? Преодолеть отвращение, сделать то, что от него хотят. Будет ли Наоэ этого достаточно?

Такае нужно было понять причину враждебности, понять, что именно в нём самом заставляет Наоэ чувствовать ту пресловутую «угрозу». Пока он всего этого не понял, он ничего не может предпринять.

Почему вообще он сам тонет в этом водовороте эмоций? Он, который обычно с лёгкостью отталкивает от себя людей. «Мне не нужно», «Меня не касается» – вот его коронные фразы, но почему-то не на этот раз...

Ведь что произошло, если подумать: человек, которому он доверял, оказывается, хочет от него вполне определённых вещей. Это само по себе непростительно. За бескорыстной, казалось бы, заботой, скрывалось требование расплатиться телом – Наоэ может говорить, что ничего не требует, но как иначе это назовёшь? Это предательство, и Такае ощущал себя преданным, но почему-то не мог просто взять и выбросить этого человека из своей жизни.

Такая не хотел видеть Наоэ в нынешнем неуправляемом состоянии. Он же совсем другой, эта холодность от природы не присуща ему. Если причина в том, что Наоэ в глубине души его ненавидит... Такая предпочёл бы думать, что это какая-то ошибка. Даже если всё на самом деле так – должен быть другой, менее извращённый способ разрешить эту ситуацию и избавить Наоэ от боли.

Да, обязательно должен быть способ облегчить его страдания, не опускаясь до противоестественной плотской связи.

«Я не хочу тебя терять...»

Почему это было столь важно, Такая не мог себе объяснить. Потому что Наоэ принял его как есть, безо всяких оговорок?

«Нет, не поэтому...»

У него и до того были близкие люди – Мия, Юзуру... Он не был одинок. Почему именно в отношении Наоэ возникал этот страх быть покинутым? Откуда это волнение, эта тревога?

«Чёрт, как всё неправильно...» – подумал Такая, негодуя на самого себя. Творившееся с ним было необъяснимо, он сам себя не узнавал, его пугала собственная слабость.

«Всё совершенно неправильно!»

И параллельно с этим Такая ясно осознавал, что все эти скачущие мысли порождало ничто иное, как непомерное самомнение. Он только зря обманывал себя, потому что человеком, которого Наоэ безоговорочно принимал, и которым жаждал обладать – был Кагэтора.

Заменой Такая становится не хотел. Но использовать чувства Наоэ к Кагэторе, чтобы привязать его к себе – на это у него пока ещё не хватало наглости.

Кагэтора... Что за человеком он был, что Наоэ рядом с ним настолько измучился? Хотя на самом деле вопрос следовало задавать так: «Что за человеком был я сам тридцать лет назад, до того, как потерял память?» Ведь именно он тогдашний мог бы помочь Наоэ сейчас... Такая впервые захотел узнать, о чём Кагэтора думал и что чувствовал.

Что именно произошло тридцать лет назад... Что довело Наоэ до его теперешнего состояния... Что было у него самого на сердце, почему он решил всё забыть – сейчас, как никогда, ему необходимо было это знать. И если он узнает, то наверняка поймёт, что именно он тогдашний, перерождаясь без памяти, ожидал от себя нынешнего.

И тогда...

«Если я стану Кагэторой, каким он был до потери памяти...»

Такая прикусил губу.

«Буду ли я иметь право думать о нём?..»

И чем ради этого придётся пожертвовать – своим нынешним я?..

Гора Нантай на противоположном берегу словно пылала в огне, объята закатным солнцем; сверкающее в его лучах озеро было прекрасно, как никогда.

Сейчас, пытаясь заглянуть в своё прошлое, Такая и не подозревал, что приводит в действие опасное колесо судьбы – ибо бездонные глубины его сердца скрывали больше тайн, чем прекрасное озеро перед его глазами... Не ведая об этом, он начал разматывать нить памяти, пытаясь добраться до чувств, которые ему следовало бы похоронить.

Наоэ заставил себя оторвать взгляд от зеркала заднего вида, в котором одинокая фигура Такаи застыла на пирсе, и смотреть на дорогу. Откуда ему было знать, что его нынешний уход – со словами любви на устах – вынудит любимого человека в будущем совершить непоправимую ошибку?

Такая хотел понять, что было у Кагэторы на уме. Этому желанию суждено было стать ключом к запертой двери, скрывавшей за собой чувства, ворошить которые не полагалось. Возможно, Кагэтора и запечатал память как раз для того, чтобы избежать подобной опасности.

Такая плотнее закутался в пиджак Наоэ, приложив воротник к губам, и устремил полный невысказанной боли взгляд на раскинувшуюся перед глазами красоту. Так мужчина и юноша растались, не сумев протянуть мостик от сердца к сердцу.

Блики света на волнах резали глаза – Такая прикрыл веки. Над горой Нантай, над озером Тюдзэндзико торжествовал золотой закат; свежий ветер, дышащий осенью, оглаживал водную поверхность.

Вспорхнула в небо стайка озёрных птиц.

Двое людей вступили на путь, не ведая, куда он заведёт – да и кто мог об этом знать, кто мог догадаться? Им предстояло шагать во тьме, пробираться на ощупь – но у них не было пути назад.

Только вперёд, по дороге, сокрытой во мраке.

Конец 8 тома